

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

2024. Т. 46, № 6

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)**

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

2024. Т. 46, № 6

Главный редактор

Е. С. Сенявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора

А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrso.ru

Редакционный совет

- Е. В. АНИСИМОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)
- В. Н. БАРЫШНИКОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- Ю. А. ВАСИЛЬЕВ**
д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)
- М. А. ВИТУХНОВСКАЯ**
д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)
- В. Н. ЗАХАРОВ**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)
- С. Т. ЗОЛЯН**
д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)
- Ю. ИНОУЭ**
к. ф. н., профессор, Университет Дзэти (Токио, Япония)
- И. И. МУЛЛОНЕН**
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- С. А. МЫЗНИКОВ**
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)
- В. А. ПЛУНГЯН**
д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка имени В. В. Виноградова (Москва, Россия)
- К. СКВАРСКА**
д. философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)
- Н. А. ФАТЕЕВА**
д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)
- М. А. ЧЕРНЯК**
д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

- А. В. АНТОЩЕНКО**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- М. А. БОБУНОВА**
д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)
- С. Г. ВЕРИГИН**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- В. И. ГОЛДИН**
д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)
- Т. А. ГРИДИНА**
д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
- Р. ГРЮНТХАЛЬ**
д. философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)
- Н. В. ДРАННИКОВА**
д. ф. н., профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия)
- П. М. ЗАЙКОВ**
д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)
- С. Г. КАЩЕНКО**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- Д. В. КОБЛЕНКОВА**
д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)
- С. И. КОЧКУРКИНА**
д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО**
к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- Ю. В. КРИВОШЕЕВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- П. А. КРОТОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- А. Е. КУНИЛЬСКИЙ**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- Е. И. ЛЕЛИС**
д. ф. н., профессор, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)
- О. В. НИКИТИН**
д. ф. н., профессор, Государственный университет просвещения (Мытищи, Россия)
- Н. В. ПАТРОЕВА**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- А. М. ПАШКОВ**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- А. А. ПОПОВ**
д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)
- И. А. РАЗУМОВА**
д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)
- М. Ф. РУМЯНЦЕВА**
к. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)
- В. И. СУПРУН**
д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)
- Л. Л. ШЕСТАКОВА**
д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)
- Ю. Г. ШИКАЛОВ**
д. философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2024. Vol. 46, No 6

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of Sciences in History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address
Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711
E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petsu.ru

© Petrozavodsk State University, 2024

Editorial Board

- E. ANISIMOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. BARISHNIKOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- YU. VASIL'EV**
Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)
- M. VITUKHNOVSKAYA**
Doctor of Philosophy, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)
- S. ZOLYAN**
Doctor of Philology, Professor, National Academy of Sciences of Armenia (Yerevan, Armenia)
- Y. INOUE**
PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- S. MIZNIKOV**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. PLUNGIAN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- K. SKWARSKA**
Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czech Republic)
- N. FATEEVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- M. CHERNYAK**
Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

- A. ANTOSHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- M. BOBUNOVA**
Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)
- S. VERIGIN**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- V. GOLDIN**
Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- T. GRIDINA**
Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
- R. GRYÜNTAL**
Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- N. DRANNIKOVA**
Doctor of Philology, Professor, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russia)
- P. ZAYKOV**
Doctor of Philology, Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)
- S. KASHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- D. KOBLENKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)
- S. KOCHKURKINA**
Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- A. KRIVONozHENKO**
PhD in History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- YU. KRIVOSHEEV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- P. KROTOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- A. KUNIL'SKIY**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- E. LELIS**
Doctor of Philology, Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)
- O. NIKITIN**
Doctor of Philology, Professor, State University of Education (Mytishchi, Russia)
- N. PATROEVA**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. PASHKOV**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. POPOV**
Doctor of History, Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)
- I. RAZUMOVA**
Doctor of History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)
- M. RUMYANTSEVA**
PhD in History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)
- V. SUPRUN**
Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)
- L. SHESTAKOVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- YU. SHIKALOV**
Doctor of Philosophy, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	<i>Суворова И. М., Нилова А. Ю.</i> Античные образы в поэтических публикациях журнала «Отечественные записки» (1868–1877)	62
РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ			
<i>Дьячкова И. Н.</i> Свадебный хлеб <i>байник</i> у поморов: культурно- языковой аспект	8	<i>Шилова Н. Л.</i> Северные травелоги М. Пришвина как претекст очерка Ю. Казакова «Калевала»	71
<i>Лебедев А. А.</i> Риторический вопрос как фигура речи в поэзии Феофана Прокоповича	16	ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ МИРА	
<i>Шарапова А. К.</i> Зоотропы в текстах сборника «Дивная Водла- земля» А. С. Монаховой.	23	<i>Амириди С. Г.</i> Между двух миров: образ грека в рассказе «Hella- dos» Нодара Думбадзе	78
<i>Цюаньмин У</i> Функционирование фразеологизмов <i>козел отпу- щения и драть как сидорову козу</i>	30	<i>Седова Е. С.</i> Художественная интерпретация истории в рома- не Дж. Бойна «Мальчик в полосатой пижаме»	88
ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН			
<i>Братчикова Н. С.</i> Языковые особенности спортивных новостей (на материале финского языка)	36	ФОЛЬКЛОРИСТИКА	
КЛАССИЧЕСКАЯ, ВИЗАНТИЙСКАЯ И НОВОГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ			
<i>Гавра Е. П.</i> Интертекстуальность и прецедентные тексты в рус- ской и греческой версиях сериала «The Nanny»	43	<i>Никитина А. В.</i> Трансформация образа фольклорной сказки в сказ- ке лубочной на примере Бабы-Яги	97
<i>Сорокина Т. В.</i> Статусная дистанция в отказе: вежливые отказы в русском и новогреческом языках	49	<i>Петров А. М.</i> Неонила Артемовна Криничная: несколько штри- хов к научной биографии.	106
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ			
<i>Пигин А. В., Харебова Л. С.</i> Коллекция рукописей и книг кириллической печати А. Д. Синявского в Национальном музее Республики Карелия	55	Рецензии	
		<i>Никитин О. В.</i> Рец. на кн.: Исторический словарь народно-раз- говорной речи XVI–XVIII веков Рязанского края	112
		<i>Павлова Н. П.</i> Рец. на кн.: Голуб И. Б., Розенталь Д. Э. Секреты хорошей речи.	115
		Contents	118

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал перерегистрирован в Перечне рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным отраслям «Исторические науки» (с 20.12.2022 года) и «Филологические науки» (с 21.02.2023 года)

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Ю. С. Марковой

Дата выхода в свет 30.09.2024. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 45 экз.). Изд. № 73

16+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОГО
СОВЕТА ЖУРНАЛА**

Доктор филологических наук,
профессор,
член-корреспондент РАН
И. И. Муллонен

Irma I. Mullonen,
Editorial Board Member,
Dr. Sc. (Philology), Professor,
RAS Corresponding Member

**УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

Очередной филологический номер журнала традиционно включает статьи по языкознанию, литературоведению и фольклору. Лингвистический раздел представлен публикациями, посвященными разным разделам языкознания – от поэтического синтаксиса (А. А. Лебедев) до прагматики (Н. С. Братчикова, Т. В. Сорокина). Несомненный интерес представляют статьи по диалектной и фольклорной лексике (И. Н. Дьячкова, А. К. Шарапова) и фразеологии (У Цюаньмин), которые исследуют языковой материал как отражение народной культуры. Проблемы интертекстуальности и прецедентных текстов решаются на сопоставительном анализе русского и новогреческого языков (Е. Гавра).

Литературоведческий блок открывается обзором А. В. Пигина и Л. С. Харебовой ценной коллекции старообрядческих рукописей и книг XVII–XX веков, собранных в 1950–1960-е годы А. Д. Синявским и поступивших в Национальный музей РК в 2023 году. В этом разделе обсуждаются также вопросы интерпретации в литературе исторических событий (Е. С. Седова), межэтнических отношений и национальной идентичности (С. Г. Амириди), преемственности в развитии образа Карелии в русской прозе XX века (Н. Л. Шилова), семантики античных образов в поэтических публикациях журнала «Отечественные записки» (И. М. Суворова и А. Ю. Нилова).

В разделе «Фольклористика» предложена публикация А. В. Никитиной, в которой переработка народной сказки в лубочных сказочных сборниках показана через изменения в последних функциональных характеристиках образа Бабы-Яги. Статья А. М. Петрова решена в жанре истории фольклористики. В ней представлен обзор материалов ряда выступлений известной российской исследовательницы фольклора Н. А. Криничной на «Рябининских чтениях», посвященных влиянию личности сказителя на создаваемый им фольклорный текст.

Завершает номер традиционная рубрика «Рецензии», представляющая читателю «Исторический словарь народно-разговорной речи XVI–XVIII веков Рязанского края» (О. В. Никитин) и книгу И. Б. Голуб, Д. Э. Розенталя «Секреты хорошей речи» (Н. П. Павлова).

Осень – традиционная пора проведения научных форумов. Среди них – уже двадцатая по счету конференция «Бубриховские чтения», которая пройдет в конце октября и будет посвящена традициям и новациям в исследовании финно-угорских языков и культур. Организаторы – ПетрГУ и КарНЦ РАН – получили около сотни заявок, в том числе и от наших авторов. Журнал хорошо известен исследователям финно-угорской филологии, которая составляет один из приоритетов издания. Надеемся, что предстоящая конференция расширит круг и авторов, и заинтересованных читателей «Ученых записок Петрозаводского государственного университета».

ИРИНА НИКОЛАЕВНА ДЬЯЧКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и прикладной лингвистики Института филологии
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
gyla4@yandex.ru

СВАДЕБНЫЙ ХЛЕБ *БАЙНИК* У ПОМОРОВ: КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ

А н н о т а ц и я . Этнографические записи второй половины XIX–XX веков, включающие описание поморского свадебного обряда (П. С. Ефименко, П. В. Шейн, Н. П. Колпакова, Т. А. Бернштам, А. П. Разумова, Т. В. Зеленина и др.), свидетельствуют о повсеместном распространении на территории Беломорья традиции приготовления специального ритуального хлеба – *байника* (*баенника*, *банника*). Актуальность и новизна настоящего исследования состоят в том, что в нем впервые к анализу этой обрядовой практики привлекаются данные диалектных словарей, которые позволяют уточнить не только ее вербальное, но и предметно-акциональное, ритуально-смысловое, локальное наполнение. Помимо отмеченных в этнографических источниках выражений, таких как *собирать байник*, *дать на байник*, *положить на байник*, *шить байник* и др., словари фиксируют возможность переноса данной номинации на другие смежные объекты: скатерть, в которую этот хлеб зашивался, поднос / стол, на который его ставили, дары, которые клали на них родственники невесты, сам обряд приноса даров и под. В работе осуществляется этнолингвистический анализ таких обрядовых терминов, как *зашивание* и *расшивание* (*распарывание*) *байника*, транслирующих идею замыкания – закрытия и размыкания – разрушения, связанную с невестой, утратой ею девичества и в различных формах представленную в свадебном ритуале в целом. Особое внимание уделяется изучению символической корреляции невестиной бани, которая проводилась накануне венчания, и обряда собирания *байника*, рассматриваемой как дополнительное обоснование языкового родства данных наименований.

К л ю ч е в ы е с л о в а : байник, баня, свадебный хлеб, свадебный обряд, Поморье

Д л я ц и т и р о в а н и я : Дьячкова И. Н. Свадебный хлеб *байник* у поморов: культурно-языковой аспект // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 6. С. 8–15. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1069

ВВЕДЕНИЕ

Общеизвестно, что баня занимает особое и едва ли не исключительное место в севернорусском свадебном обряде. И в довенечной части свадебного действия, и в ритуалах, проходивших после венчания, именно баня становится кульминацией каждого из этапов, определяя и завершая стадии постепенного перехода жениха и невесты в новый социальный, возрастной и физиологический статус, становясь тем местом, в котором, по определению А. К. Байбурина, совершается «символическое уничтожение (отделение, расчленение) прежнего и “изготовление” нового человека» [1: 71].

Брачная символика бани, ее значение в традиционной свадебной культуре Русского Севера находит отражение в народном языке. См., например, общеизвестное выражение, зафиксированное

еще в словаре В. И. Даля, – *по рукам да и в баню*, которое звучало в речи сватов как приглашение заключить брак побыстрее, а также такие диалектные идиомы, отмеченные в говорах Пермского края, как

обвенчаться вкруг бани ожегом (то есть клюкой, деревянной кочергой. – И. Д.) (Подюков¹: 96); *по-за бани да в баню* (*вокруг бани да в баню*) со значением ‘жить в супружестве невенчанным’, ‘о заключивших брак без свадьбы’ (Подюков: 20): *Которые не венчались, дак им говорили: круг бани ожегом обвенчали* (с. Верхнее Мошево Соликамского р-на); *Раньше-то стозорно считалось, если в церкви не венчались дак, а тепере обвенчаются круг бани ожегом да и ладно, живут* (с. Касиб Соликамского р-на); *Че свадьба-то у нас, по-за бани да в баню, вот и вся свадьба* (с. Одиново Карагайского р-на); *Да какая у меня свадьба была – вкруг бани да в баню, вот и всё* (с. Прокино Карагайского р-на).

В свадебной терминологии, бытовавшей в верховьях Северной Двины, существовало такое выражение, как *сидеть в бане*, обозначающее время, которое невеста «в полной скруте», то есть свадебном наряде, проводила вместе с женихом накануне венца (в записях Д. М. Балашова): «*В Маркуше* (деревня в Тарногском р-не Вологодской обл. – И. Д.) невесту из городков уводил не жених, а батько. Невеста сидела во всей скруте и головодце с женихом, и называлось это *сидеть в бане*» [2: 376]. Термин *баня*, как видим, в данном случае использовался символически – для обозначения обрядовых действий, по сути, имитирующих интимное общение будущих супругов.

Последний день свадьбы в восточной части Поморья (Пинежский, Мезенский, Лешуконский р-ны Архангельской обл.) назывался *байной* или *байничным стол / обед*, так как он устраивался после бани для молодых: *Баенный обед / баенный стол* ‘обед после свадебного обряда – мытья молодых в бане’ Мезен. Арх., 1949 (СРНГ², 2: 43), Пинеж., Примор. (АОС³, 1: 89); *Баенно иначе баенной стол, будут блины воровать*. Мез. (АОС, 1: 89).

К свадебной бане отсылает и выражение *вшивая коса*, отмеченное в «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей» в медвежье-горских и каргопольских говорах, в качестве наименования старой девы (мотивировка прозрачна: называет женщину, так и не побывавшую в обрядовой бане): *Вшивая коса* ‘та, которая не вышла замуж’. *А то как дёвке двадцать лет, так говорят, вшивая коса*. Медв. *Девушка останется, так вшивой косой кличут*. Карг. *Господь не допускает этой девки под венец: «Вон вшивая коса идет»*. Медв. (СРГК⁴, 2: 437).

Все эти выражения подчеркивают, что именно баня (а не храм) была на Русском Севере тем центром, где по традиционным, языческим представлениям наших предков осуществлялся брак. Венчание в церкви в этом процессе было вторичным (известно, что оно могло происходить и после свадьбы, иногда супруги венчались одновременно с крещением своего первенца). Таким образом, освящение брака в церкви хотя и стало частью свадебного ритуала, однако традиционную роль бани не отменило – она по-прежнему (в противовес официальной и не всегда обязательной процедуре заключения брака) сохраняла за собой функции места, пребывания в котором было непременным условием для перехода молодых – и особенно молодой – в новый жизненный статус.

Свадебный хлеб *байник / баенник / банник*, известный у поморов, о котором далее пойдет речь,

также относится к числу обрядовых терминов, фиксирующих тесную связь бани и севернорусского брачного ритуала.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В качестве материала для исследования использовались этнографические записи второй половины XIX–XX веков П. С. Ефименко⁵, П. В. Шейна⁶, Н. П. Колпаковой [8], Т. А. Бернштам [3], А. П. Разумовой [11] и др., в которых отмечена изучаемая реалья, а также словари, фиксирующие соответствующую лексику в вариантах *байник / банник / баенник / баянник*: «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля⁷, «Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» А. И. Подвысоцкого⁸, «Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении» И. М. Дурова⁹, «Словарь русских народных говоров», «Архангельский областной словарь», «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей», и др. (подробнее см. Примечания).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Т. Е. Гревцова, исследовавшая традиции наименования свадебного хлеба у восточных славян, относит *байник* к группе названий специальной выпечки типа *рукобитник, встречник, разгонщик, ставальный пирог* и под. [4: 386–387], которую использовали на различных этапах свадьбы у восточных славян, о чем говорят сами названия, приведенные выше.

Материалы словарей, этнографических записей и исследований, к которым мы обращались в процессе работы, свидетельствуют о том, что в некоторых локальных вариантах этот хлеб также мог называться *мякушей* или *мякушкой* (СРНГ, 19: 81; Подвысоцкий: 3), *благословенной ковригой* (зап. Н. П. Колпакова [8: 159]), *столовиком* (Ефименко: 77). Однако наибольшее распространение в Поморье все-таки получило именно наименование *байник / банник / баенник*.

Что представлял из себя *байник*?

В словаре А. И. Подвысоцкого его приготовление, или в народной терминологии *собирание*, а также дальнейшее использование в свадебном ритуале описывается следующим образом:

«Баенник – приготовляемый к свадьбе чистый ржаной, без примеси ячменной муки, хлеб, зашиваемый накануне девичника в скатерть вместе с двумя пшеничными калачами, столовой чашей, миской, солонкой с солью и двумя новыми, не бывшими в употреблении ложками; все эти предметы зашиваются в бане в то время, когда невеста, выпарившись со своими подругами, отдыхает, а расшиваются на утро после венчания, после того как молодые побывают в бане» (Подвысоцкий: 3).

А вот комментарий по этому поводу из словаря В. И. Даля:

«Банник – хлеб, которым мать невесты благословляет к венцу молодых: хлеб, соль, жареная птица и два полные столовые прибора; все это зашивается в скатерть и сдается свахе, а она расшивает банник на другой день, по выходе молодых из бани, которые и едят его одни сам-друг» (Даль).

Сопоставление этих данных с другими проанализированными источниками отражает множество локальных вариантов, которые встречались у поморов даже в пределах соседних поселений. Так, И. М. Дуров указывает с пометой «повсеместно», что в Карельском Поморье в изначальном цельном байнике (ржаном каравае) специально делали круглое отверстие глубиной 5–7 см, в которое помещали зерна ячменя, разрезанную пополам «чесноковицу» и небольшое количество ртути,

«имеющих следующее значение: жито и чеснок – как средство, предохраняющее новобрачных от чирьев, дремоты и всяких домашних неурядиц в семейной жизни, а ртуть – как средство, предохраняющее от порчи колдуна» (Дуров: 20).

На некоторых поморских территориях в байник помимо столового прибора (реже двух) и соли могли также зашивать прядь волос (Пинеж., Примор.; АОС, 1: 89); серебряные монеты, луковицу (Т. А. Бернштам [3: 126], Колежма, Нюхча, РК в записях А. П. Разумовой [11: 32]); зеркало, «мяса чяшку» (Холмог., Примор.; АОС, 1: 107); икону (Мез.; АОС, 1: 136); жареную птицу (Даль) и др.

Для жениха и невесты либо изготавливались отдельные байники (Кем. р-н, РК (СРНГ, 2: 43); Колежма, Нюхча, РК [11: 35], Кандалакшский берег [3: 126]), либо в общий байник, который собирали в доме невесты, помещали два хлеба сразу, например в Холмогорах ржаной и пшеничный (АОС, 1: 107), каравай и подовый хлебец-шаньгу (Нюхча, РК [11: 33]) или даже одну-две буханки хлеба в поздних записях (Онеж.; АОС, 1: 89), причем, если хлеба было два, байник складывался путем наложения одного хлеба на другой. См. в СРГК: *Подова буханка хлеба, а наверху шаньга высока, туда соли кладут, крестна зашьет эту буханку в утиральник – это байник, ее несут ребитни на головы*. Белом. (СРГК, 1: 31).

Обряд зашивания байника тоже проходил по-разному: в большинстве источников встречается указание на то, что обрядовый хлеб при этом помещался в белую скатерть или салфетку, а иногда и просто в чистое полотно или, как в приведенном примере, утиральник, однако, по данным Т. А. Бернштам, это мог быть

и материал бело-красного цвета [3: 126]. В книге «Русская свадьба Карельского Поморья» говорится, что полотно для байника в Колежме и Нюхче шивали из материи двух цветов – бело-красного или сине-красного [11: 32].

В некоторых этнографических записях, в частности относящихся к Пинежью, подробно описывается сам процесс зашивания. Так, для скрепления байника всегда использовали только одну нитку, на которой не завязывали узлов, и конец этой нитки прятался так, чтобы невозможно было его найти. См. комментарий П. В. Шейна: «Для зашивания его берут одну большую нитку, так чтобы хватило зашить весь банник, а другой нитки никогда не вдергивают. Если же не хватит одной, то остальное скалывают булавками» (Шейн: 395). При торжественном расширении байника, если это предполагал обряд, дружка, тысяцкий, сваха (на разных территориях Поморья) должны были отыскать этот конец и, не оборвав нитки, осторожно распороть ткань (само действие повсеместно так и называлось у поморов – *пороть байник*). Так, «на Онежском берегу распарывание носило игровой характер: тысяцкий должен был найти конец нитки, который был искусно спрятан крестной при зашивании байника, и в случае неудачи платил ей деньгами или вином» [3: 131]. Завязывание байника узлом крест-накрест, по мнению Т. А. Бернштам, – черта более позднего времени, характеризующая стадию разрушения обряда, когда, по словам информантов, уже забыли, как его шить [3: 126]. Повсеместно «распарывание байника население считало концом свадьбы» [3: 131]. См. то же в словарных иллюстрациях: *Байенной стол, байенник принесут, узел, байенник распарют, там кулебяки, коврици, байенным столом фсё кончайецца* (Мез.; АОС, 1: 90).

Несколько слов необходимо сказать и о процессуальной части, характеризующей действия с байником в свадебном обряде. Байник изготавливался скрытно (об этом свидетельствуют и данные словарей, и этнографические записи) и практически всегда без участия невесты (если же невеста присутствовала, она могла сделать три стежка или просто причитывала над ним, находясь рядом) [3: 131] (см. также: Шейн: 395). Обрядовый хлеб собирала и зашивала крестная (*божатка*) и/или родная мать невесты (там же). Женщины, готовившие байник, обязательно должны были быть замужними – не вдовы, не сироты, таким образом молодую оберегали от вдовства. Если для жениха готовился собственный байник, то это тоже делала его крестная или родная мать [7: 167]. Байник в се-

лах Беломорского района могла дополнять так называемая *ужинка* – еда, приготовленная специально для молодых; ужинка также завязывалась в полотно вместе со столовыми приборами, в таком случае в байник зашивались только хлеб и соль [7: 167], [11: 44].

После невестиной бани практически повсеместно существовала традиция прихода родственников невесты с дарами, получившая названия *дарить* или *давать на байник*:

«Даже в тех селениях, где не делали байника, называли этим словом дары от невестиной родни (Тамица – Онежский берег, Сухой Наволок – Поморский берег). Все дары бросали на байник так, что закрывали его *горой*, на Зимнем берегу сверх даров клали постель, а наверх – икону; невеста благодарила каждого за “приносы великие” (вар.: *спасалась на дарах, давала добров, кликала байник, стиховодничала*)» [3: 126].

Если это происходило на свадебном застолье в доме жениха, то принос на байник делали все гости: *На байенном столе дарят подарки* (Мез., Холмог., Лешук.; АОС, 1: 90).

Перед венцом байником благословляли молодых, перекрещивая их головы либо трижды обводя хлебом вокруг них (см., например, в с. Сура Пинеж. уезда) (Ефименко: 82). Далее байник обязательно везли в церковь: это могли быть сваха, мальчики-подростки (Белом., Кем. р-ны РК [11: 32]), шаферы, причем, кто бы ни вез его, он либо возглавлял свадебную процессию, либо помещался рядом с женихом и невестой [7: 171]. Во время венчания байник ставили у клироса (Подвысоцкий: 3), а после церкви привозили в дом жениха и не трогали до первой брачной ночи, а иногда и до ритуальной бани, которая топилась на второй или третий день после венчания (Ефименко: 80). Иногда ритуальный хлеб выкупался у свахи или матери невесты. Байник расшивался молодыми самостоятельно и съедался только ими, либо это делали дружка, тысяцкий, божатка, крестный отец, свекровь, молодая – в зависимости от локальных традиций – и делили его между гостями. На отдельных территориях байником после распарывания кормили скот [3: 127].

Сложносоставность байника и большое число обрядовых действий, связанных с ним в поморской свадьбе, становится основой для переноса этого названия на целый ряд смежных с ним реалий:

1) скатерть, в которую зашивают байник (Примор., Пинеж., Онеж., Мез.; АОС, 1: 89–90, 95);

2) поднос, блюдо или стол, на которые помещали этот хлеб (*Вяно подносят на байнике*. Онеж. (СРГК, 1: 32); байник как свадебный стол упоминается в записи обряда в с. Малошуйка Арханг. обл. музыковедом Е. Б. Резниченко [10: 7]);

3) мелкие вещи, подарки, которые приносили родственники (Онеж., Мез.; АОС, 1: 95, а также говоры Поморья без указания локализации в словаре А. И. Подвысоцкого (Подвысоцкий: 3));

4) часть приданого невесты, собранная во время приноса этих даров (*У кого родни много, так ящик байника надавают*. Онеж.; АОС, 1: 95), а также мелкие женские вещи – гребенки, мыло, посуда и т. п. как часть приданого. *Молодые выходят из-за стола, и начинается собирание банника*. Арх., 1913 (СРНГ, 2: 95).

В Беломорье (с. Сумский Посад [3: 187]) мальчики-подростки, несшие в церковь каравай «баенники», тоже назывались *баенниками*. Наконец, в некоторых селах Онежского района Архангельской области *байником* именовали сам обряд одаривания невесты перед венчанием.

На байник тоже носили, невеста обнимат, кто принесет, на байник все несут, нитки, чулки, посторонних много. Онеж. *Подарки носят; когда стиховодничает, тогда байник*. Онеж. *На байник тоже носили подарки, называется байник, до венца*. Онеж. *Ее родня несет подарки, она им спасибо дает, это и есть байник*. Онеж. (СРГК, 1: 31).

В статусе устойчивых в свадебной терминологии Поморья повсеместно закрепились такие выражения, как *собирать байник, давать на байник, садиться за байник, зашивать, расшивать / пороть байник*.

Несмотря на то что обряды собирания байника в Поморье неоднократно попадали в поле зрения исследователей и собирателей фольклора, ритуальное значение указанных формул и обрядовых действий, вызвавших их закрепление на вербальном уровне, по нашим данным, ранее не рассматривалось. Попробуем частично заполнить этот пробел.

Так, несомненно, что термины *зашивание* и *расшивание*, называющие соответствующие им обрядовые действия, транслируют идею замыкания – закрытия и размыкания – разрушения, которая связана прежде всего с невестой, утратой ею девичества и в различных формах реализуется в свадебном ритуале в целом. Представление о женщине, вступившей в брак, как о *распоротой* находит прямое подтверждение в севернорусском свадебном фольклоре. Так, в шутивных приговорах дружки, записанных Д. К. Зелениным в конце XIX – начале XX века в Вятской губернии, звучит следующее обращение к женщинам, недавно вышедшим замуж: «Молодые молодухи – / Шиты-браные воротки, / поротые передки...» [6: 40]. Несколько иначе то же значение передается, о чем мы уже упоминали, приводя в пример описание обряда в словаре И. М. Дурова, посред-

ством вырезания в центре изначально цельного каравая углубления (Дуров: 20), а также помещения каравая жениха на каравай невесты в некоторых локальных вариантах. В 2019 году в Колежме нам рассказывали об обычае на второй день свадьбы есть блины, когда присутствующие выкусывали в блине середину, а затем разворачивали и, смеясь, приговаривали: *А блин-то с дыркой!*, намекая на потерю невестой невинности.

Сходной символикой обладает в рассматриваемом обряде и использование скатерти или вообще полотна, а если быть точнее – его сворачивание и разворачивание. Обратим внимание, что во всех случаях это также связано с фигурой невесты и передает идею овладения ей, подчинения ее воле мужа, социального и физического перерождения. Обряд изготовления байника любопытно рассмотреть на фоне других ритуальных действий со скатертью и – шире – полотном, известных в свадебной традиции на Русском Севере. Так, в Поморье повсеместно был распространен обычай перед отъездом к венцу, когда невеста за угол тащила со стола скатерть, если желала подругам быстрее выйти замуж, таким образом символически открывая им дорогу; если же хотела, чтобы они еще посидели в девках, то закидывала угол скатерти на стол (см., например: [11: 49]).

Тот же ритуал существовал и на Вологодчине, но мотивы действий невесты интерпретировались иначе: считалось, что невеста, поступающая таким образом, не желает счастья подругам:

«А иная, вредная, наоборот, загнет кончик скатерти да и прихлопнет: “Сидите, бляхи, после меня! Я-то пошла!” (Илеза, д. Мичуровская; тот же обычай записан в Айге.) Назло сделает, чтобы подольше не выйти было остальным» [2: 255].

В записях Д. М. Балашова находим также обряд ворожбы над венчальной скатертью, которой обтирали невесту в бане, при этом у скатерти поочередно отрезались углы [2: 132]. Затем эта скатерть отжималась, и выжатую из нее воду добавляли в пиво, которое подносили жениху.

В Онежском уезде перед отъездом к венцу мать невесты передавала жениху ее свернутый особым образом платок:

«Мать невесты подносить жениху платокъ, сложенный вчетверо углами вмѣстѣ. Женихъ отогнетъ первый уголь платка – мать поклонится, второй, третій и четвертый – тоже, послѣ того, принявъ развернутый платокъ, отдариваетъ ее деньгами» (Ефименко: 100).

Очевидно, что закрытый платок, аналогично свернутой скатерти, символизировал в данном случае невинность невесты, которую мать торжественно передавала ее будущему мужу, а тот

ее за это одаривал. Кстати, сходные по своему значению действия в севернорусском свадебном обряде также включал ритуал угощения блинами, которые пекла теща на второй день после венчания.

«На блинном столе обнаружилась честность молодой: если до замужества она была “честной” девушкой, молодой дарил теще золотой (десять рублей), в противном случае муж брал блин, складывал его вчетверо, откусывал середину, а оставшееся клал на стопку блинов в развернутом виде и блинов не ел» [11: 45].

Интересно, что байник в некоторых записях свадебной причети, исполнявшейся во время его собирания, тоже представлялся четырехугольным:

*«Ужъ ты вышей, моя крестовая,
На всѣхъ углахъ на четырехъ:
На первомъ углу вышей
Красно солнце съ моревами,
На второмъ углу вышей –
Свѣтлый мѣсяць со звѣздами,
А на третьемъ углу вышей –
Сине море со волнами,
На четвертомъ углу вышей –
Чисто поле со звѣрями,
А на середкѣ вышей Божью церковь
Со крестами, со чудными образами»* (Шейн: 395).

Резюмируя сказанное, отметим, что ритуальная символика байника далеко не исчерпывается приведенными наблюдениями: в частности, специального изучения требует явная корреляция процесса его собирания с ритуалами, принятыми в похоронной обрядности (отправление в последний путь и соответствующие ему атрибуты – еда, деньги, скатерть / полотенце, закрывание лица невесты шалью, запрет на смотрение в зеркало и др.). Особенно это заметно на фоне других, сходных по смыслу мотивов, которыми пронизана поморская свадьба, например обычая мыть полы после того, как невеста уезжает из дома [11: 41] – так обычно делают за мертвым, или отмеченного в Колежме обряда, который назывался *затапывать следы*, когда вечером после свадебного пира подруги невесты и гости ехали в ее родной дом, который с этого момента именовался *пепелище* [11: 41, 43] (см. также: СРНГ, 25: 349), и там угощались и веселились до утра, при этом молодые в этом гулянье не участвовали.

Большой интерес представляет также такой элемент традиционной поморской свадьбы, как ношение обрядового хлеба на голове, в котором, по всей видимости, сохранился отголосок языческого ритуала венчания хлебом, более известный и распространенный в практике благословения молодых, когда родители трижды

обводили над их головами не только иконой, но и свадебным караваем. На Русском Севере ношение / держание хлеба и ритуальной пищи на голове встречается и за пределами Поморья. См. неоднократно в записях Д. М. Балашова на Вологодчине, где обряд встречи молодых родителями жениха после венчания выглядел следующим образом: «Молодым по караваю дадут на мосту (в сенях, коридоре. – *И. Д.*). Те положат на голову и так держат, и придут в избу, и на полицу положат» [2: 209, 293, 336 и др.].

Наконец, необходимо заметить, что кажущееся очевидным родство слов *байник* и *байна* (*баня*), о котором говорилось в начале нашей работы, продолжает оставаться предметом научной дискуссии. Так, некоторые исследователи считают, что название *байник* (*банник*) может быть связано совсем не с *баней*, а с глаголом *сгибать* (*сбати*), произошло от не сохранившегося в языке существительного **збанник* (?) (ср. нар. *сгибень* – выпечное изделие изогнутой формы) и лишь позднее подверглось переосмыслению в свадебном обряде поморов благодаря связи с банными ритуалами (РЭС¹⁰: 180). Подкрепляется эта версия такими названиями славянской выпечки, как болг. *баница* ‘вид пирога’, укр. диал. *баник* ‘сырник’, связь которых с глаголом *сгибать* в науке не оспаривается.

Вместе с тем есть немало оснований, чтобы считать представленную гипотезу сомнительной. Как отмечает автор «Русского этимологического словаря» А. Е. Аникин, слово *банник* в севернорусской обрядности функционирует не только как название свадебного хлеба, но и как, например, ‘угощение, с которым приходят в гости к роженице’ Волог. (роды обычно проходили в бане, там же с младенца и матери смывали родильную «нечистоту», таким образом, привязка к выпечке, «сгибанию» узла в данном случае точно отсутствовала). Кроме того, слова с корнем **збан-* не представлены в русских диалектных и исторических словарях, этнографических материалах, и это ставит под сомнение, что наименование **збанник* вообще существовало на русской территории. Исходя из этих данных А. Е. Аникин делает вывод, что «здесь лучше видеть произв. от *банный*, *баня*, а не народно-этимологическое сближение» (РЭС: 80).

Выскажем и некоторые собственные соображения в защиту указанной версии. Так, обращает на себя внимание, что в разновременных этнографических записях, в том числе и наиболее ранних, материалах словарей с названием *банник* активно конкурируют на всей территории Поморья варианты *байник*, *баенник*. При этом в не-

которых локальных традициях вариант *банник* вообще не использовался, а значит, и существование названия **збанник* как более раннего в таких случаях маловероятно. То же заключение можно сделать и на основе анализа свадебной поморской причеты, передававшейся из поколения в поколение, где в зависимости от места фиксации употреблялся только один из вариантов.

Необходимо обратить внимание и на то, что родство наименований *баня* и *банник*, помимо прочего, подтверждается глубинным взаимодействием тех значений и обрядовых представлений, которые выражались их посредством, о чем мы уже упоминали. Особенно в этом отношении интересны ранние этнографические записи (например, данные словаря А. И. Подвысоцкого), в которых говорится о том, что байник готовился родными невесты непосредственно в бане, пока она мылась. В процессе ритуального мытья девушка, как известно, окончательно прощалась с девичеством, смывала свою «волю», готовясь к переходу в «иной» мир – другую семью и, по всей вероятности, до венца эта воля, уже отделенная от невесты, зашивалась именно в байник, который в дальнейшем передавался в дом мужа и уже там открывался, подобно тому как «открывалась» в замужнем статусе сама невеста. В подтверждение этой гипотезы приведем уже сюжетно знакомую версию причеты (см. выше), записанную Н. В. Дранниковой в 2001 году в Верхней Золотице, где невеста жалуется матери, шьющей байник: «*На серёдке зашивала распривольную мою волюшку, / Раскрасу мою развеликую – девью жизнь да беспечальную*» [5: 86].

Добавим, что помещение в байник хлеба символизировало, что это произошедшее раскрытие – распарывание невесты должно было принести плод (о символике хлеба в полотне подробнее см. у А. К. Байбурина [1: 84]), поэтому далеко не случайно байники в Карельском Поморье часто несли к венцу мальчики-подростки: именно такого «плода» желали молодым и ждали от них.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, этнографические записи второй половины XIX–XX веков, как и показания диалектных словарей, свидетельствуют о повсеместном распространении в прошлом на территории Поморья традиции изготовления особого свадебного хлеба *байника*. Исследование продемонстрировало продуктивность привлечения к изучению этой обрядовой реалии данных лексикографических источников, которые позволили уточнить не только ее вербальное, но и предметно-

акциональное, ритуально-смысловое, локальное наполнение. Помимо отмеченных этнографами выражений, таких как *собирать байник, дать на байник, положить на байник, шить байник* и др., словари фиксируют возможность переноса данной номинации на другие смежные объекты: скатерть, в которую этот хлеб зашивался, поднос / стол, на который его ставили, дары, которые клали на них родственники невесты, сам обряд приноса даров и под. Особую символическую нагрузку в контексте использова-

ния байника в свадебных ритуалах несут такие лексемы, как *зашивание* и *расшивание* (*распарывание*), и обозначаемые ими действия. Смысловая и хронологическая корреляция ритуала невестинной бани, которая проводилась накануне венчания, и обряда собирания байника может рассматриваться как дополнительное обоснование версии языкового родства наименований *бана – байник*. В целом изучение данного вопроса, как и других, обозначенных в настоящей работе, должно быть продолжено.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Подюков – Подюков И. А., Хоробрых С. В., Антипов Д. А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья / Под общ. ред. И. А. Подюкова. Пермь, 2004. 360 с.
- ² СРНГ – Словарь русских народных говоров / Академия наук СССР, Институт русского языка, Словарный сектор; Гл. ред. Ф. П. Филин. М.: Наука; Л.: Наука, Ленинградское отд-ние; СПб.: Наука, Санкт-Петербургский филиал, 1965–. Вып. 2: Ба – Блазниться. 1966. 318 с.; Вып. 19: Мутаситься – Накучить. 1983. 352 с.; Вып. 25: Отчурить – Первачок. 1990. 352 с.
- ³ АОС – Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовоной. М.: Изд-во МГУ, 1980. Вып. 1: А – Бережок. 168 с.
- ⁴ СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Санкт-Петербургский государственный университет; Гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994–2005. Вып. 1: А – Дрожжаник. 1994. 512 с.; Вып. 2: Дрожжевик – Косячок. 1995. 448 с.
- ⁵ Ефименко – Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименко. М.: Тип. Ф. Б. Миллера, 1877–1878. Ч. 1. Описание внешнего и внутреннего быта. 1877. 221 с.
- ⁶ Шейн – Шейн П. В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Т. 1, вып. 1. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1898. 836 с.
- ⁷ Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: [В 4 т.] М.: Русский язык, 1981–1982 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/dal/банить> (дата обращения 22.08.2023).
- ⁸ Подвысоцкий – Подвысоцкий А. И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / Собрал на месте и сост. Александр Подвысоцкий. СПб.: 2-е Отд-ние Акад. наук, 1885. 198 с.
- ⁹ Дуров – Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 2011. 455 с.
- ¹⁰ РЭС – Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 2 (*б – бдынъ*) / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 335 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 237 с.
2. Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И. Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарногский район Вологодской области). М.: Современник, 1985. 390 с.
3. Бернштам Т. А. Народная культура Поморья в XIX – начале XX в.: этнографические очерки / АН СССР, Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Л.: Наука: Ленинградское отд-е, 1983. 233 с.
4. Гревцова Т. Е. Принципы номинации форм обрядового свадебного хлеба у восточных славян // Проблемы истории, филологии, культуры. Языкознание и литературоведение. 2013. № 3. С. 381–390.
5. Дранникова Н. В. Фольклорная экспедиция Поморского университета в село Зимняя Золотица // Комплексное собирание, систематика, экспериментальная текстология: Материалы V Междунар. школы молодого фольклориста (6–8 июня 2001 года) / Отв. ред. Н. В. Дранникова. Архангельск, 2002. С. 83–92.
6. Зеленин Д. К. Свадебные приговоры Вятской губернии // Зеленин Д. К. Избранные труды / Сост., науч. ред. В. А. Поздеев. Киров: О-краткое, 2013. С. 21–52.
7. Зеленина Т. В. Описание свадебного обряда в Сумском Посаде // Народная культура Русского Севера. Архангельск, 1997. С. 161–182.
8. Колпакова Н. П. Свадебный обряд на реке Пинеге // Крестьянское искусство СССР. Вып. 2. Искусство Севера. Л., 1928. С. 117–187.
9. Мезенская традиционная свадьба в записи М. Н. Мякушина // Из истории русской фольклористики / [Редкол.: Е. А. Костюхин (отв. ред.) и др.]. СПб., 2006. Вып. 6. С. 335–419.

10. Резниченко Е. Б. Свадьба на «пецальненьком славном синём море» // Живая старина. 2011. № 4 (72). С. 6–9.
11. Русская свадьба Карельского Поморья: (В селах Колежме и Ньючче) [Тексты и ноты / Изд. подгот. А. П. Разумова, Т. А. Коски]. Петрозаводск: Карелия, 1980. 222 с.

Поступила в редакцию 12.04.2024; принята к публикации 08.07.2024

Original article

Irina N. Dyachkova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
gyla4@yandex.ru

THE POMORS' WEDDING BREAD *BAYNIK*: CULTURAL AND LINGUISTIC ASPECT

Abstract. Ethnographic records of the second half of the XIX century and the XX century that include a description of the Pomor wedding ceremony (P. S. Efimenko, P. V. Shein, N. P. Kolpakova, T. A. Bernshtam, A. P. Razumova, T. V. Zelenina, etc.) indicate that the tradition of baking special ritual bread *baynik* (*bayennik*, *bannik*) was widely spread in the territory of the White Sea area. The relevance and novelty of this study lie in the fact that it uses data from dialect dictionaries for the analysis of this ritual practice for the first time, which make it possible to clarify not only its verbal, but also its subject-actional and ritual-semantic local content. In addition to expressions noted in ethnographic sources, such as *collect baynik*, *give money for bayink*, *put on baynik*, *stitch up bayink*, etc., dictionaries record the possibility of transferring this nomination to other adjacent objects: a tablecloth into which this bread was sewn, a tray or table on which it was placed, gifts that the bride's relatives placed on them, the ceremony of bringing gifts. The paper presents an ethnolinguistic analysis of such ceremonial terms as *stitching up* and *unstitching baynik*, which convey the ideas of fastening – closure and opening – destruction associated with the bride and her loss of girlhood and in various forms represented in the wedding ritual as a whole. Special attention is paid to the study of the symbolic correlation between the bride's bathhouse (*banya*) ceremony held on the day before the wedding and the ceremony of collecting the *baynik*, which is considered in the study as an additional justification for the linguistic kinship of these names.

Keywords: baynik, bathhouse, wedding bread, wedding ceremony, Pomorye

For citation: Dyachkova, I. N. The Pomors' wedding bread *baynik*: cultural and linguistic aspect. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(6):8–15. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1069

REFERENCES

- Baiburin, A. K. Ritual in traditional culture. Structural and semantic analysis of East Slavic rituals. St. Petersburg, 1993. 237 p. (In Russ.)
- Balashov, D. M., Marchenko, Yu. I., Kalmykova, N. I. Russian wedding: Wedding ritual on the upper and middle Kokshenga and Uftyuga (the Tarnoga district of the Vologda region). Moscow, 1985. 390 p. (In Russ.)
- Bernshtam, T. A. Folk culture of Pomorye in the XIX and the early XX centuries: ethnographic essays. Leningrad, 1983. 233 p. (In Russ.)
- Grevtsova, T. E. Principles of ritual wedding bread nomination by the Eastern Slavs. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. Linguistics and Literary Criticism. 2013:381–390. (In Russ.)
- Drannikova, N. V. Folklore expedition of Pomorye University to the village of Zimnyaya Zolotitsa. *Complex collection, systematics, experimental textual analysis: Proceedings of the V International School of Young Folklorists (6–8 June 2001)*. Arkhangelsk, 2002. P. 83–92. (In Russ.)
- Zelenin, D. K. Wedding spells of the Vyatka Province. *Zelenin, D. K. Selected works*. (V. A. Pozdeev, Ed.). Kirov, 2013. P. 21–52. (In Russ.)
- Zelenina, T. V. Description of the wedding ceremony in Sumsky Posad. *Folk culture of the Russian North*. Arkhangelsk, 1997. P. 161–182. (In Russ.)
- Kolpakova, N. P. Wedding ceremony on the Pinega River. *Peasant art of the USSR*. Issue 2. Art of the North. Leningrad, 1928. P. 117–187. (In Russ.)
- Mezen traditional wedding in the records of M. N. Myakushin. *From the history of Russian folklore studies*. (E. A. Kostyukhin, Ed.). St. Petersburg, 2006. Issue 6. P. 335–419. (In Russ.)
- Reznichenko, E. B. Wedding on the “sad little blue sea”. *Zhivaya starina*. 2011;4(72):6–9. (In Russ.)
- Russian wedding of Karelian Pomorye: (In the villages of Kolezhma and Nukhcha)* [Texts and notes]. (A. P. Razumova, T. A. Koski, Eds.). Petrozavodsk, 1980. 222 p. (In Russ.)

Received: 12 April 2024; accepted: 8 July 2024

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛЕБЕДЕВ

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии

Петрозаводский государственный университет

(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-9939-9389; perevodchik88@yandex.ru

РИТОРИЧЕСКИЙ ВОПРОС КАК ФИГУРА РЕЧИ В ПОЭЗИИ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА

А н н о т а ц и я . Рассматривается роль риторических вопросов в поэтическом творчестве Феофана Прокоповича на основе анализа различных стихотворных произведений, наиболее значимым среди которых выступает «Епиникион». Актуальность работы объясняется недостаточной изученностью риторического вопроса как фигуры речи в контексте поэтического синтаксиса и диахронической риторики. Предлагается краткий экскурс в историю изучения личности Феофана Прокоповича, отмечается важная связь между риторическими и собственно поэтическими воззрениями автора. Особо рассматривается специфика вопросительных конструкций в контексте поэтического творчества в сравнении с вопросами повседневной речи. Предлагаются статистические данные, связанные с использованием риторических вопросов в творчестве поэтов XVIII века. Анализируется функциональность риторических вопросов в поэтическом творчестве Феофана Прокоповича, их роль в создании эмоциональной выразительности текстов, а также специфика их использования как в тексте «Епиникиона», так и в других, менее известных стихотворениях автора. Результатом работы стало выявление общих тенденций использования риторических вопросов в стихотворных произведениях Феофана Прокоповича, а также определение и уточнение потенциального влияния на последующее поэтическое и риторическое творчество поздних авторов.

К л ю ч е в ы е с л о в а : диахроническая риторика, риторический вопрос, Феофан Прокопович, поэтический синтаксис, Епиникион

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00696, <https://rscf.ru/project/24-28-00696/>.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Лебедев А. А. Риторический вопрос как фигура речи в поэзии Феофана Прокоповича // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 6. С. 16–22. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1070

ВВЕДЕНИЕ

Феофан Прокопович, одна из знаковых фигур Петровской эпохи, выдающийся церковный деятель России, поэт, педагог и философ, оказал значительное влияние на становление русской поэзии, что обуславливает значимость изучения его творчества; при этом, даже несмотря на всплеск интереса к его личности в последние десятилетия (подробнее см. работы С. И. Николаева [12], О. М. Буранка [4], П. Е. Бухаркина [5]), говорить о том, что его творчество исследовано полностью, не представляется возможным. Напротив, как отмечает Н. В. Патроева, «собственные лингвистические, стилистические и риторические устремления Феофана, к сожалению, не реконструированы в полном объеме» [15: 74]. Последовательное лингвистическое изучение творчества Феофана Прокоповича позво-

лило бы более полно понять его произведения, их литературные, культурные и исторические особенности, а также место в развитии русской литературы.

Не ставя задачу подробно описать биографию Феофана (Елеазара) Прокоповича (она изложена в источниках [1], [3], [13]), обратим внимание на два важных факта: во-первых, жизнь Феофана Прокоповича тесно связана с риторикой и ораторским мастерством, что повлекло за собой создание текста «Об искусстве риторическом десять книг для просвещения российского юношества, оба вида красноречия изучающего на благо веры и отечества...». Во-вторых, Феофан Прокопович внес значимый вклад в становление русской стихотворной школы, причем не только в теоретическом аспекте, но и в практическом его воплощении, на что указывают его собственные

стихотворные произведения. По этой причине, рассуждая о значимости поэзии Феофана Прокоповича в формировании русской словесности, нельзя игнорировать как его собственные поэтические тексты, так и воплощение в них определенных риторических приемов, одному из которых (а именно риторическому вопросу) посвящена данная статья.

Вполне объясним тот факт, что специфика использования разных риторических приемов в поэзии требует специального филологического рассмотрения, в том числе и в рамках такой области, как поэтический синтаксис. Риторический вопрос – фигура речи, которая играет значимую роль в творчестве Прокоповича с точки зрения связи данного средства речевой выразительности с иными особенностями индивидуально-авторского стиля, а также в общем контексте диахронической риторики. Феофан Прокопович известен своей поэзией, оказавшей влияние на религиозную и культурную сферу. Анализ синтаксических особенностей риторических вопросов в его стихах позволяет определить их влияние на общую структуру стихотворений и их эмоциональный тон. Поэзия Феофана пронизана религиозными темами и политическими образами. Это не могло не сказываться на работах поздних авторов, поднимавших в своих произведениях сходные вопросы веры, морали и духовности.

В основу статьи легли материалы, которые были получены в ходе разработки «Синтаксического словаря русской поэзии XVIII века» (методологические основы изложены в статье [16]), а также создания базы данных «Риторический и медитативный вопрос как фигуры речи в лирике XVIII века» на кафедре русского языка Петрозаводского государственного университета (авторы базы данных – доктор филол. наук Наталья Викторовна Патроева, канд. филол. наук Анфиса Владимировна Рожкова, канд. филол. наук Александр Александрович Лебедев, канд. филол. наук Ольга Сергеевна Казаковцева). База данных зарегистрирована в Роспатенте (№ 2023624528 от 11.12.2023). Объектом исследования стали 24 стихотворения из литературного наследия Феофана Прокоповича.

РИТОРИЧЕСКИЙ ВОПРОС КАК ФИГУРА РЕЧИ В ПОЭЗИИ

Проблема изучения вопросительных предложений в творчестве остается актуальной – из работ последнего времени отметим общетеоретическую работу И. Г. Кульсаринной и Г. Г. Хисамовой «Роль вопросительных предложений в поэти-

ческом тексте» [10], исследования, посвященные творчеству отдельных авторов на материале поэзии И. И. Дмитриева [18], Н. Н. Асеева [2], а также современной малой прозы [7].

Функция вопроса как такового в поэзии, модифицируясь, значительно усложняется, если сравнить его с вопросом, который можно задавать в повседневной речи. Причины этого различны: в момент речи собеседник, к которому обращается лирический герой произведения или сам автор, может отсутствовать, а в целом особенности взаимоотношений между адресантом и адресатом в поэзии оказываются усложненными. В терминологии И. И. Ковтуновой безответный вопрос понимается «как знак внутренней речи, внутренних поисков знания о мире», при помощи которого возможно «приобщать к этим поискам более широкого адресата» [9: 7].

Зачастую вопросительное предложение, используемое в поэтическом тексте, служит не для запроса и последующего получения информации, а для формирования особого эмоционального размышления, специфической тональности высказывания или определенного поэтического образа. Заложенное в семантике вопроса ответное утверждение или отрицание – признак собственно риторического вопроса; иная разновидность – медитативный вопрос – требует в ответ целого размышления на заданную в вопросе тему.

Многофункциональность риторического вопроса в поэзии в целом вполне объяснима: с его помощью можно подчеркнуть важность или эмоциональную насыщенность высказывания, сформировать диалог между автором и читателем, усилить общую выразительность произведения, способствовать дополнительному вовлечению читателя и более содержательному выражению философских и моральных идей. Сам Феофан в «De arte poetica» выделяет вопрос в группе фигур, «служащих для изображения страстей»¹, наряду с восклицанием, повтором, умолчанием, противопоставлением и прочими.

Рассматривая риторический вопрос в творчестве Феофана Прокоповича, проанализируем его в контексте эпохи, сопоставив с другими известными авторами того времени, а также с точки зрения жанрово-стилистических особенностей «песни победной»². В соответствии с данными, представленными в таблице, Феофан Прокопович значительно реже и количественно, и в среднем употребляет риторические вопросы. Однако, несмотря на сравнительно небольшое их число, они заслуживают особого рассмотрения с учетом той важной роли, которую играют «вопрошания» в композиции и содержании стихотворных произведений Феофана.

Риторический вопрос в поэзии авторов XVIII века
(на материале базы данных «Риторический и медитативный вопрос
как фигуры речи в лирике XVIII века»)

Rhetorical questions in the eighteenth-century poetry
(based on the materials from the database "Rhetorical and meditative questions
as figures of speech in the lyric poetry of the XVIII century")

Автор	Число проанализированных стихотворений	Абсолютное количество риторических вопросов	Среднее количество риторических вопросов (на одно стихотворение)
Феофан Прокопович	24	15	0,62
А. Д. Кантемир	44	94	2,14
М. В. Ломоносов	118	219	1,86
А. П. Сумароков	34	83	2,44
В. К. Тредиаковский	257	267	1,04

РИТОРИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ В «ЕПИНИКИОНЕ» И ДРУГИХ СТИХОТВОРНЫХ ОПЫТАХ ФЕОФАНА

Наиболее последовательно (как количественно, так и функционально) использование риторических вопросов Прокоповичем прослеживается в его монументальном труде «Епиникион, сиест пѣснь побѣдная о тоейжде преславной побѣде» (далее – «Епиникион»). Этот текст, посвященный Полтавской битве и прославлению Петра I, оказал немалое влияние на становление и последующее развитие всей ранней русской поэзии. «Епиникион» способствовал формированию и укреплению национального самосознания, подчеркивая величие и силу русской души и нации. Сам стихотворный текст оставил значимый след в истории русской литературы, и не последнюю роль в этом сыграло активное использование средств речевой выразительности (в том числе и риторических вопросов) Феофаном Прокоповичем.

Первый из встречающихся риторических вопросов в «Епиникионе» связан с личностью Ивана Мазепы, отступника и предателя, переметнувшегося от Петра к Карлу. Мазепа, считавший, что этот шаг позволит ему обрести независимость от московского влияния, поддержал Карла XII против Петра I:

*Камо духом бѣсовским бѣжиши носимий,
Студе вѣку нашего, вrede нестерпимий?* (210)³

Поступок Мазепы (которого сам Прокопович в стихотворении именуется как «змѣнник неистовый» и «изверг мерзкий») рассматривался как предательство национальных интересов. В «Епиникионе» Прокопович изображал Мазепу как человека, лишённого моральных принципов и национальной преданности, что ставило его в один ряд с историческими предателями и врагами России.

Еще два подряд идущих риторических вопроса связаны с описанием результатов сражения:

Что о воех и вождах речем во плѣнь взятых? (212)
О користех, знаменах и брнях богатых? (212)

Прокопович, описывая военные достижения Петра, упоминает плененных воинов и командиров, а также захваченные трофеи, знамена и обмундирование.

Следующий риторический вопрос связан с позорным бегством Карла XII:

*Сам лев, иже многия устрашаше грады,
В лѣсы, в чащы побѣже искати отрады.
С малою ли бѣжиши, звѣре, срамотою,
Хоботом заглаждая слѣд твой за собою?* (213)

В данном случае слово «хобот» имеет не используемое в современном русском языке значение 'хвост', то есть Феофан создает образ убегающего Карла XII, который при помощи хвоста замечает след, тем самым стремясь спрятаться от погони.

Еще два риторических вопроса, встречающихся в «Епиникионе», напрямую связаны с именем Петра:

*Кое убо торжество, кий лик будет равный
Сей побѣдѣ?* (213)
*Тебѣ же, монархо державный,
Что в дар твоя Россия принесет и кия
Воспоет пѣсни?* (213)

Использование риторических вопросов в этом фрагменте служит приемом стилистического оформления, который помогает автору привлечь внимание читателя и усилить выразительность текста. Риторические вопросы задаются не для получения ответа, а для акцентирования внимания на значимости и величии события, описываемого в стихотворении, поэтому, как правило, являются медитативными по своему назначению, настраивающими читателя на размышление о важности изображаемого события. В данном случае они помогают подчеркнуть величие и значимость победы, а также обращают внимание на то, какие последствия она может

иметь для монарха и его страны. Риторические вопросы, кроме того, имеют важное композиционное значение, участвуя в оформлении релевантных для одической формы и панегирика «общих мест» (вступление, характеристика персонажей-антагонистов, описание воинского подвига, прославление России и ее правителя и пр.).

Вне «Епиникиона» риторические вопросы в поэзии Прокоповича также встречаются неоднократно и с разными функциями. К примеру, стихотворение «Плачет пастушок в долгом ненастье» открывается риторическим вопросом:

*Коли дождусь я весела ведра
и дней красных,
Коли явится милость прецедра
небес ясных? (216)*

Лирический герой-пастушок⁴ вопрошает, когда же он дождется хорошей погоды; риторический вопрос контрастирует с остальным текстом произведения, где упоминаются ненастье, когда «ни с каких сторон свѣта не видно», «мокротный хлад», а также ситуация, когда «вод дождевных нѣт отмѣны»:

*Гдѣ ты, о бородушка,
залучил солодушка,
Какова здесь не было?
Так то приятен зѣло.
Гдѣ-сь ты ѳздил далеко?
Гдѣ птичье молоко? (223)*

Любопытно, что эта цепочка риторических вопросов встречается в отрывке с подзаголовком «От малых детей». Такой подзаголовок наводит на мысль, что эти строки могут быть ассоциированы с детскими расспросами или любопытством детей. Предельно простой синтаксис предложений схож с детской речью.

Обращает на себя внимание и использование риторического вопроса в стихотворении «О суетный человек, рабе неключимый», где Прокопович вопрошает:

Как же то предстанет богу, невидѣвший бога? (226)

В данном случае автор задает риторический вопрос, чтобы привлечь внимание читателя к последствиям поступков человека перед Богом. Это помогает усилить эмоциональное воздействие текста и обратить внимание на серьезные моральные вопросы.

СВЯЗЬ РИТОРИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА С ДРУГИМИ ТЕКСТАМИ

С. И. Николаев, указывая на важность риторических вопрошаний у Феофана Прокоповича, приводит в качестве примера «Слово на погребение всепресветлейшего державнейшего Петра

Великого», произнесенное в 1725 году Феофаном Прокоповичем, отмечая большую известность данной проповеди Феофана и тот факт, что фраза «До чего мы дожили, о россияне?», сопровождавшая погребение Петра I и воплощающая в себе горечь утраты монарха, «не один раз цитируется в русской литературе XIX–XX вв.» [11].

Л. Н. Сазонова отмечает, что «Епиникион» Феофана – «своего рода параллель к его ораторскому сочинению» [19: 106] – «Панегирикос, или Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе, пресветлейшему государю царю и великому князю Петру Алексиевичу, всея великия и малыя и белыя России самодержцу, в лето господне 1709 месяца июня дня 27 богом дарованной». Несомненные переключки, по ее мнению, обнаруживаются между «Панегирикосом» Феофана и ранней одой Ломоносова, посвященной взятию Хотина (1739). Эти переключки заметны и в экспрессивных фрагментах, формируемых риторическими вопросами, – сравним цитату из Прокоповича «Где гордость, где кичение, о своей храбрости, где презорство первое, им же вся народы яко безсилныя презираху?» [14: 195] и строки из «Оды блаженныя памяти государыне императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года» М. В. Ломоносова:

*Где ныне похвальба твоя?
Где дерзость? Где в бою упорство?
Где злость на северны края?
Стамбул, где наших войск презорство?⁵*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то что количественно риторический вопрос как фигура речи в творчестве Феофана Прокоповича встречается не так часто в сравнении с другими авторами XVIII века, не следует игнорировать важность подобных средств речевой выразительности в творчестве автора: Феофан неоднократно предостерегал риториков и писателей от избыточного применения тех или иных украшающих средств, менерности, «надутости», излишнего многословия и «пустозвонства» [17: 47, 58, 389].

Предлагаемое исследование, в котором были рассмотрены риторические вопросы в поэтическом творчестве Феофана Прокоповича, позволяет проследить важность использования данного средства речевой выразительности в аспекте индивидуально-авторского стиля. Безусловно, нельзя сводить актуальность творчества Феофана Прокоповича только к Петровским временам – многофункциональность использования риторических вопросов в купе с их влиянием

на формирование смысла и структуры произведений позволяет дополнительно подчеркнуть их важность в контексте становления российской литературы в целом (подобные взаимосвязи отражены, к примеру, в работе И. А. Иванчук «Ф. Прокопович – Б. Фонтенель – М. В. Ломоносов. Риторические портреты Петра Великого XVIII столетия. Тенденции европейских влияний» [8]).

Таким образом, полученные сведения позволяют уточнить особенности индивидуально-ав-

торского стиля Феофана Прокоповича через сопоставление общих литературных тенденций того времени и использования риторических вопросов автором. Полученные в рамках исследования результаты могут быть использованы в дальнейшем системном анализе диахронической риторики, поскольку заложенные Феофаном Прокоповичем и другими поэтами эпохи барокко и классицизма традиции поэтического синтаксиса были далее учтены, трансформированы, расширены писателями золотого и серебряного веков.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Прокопович Ф. Сочинения / Под ред. и с предисл. И. П. Еремина; Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР. Ленингр. отд-ние, 1961. С. 424.
- ² При этом за скобками оставим не вполне решенный вопрос о жанре данного произведения – героическая поэма или торжественная ода; подробно этот вопрос рассмотрен в статье Н. А. Волик [6].
- ³ Здесь и далее стихотворные тексты Феофана Прокоповича цитируются по изданию: Прокопович Ф. Сочинения / Под ред. и с предисл. И. П. Еремина; Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР. Ленингр. отд-ние, 1961. 504 с. В круглых скобках указываются страницы.
- ⁴ Отметим в этом диминутиве каламбурное обыгрывание значений ‘пастух’ и ‘пастырь душ человеческих’.
- ⁵ Ломоносов М. В. Ода блаженныя памяти государыне императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года // Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л.: Сов. писатель, 1986. С. 66.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автухович Т. Е. Прокопович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. СПб., 1999. С. 488–496.
2. Беляева Н. В. А мне? Нельзя ли Баратынским стать?.. (вопросительные предложения в поэзии Н. Н. Асеева) // Курское слово. 2016. № 14. С. 23–32.
3. Буранок О. М. Русская литература XVIII века: Петровская эпоха. Феофан Прокопович. М.: Флинта, 2005. 464 с.
4. Буранок О. М. Творчество Феофана Прокоповича и русско-зарубежные литературные связи первой половины XVIII века // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 1. С. 149–155.
5. Бухаркин П. Е. Феофан Прокопович и духовно-интеллектуальные движения петровской эпохи // Христианское чтение. 2009. № 9–10. С. 100–121.
6. Волик Н. А. «Епиникион» Ф. Прокоповича как образец торжественной оды в русской литературе XVIII ст. // Вісник Маріупольського державного гуманітарного університету. Сер.: Філологія. 2017. № 16. С. 7–13.
7. Вяткина С. В. Вопросительное предложение в художественном тексте (на материале рассказов последних пяти лет) // XLIX Международная научная филологическая конференция, посвященная памяти Людмилы Алексеевны Вербицкой (1936–2019): Избранные доклады, Санкт-Петербург, 16–24 ноября 2020 года / Под ред. Т. В. Черниговской. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2022. С. 152–167. DOI: 10.21638/11701/9785288062353.09
8. Иванчук И. А. Ф. Прокопович – Б. Фонтенель – М. В. Ломоносов. Риторические портреты Петра Великого XVIII столетия. Тенденции европейских влияний // Риторические традиции и коммуникативные процессы в эпоху цифровизации: Материалы XXIII Междунар. науч. конф., Москва, 06–08 февраля 2020 года / Под общ. ред. Ч. Б. Далецкого, А. Ю. Платко. М.: Московский гос. лингвистич. ун-т, 2020. С. 295–306.
9. Ковтунова И. И. Поэтическая речь как форма коммуникации // Вопросы языкознания. 1986. № 1. С. 3–13.
10. Кульсарина И. Г., Хисамова Г. Г. Роль вопросительных предложений в поэтическом тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. № 10. С. 3040–3045.
11. Николаев С. И. «До чего мы дожили, о россияне?» (от Феофана Прокоповича до Василия Шульгина) // Sprachgeschichte und Sprachwandel im Slavischen. Festschrift für Jadranka Gvozdanović. Berlin, 2019. S. 259–264.
12. Николаев С. И. Полилингвизм творчества Феофана Прокоповича в науке XX века // Чтения Отдела русской литературы XVIII века. 2018. № 8. С. 57–64.
13. Николаев С. И. Феофан (Прокопович) // Три века Санкт-Петербурга. Т. 1: Осьмнадцатое столетие. Кн. 2. СПб., 2003. С. 451–452.
14. Панегирическая литература петровского времени / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; Изд. подгот. В. П. Гребенюк; Под ред. О. А. Державиной. М.: Наука, 1979. 311 с.

15. Патроева Н. В. «Епиникион» Феофана Прокоповича в риторическом аспекте // *Словесность и история*. 2022. № 3. С. 72–86.
16. Патроева Н. В., Лебедев А. А. Проект синтаксического словаря языка русской поэзии XVIII – первой половины XIX века // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2015. № 3 (148). Т. 1. С. 53–55.
17. Прокопович Ф. Об искусстве риторическом десять книг / Пер. Г. А. Стратановского; Отв. ред. С. И. Николаев; Подгот. текста Е. В. Маркасовой, С. И. Николаева; Комментар. Е. В. Маркасовой; Науч. ред. пер. Е. В. Введенская. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2020. 488 с.
18. Рожкова А. В. Вопросительные и восклицательные предложения в одах И. И. Дмитриева: структурно-типологический и риторический аспекты // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2022. Т. 44, № 3. С. 40–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.750
19. Сазонова Л. И. От русского панегирика XVII к оде М. В. Ломоносова // *Ломоносов и русская литература*: Сб. ст. / Отв. ред. А. С. Курилов. М.: Наука, 1987. С. 103–126.

Поступила в редакцию 10.04.2024; принята к публикации 08.07.2024

Original article

Alexander A. Lebedev, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0001-9939-9389; perevodchik88@yandex.ru

RHETORICAL QUESTION AS A FIGURE OF SPEECH IN THE POETRY OF FEOFAN PROKOPOVICH

Abstract. The article examines the role of rhetorical questions in the poetic works of Feofan Prokopovich. The study is based on the analysis of various poetic works of Feofan Prokopovich, with “Epinikion” being the most significant one. The relevance of the work is explained by the insufficient study of rhetorical question as a figure of speech in the context of poetic syntax and diachronic rhetoric. The paper offers a brief excursion into the history of studying the personality of Feofan Prokopovich and highlights the important connection between the author’s rhetorical and poetic views, with a particular focus on the specifics of interrogative constructions in the context of poetic creativity compared with questions used in everyday speech. The article contains statistical data related to the use of rhetorical questions by eighteenth-century poets and analyzes the functionality of rhetorical questions in the poetic works of Feofan Prokopovich, their role in creating the emotional expressiveness of texts, and the specifics of their use both in the text of “Epinikion” and other lesser-known poems. The study resulted in identifying general trends in using rhetorical questions in poetic works by Feofan Prokopovich, as well as defining and clarifying potential influence on the subsequent poetic and rhetorical works of later authors.

Key words: diachronic rhetoric, rhetorical question, Feofan Prokopovich, poetic syntax, Epinikion

Acknowledgements. The research was funded by the Russian Science Foundation’s grant No 24-28-00696 (<https://rscf.ru/project/24-28-00696/>).

For citation: Lebedev, A. A. Rhetorical question as a figure of speech in the poetry of Feofan Prokopovich. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(6):16–22. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1070

REFERENCES

1. Avtukhovich, T. E. Prokopovich. *Dictionary of Russian writers of the XVIII century*. Issue 2. St. Petersburg, 1999. P. 488–496. (In Russ.)
2. Belyaeva, N. V. And what about me? Can I become Baratynsky?.. (interrogative sentences in the poetry of N. N. Aseev). *Kursk Word*. 2016;14:23–32. (In Russ.)
3. Buranok, O. M. Russian literature of the XVIII century: Peter the Great’s era. Feofan Prokopovich. Moscow, 2005. 464 p. (In Russ.)
4. Buranok, O. M. The oeuvre of Theophanes Prokopovich and Russian foreign literary relations of the first half of the 18th century. *Knowledge. Understanding. Skill*. 2013;1:149–155. (In Russ.)
5. Bukharkin, P. E. Feofan Prokopovich and spiritual intellectual movements of Peter the Great epoch. *Christian Reading*. 2009;9–10:100–121. (In Russ.)
6. Volik, N. A. The “Epinikion” of Prokopovich as a sample of a solemn ode in the Russian literature of the XVIIIth century. *Bulletin of Mariupol State University of Humanities*. 2017;16:7–13. (In Russ.)
7. Vyatkina, S. V. Interrogative sentence in a literary text (on the last five years stories material). *The XLIX International Philological Conference Dedicated to the Memory of Lyudmila Alekseevna Verbitskaya (1936–2019): Se-*

- lected reports, St. Petersburg, 16–24 November 2020.* (T. V. Chernigovskaya, Ed.). St. Petersburg, 2022. P. 152–167. DOI: 10.21638/11701/9785288062353.09 (In Russ.)
8. Ivanchuk, I. A. F. Prokopovich – B. Fontenelle – M. V. Lomonosov. The eighteenth-century rhetorical portraits of Peter the Great. Trends in European influences. *Rhetorical traditions and communication processes in the era of digitalization: Proceedings of the XXIII international research conference, Moscow, 06–08 February 2020.* (Ch. B. Daletsky, A. Yu. Platko, Eds.). Moscow, 2020. P. 295–306. (In Russ.)
 9. Kovtunova, I. I. Poetic speech as a form of communication. *Topics in the Study of Language.* 1986;1:3–13. (In Russ.)
 10. Kulsarina, I. G., Khisamova, G. G. The role of interrogative sentences in a poetic text. *Philology. Theory & Practice.* 2021;10:3040–3045. (In Russ.)
 11. Nikolaev, S. I. “What have we come to, Russians?” (from Feofan Prokopovich to Vasily Shulgin). *Sprachgeschichte und Sprachwandel im Slavischen. Festschrift für Jadranka Gvozdanović.* Berlin, 2019. P. 259–264. (In Russ.)
 12. Nikolaev, S. I. Polylingualism of Feofan Prokopovich’s creative works in the science of the XX century. *Readings of the Department of the Eighteenth-Century Russian Literature.* 2018;8:57–64. (In Russ.)
 13. Nikolaev, S. I. Feofan (Prokopovich). *Three centuries of St. Petersburg. Vol. 1: The eighteenth century. Book 2.* St. Petersburg, 2003. P. 451–452. (In Russ.)
 14. Panegyric literature of Peter the Great’s time. Moscow, 1979. 311 p. (In Russ.)
 15. Patroeva, N. V. The rhetorical aspect of “Epinikion” by Feofan Prokopovich. *Texts and History.* 2022;3:72–86. (In Russ.)
 16. Patroeva, N. V., Lebedev, A. A. Syntactic dictionary of Russian poetry of XVIII – first half of XIX century. *Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2015;3(148-1):53–55. (In Russ.)
 17. Prokopovich, F. Ten books on the art of rhetoric. (G. A. Stratanovsky, Trans., S. I. Nikolaev, E. V. Markasova, S. I. Nikolaev, E. V. Markasova, E. V. Vvedenskaya, Eds.). Moscow; St. Petersburg, 2020. 488 p. (In Russ.)
 18. Rozhkova, A. V. Interrogative and exclamatory sentences in the odes of Ivan Dmitriev: structural-typological and rhetorical aspects. *Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2022;44(3):40–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.750 (In Russ.)
 19. Sazonova, L. I. From the Russian seventeenth-century panegyric to the ode of M. V. Lomonosov. *Lomonosov and Russian literature: Collection of articles.* (A. S. Kurilov, Ed.). Moscow, 1987. P. 103–126. (In Russ.)

Received: 10 April 2024; accepted: 8 July 2024

АСЯ КОНСТАНТИНОВНА ШАРАПОВА

аспирант кафедры русского языка Института филологии
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
koshman.asya@yandex.ru

ЗООТРОПЫ В ТЕКСТАХ СБОРНИКА «ДИВНАЯ ВОДЛА-ЗЕМЛЯ» А. С. МОНАХОВОЙ

А н н о т а ц и я . Анализируются зоотропы в текстах, записанных от информантов в деревне Водла Пудожского района Республики Карелия в ходе проведения экспедиций на протяжении более пятидесяти лет. Актуальность исследования заключается в недостаточной изученности зоотропов как инструмента создания образности в фольклорной традиции Русского Севера. Цель – выявить производные и непроизводные зоотропы и их функции в фольклорных текстах, определить их специфику по сравнению с фиксацией в словарях, провести анализ зооморфных компаративных конструкций и определить роль зоотропов в народной лирической песне. Используются семантический и корпусный методы. Отмечено, что лексические единицы включены в фольклорный текст, пересказываемый информантами. В тексте, где жители Водлы повествуют о своей жизни, культуре и быте, зоотропов не обнаружено. Незначительное количество лексем, использованных в переносном значении в анализируемых текстах, не представлено в лексикографических источниках. Как показал анализ, зоотропы в данных текстах выполняют функцию номинации по особенностям поведения (описание силы, ловкости, прыткости) и по качествам характера. Зооморфная лексика для отражения внешних свойств человека используется только в компаративных конструкциях. В лирических народных песнях Водлы образы животных нередко применяются в качестве символов мужчины и женщины, что обусловлено спецификой народной лирической песни. Сделан вывод о том, что зооморфная лексика играет важную роль в фольклорной традиции.

К л ю ч е в ы е с л о в а : зоотропы, пудожский говор, говор Карелии, народная лирическая песня, лексическая семантика

Д л я ц и т и р о в а н и я : Шарапова А. К. Зоотропы в текстах сборника «Дивная Водла-земля» А. С. Монаховой // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 6. С. 23–29. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1071

ВВЕДЕНИЕ

Богатый и яркий русский язык позволяет дать номинацию человеку и одновременно охарактеризовать его не только по имени. С этой целью используются зоотропы, то есть «названия животных в переносном антропоцентрическом значении» [10: 22], которые

«позволяют с помощью имеющихся языковых единиц назвать человека и дать ему характеристику в широком диапазоне ментально и перцептивно воспринимаемых качеств» [12: 246].

Вопросы полисемии и прагматики изучали такие известные лингвисты, как Л. В. Щерба [13], В. В. Виноградов [2], Анна А. Зализняк [7], Ю. Д. Апресян [1], М. А. Кронгауз [9]. Современные исследователи, в том числе Т. В. Звездина, Н. А. Новоселова [8], рассматривают социокультурный аспект зоометафор, З. И. Минеева [10],

[11], [12] – особенности, функции и прагматический потенциал зоотропов. А. М. Дундуковой принадлежат работы, посвященные названиям животных и птиц в фольклорной традиции Карелии [3], [4], [5], [6].

Несмотря на широкую представленность в научной литературе вопросов зоометафоры, языка фольклора и названий животных, зоотропы в фольклорных текстах, записанных на территории Карелии, до сих пор не становились предметом изучения. Как отмечает З. И. Минеева, одним из основных источников зоотропов является русская культура, которая, в свою очередь, связана с фольклорными текстами, народными культурными традициями, что обуславливает актуальность рассмотрения зоотропов в фольклорных текстах, собранных в Пудожье. Вслед за ученым мы отмечаем, что реализация переносных значений в номинативной функции происхо-

дит в том числе «в составе сравнительных и параллельных конструкций» [10]. В связи с этим в статье рассмотрены компаративные конструкции, в которых присутствует сравнение человека и животного по чертам характера или внешности.

Исследование проведено на материале двухтомного сборника А. С. Монаховой «Дивная Водла-земля» 2012 года (Сборник)¹, который представляет собой корпус текстов, записанных в разные годы от информантов – жителей деревни Водла – в ходе проведения экспедиций на протяжении более 50 лет. Наряду с рассказами информантов о быте и культуре в Сборнике представлены народные лирические песни, частушки, заговоры, деревенские романсы, описание похоронных и свадебных обрядов, а также воспоминания о жизни тех, кто прожил в Пудожском районе всю жизнь. Рассказчиками в основном выступали пожилые представители местного населения, хранившие воспоминания о родственниках, культуре, повседневной жизни и быте пудожских деревень.

Целью проведенного исследования стало изучение семантики и функций зоотропов как инструмента создания образа героя повествования в текстах, записанных от носителей русского говора Карелии в деревне Водла. Для достижения поставленной цели выявлена семантическая, синтаксическая и стилистическая специфика отдельных лексических единиц и включающих их конструкций. Объектом стал водлинский говор пудожского диалекта русского языка, предметом исследования послужили зоотропы, компаративные конструкции с зооморфными фольклорными образами. В работе применялся семантический метод, компонентный анализ, сопоставительный метод с использованием «Большого толкового словаря» под ред. А. С. Кузнецова (БТС)² 2000 года, «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» 1995 года (СРГК)³, а также Толкового словаря словообразовательных единиц Т. Ф. Ефремовой 2005 года (Ефремова)⁴, корпусный метод при обращении к Национальному корпусу русского языка (НКРЯ)⁵, стилистический анализ фольклорных текстов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Диалектная специфика

В расшифровках записей сохраняется местный говор, в том числе отражаются фонетические особенности, например так называемые оканье и ёканье, йотирование, мягкий звук [ц] звучит вместо [ч] и [ц] (Сборник: 37); грамматические – отличные от норм русского языка падежные окончания или обороты со страдательным

залогом и др.; лексические особенности – характерные для северного говора слова древнерусского происхождения и др. Ранее эти явления изучались такими известными диалектологами, как Б. П. Ардентов, В. В. Колесов, Л. П. Михайлова.

Зоотропы

В материалах сборника «Дивная Водла-земля» А. С. Монаховой обнаружены 20 зоотропов (*гад, голубка, жаба, змея, лебедь, паразит, сокол, сорока, свинья, утка, чайка*), в том числе диминутивы с суффиксами субъективной оценки: *-оньк-* (*голубонька*) с ласкательным значением (Ефремова: 349), продуктивный в фольклоре и разговорной речи формант, образующий имена *pluralia tantum* с ласкательным значением (Ефремова: 494), *-ик-* (*ежики*) со значением уменьшительности и экспрессией ласкательности (Ефремова: 181), *-ушк-* (*голубушка, горностаюшка, заюшка, лебедушка*), *-инк-* (*лебединка*) (Ефремова: 202), *-к-* (*овечка*) (Ефремова: 490), *-иц-* (*рыбица*) (Ефремова: 221).

В свадебной приговорке, записанной от Александры Борисовой в 1998 году, зоотроп *жаба* встречается в качестве номинации мужчины с оттенком пренебрежительности:

«А у родимого-то батюшки, Да у родимой-то матушки сыто ела, звонко пёрнула. А у мужа у жабы Не выписся» (Сборник: 237).

При сопоставлении материалов Сборника и лексикографических источников отмечено переносное значение слова *жаба*: «Перен. О болтливом человеке. Когда болтает много, так кто-нибудь возьми и скажи: “Жаба, сядь”» (СРГК), фиксируется в СРГК и Сборнике. В БТС переносное значение у этой лексемы не зафиксировано. В основном корпусе НКРЯ 2000–2019 годов лексическая единица представлена в переносном значении ‘некрасивая женщина’ с оттенком пренебрежительности:

«Вот поэтому Светка, жаба в оборках, ей этот компромат и предоставила для расправы, надеялась, видно, что это ей зачтется, в хорошем смысле» [М. Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая (2015)] (НКРЯ).

Отметим, что лексическая единица (ЛЕ) *лебедь* с переносным антропоцентрическим значением в качестве средства выразительности, как это представлено в колыбельной, записанной от Марфы Ковиной в 1971 году, в СРГК и НКРЯ не отмечена:

«Спи, Оленушка моя, Да лебедь бела дорога» (Сборник: 167).

В БТС лексема имеет сходное значение, что и в фольклорном тексте («2. Только ж. (обычно

в обращ.). Нар.-поэт. О молодой женщине, девушке» (БТС: 488)). В основном корпусе НКРЯ 2000–2019 годов слово встречается в качестве аллюзии на сказку о гадком утенке:

«В довершение Сережа был правдив, то есть не приравливался ко вкусам, но представал таким, каков он есть в действительности: наполовину лебедем, наполовину гадким утенком взрослого размера, в подростковой тесной курточке и с ранним увяданием под акварельно-мутными глазами, всегда тревожными [О. А. Славникова. Прыжок в длину (2014–2016)] (НКРЯ),

а также аллюзии на балетную миниатюру «Умиращий лебедь»:

«Домой возвращалась всегда больная и несчастная. – А, умирающий лебедь явился! – язвила Анна. – Конечно – лежачего не бьют! [Л. Мядзелиц. Иришка (2011) // «Ковчег», 2012] (НКРЯ).

В тексте частушки, пересказываемом Верой Чистяковой в 2000 году, лексема *паразит* используется как средство создания образа одушевленного полового органа:

«А через гору, через межу Хер кричит: “Манду зарежу!”; А манда в ответ кричит: “Не зарежешь, паразит!”» (Сборник: 317).

В структуре семантики слова отсутствуют компоненты ‘тунеядец’ и ‘дурной человек’, которые есть в словарной статье БТС: «2. Тот, кто живет чужим трудом; тунеядец. 3. Бранно. О дурном человеке; о человеке, совершившем плохой поступок» (БТС: 780). В СРГК ЛЕ не зафиксирована, а в НКРЯ встречается в качестве пейоратива:

«Спросишь: “Что ж ты гадишь, паразит?” А он: “А мне за это не платят”» [А. Бармин. Трудолюбия, дармоеды и кибернетика // «Дальний Восток», 2019] (НКРЯ).

Слово *сорока*, представленное в частушке, записанной от Клавдии Васюновой в 2000 году, выступает в качестве обращения к девушке без указания на особенности ее речевого поведения:

«Ты сударушка моя, Сорока белобокая, Раньше я к тебе ходил, теперь гора высокая» (Сборник: 351).

В СРГК единица не имеет переносного антропоцентрического значения. В БТС слово отмечено со значением «О болтливом, шумном человеке; о том, кто любит сплетничать (преимущественно о женщине)» (БТС: 1238). В НКРЯ слово представлено в составе компаративных конструкций, примеров использования в качестве зоотропов не отмечено.

Значение лексической единицы *гад* в частушке, записанной от Веры Исаевой, совпадает со значением, отмеченным в БТС и НКРЯ; в СРГК оно не представлено, как и в Словаре русских народных говоров:

«Я любила гада, Уважала гада, У него, у гада, Целая бригада» (Сборник: 286); ср. «2. Бранно. Отвратительный, мерзкий человек» (БТС: 190); ср. «Брата убило! Ему всего-то 19 лет! Вот какие гады! Кто же это сделал? [П. В. Жеребцова. Дневник (2002)] (НКРЯ).

То же наблюдение касается лексемы *голубка* в песне, записанной от Марфы Васюновой:

«Ой, называл он меня голубкой И в алы губы целовал» (Сборник: 115); ср. «2. Разг. Ласковое обращение к женщине» (БТС: 216); ср. «Я для тебя буду жить, потому что ты даешь мне жизнь, голубка моя» [В. М. Недошин. Прогулки по Серебряному веку. Санкт-Петербург (2012)] (НКРЯ).

Лексическая единица *свинья* отмечена в частушке, записанной от Валентины Борисовой в 2009 году, и выступает в качестве пейоратива:

«Ай мы с миленочком гуляли, Он назвал меня свиной. Люди думали свинина, Стали в очередь за мной» (Сборник: 449).

В БТС лексема имеет компоненты значения ‘грязный’ и ‘неопрятный’: «2. Разг. О грязном, неопрятном человеке с низменными привычками» (БТС: 1160). В НКРЯ *свинья* в большинстве случаев встречается в качестве пейоратива, как и в исследуемом материале Сборника:

«Хулиган! Свинья! Мерзавец!» [Ф. Ошевнев. Записки букиниста (2015) // «Ковчег», 2016] (НКРЯ).

Записанная от Анны Боботиной кадрель «Ой, пойдемте-ко, ребятаушка» содержит лексему *сокол*:

«Да к хороводу подошла, Да черным глазом навела На Ванюшу-сокола» (Сборник: 138).

Это же значение фиксируется в БТС: «2. Нар.-поэт. О мужчине, юноше, отличающемся удалью, отвагой, красотой» (БТС: 1231), что подтверждается данными НКРЯ:

«– Я и умереть готова, лишь бы тебе было хорошо, – поет жаворонок за девушку. – Сокол ты мой ясный... Что – сокол?» [В. Ю. Кунгурцева. Ведогони, или Новые похождения Вани Житного (2009)] (НКРЯ).

В текстах Сборника выявлены следующие лексические единицы с переносным антропоцентрическим значением: зоотроп *чайка* («У калитки заветная груша, Где не раз целовал я тебя. Скучно, грустно, моя дорогуша, Сероглазая чайка моя» (Сборник: 177), записан в тексте песни от Александры Петровой); диминутив *рыбица*, образованный по модели *рыба* > *рыбица* (*рыба* + *-иц-*) («Пила рудицу белая **рыбица**, Белая **рыбица** – красна девица» (Сборник: 312), записан от Веры Чистяковой в песне), а также модификаты с переносным антропоцентрическим значением: *голубонька*, образованный по модели *голубка*

‘женщина > голубонька (от основы голубк(а) отнят суффикс -к-, в состав основы входит суффикс -оньк-) («Спи, моя подруженька, Да спи, моя голубонька» (Сборник: 167), отмечен в тексте колыбельной, записанной от Марфы Чистяковой); горностаюшка, образованный по модели горностаи ‘ловкий человек’ > горностаюшка (горностаи + -ушк-) («Да нать поскок да сера заюшка, Да поворот да горностаюшка» (Сборник: 62), записан от Анны Боботиной в тексте песни «Ты подружка моя милая»); лебединка, образованный по модели лебедь ‘девушка’ > лебединка (лебедь + -инк-) («Баю, баю, Лену бай, Ягодиночка моя, Лебединка дорога» (Сборник: 167), отмечен в тексте колыбельной, записанной от Марфы Чистяковой). Эти слова не имеют переносного значения в материалах БТС, СРГК и НКРЯ. Модификат горностаюшка выполняет функцию номинации по схожести поведения человека с поведением животного с семантикой ласкательности. Слово рыбица в выявленном тексте Сборника выполняет номинативную функцию и имеет стилистическую народно-поэтическую маркированность. Лексемы голубонька, лебединка и чайка отмечены в качестве экспрессивных вокативов с мелиоративной коннотацией.

Отметим интертекстуальность используемых единиц в народной поэтической речи, что, однако, не фиксируется лексикографическими источниками. Так, например, лексема голубонька, используемая в фольклорном тексте, имеет переносное антропоцентрическое значение в Словаре русских народных говоров («2. Ласковое название женщины или девушки (обычно в обращении)»), тогда как не отмечается в других словарях.

Дериват заюшка образован по модели заяц ‘любимый человек’ > заюшка (зай- + -ушк-). В колыбельной, записанной от Марфы Чистяковой, лексема имеет компонент значения ‘умеющий хорошо прыгать’ («Да нать поскок да сера заюшка, Да поворот да горностаюшка» (Сборник: 62)). В СРГК и БТС лексема не встречается. В НКРЯ присутствует в качестве эмоционально окрашенного вокатива:

«Заюшка, ну что ты? – Татьяна Ивановна берет девочку на руки» [О. Нестерова. Диагноз: мама-кукушка // Труд-7, 31.05.2000] (НКРЯ).

Диминутив ежики (еж ‘человек, находящийся в постоянной защите’ > ежик (еж + -ик-)) отмечен в тексте частушки, записанной от Феклы Богдановой:

«Мы ребята ежики, У нас в карманах ножки, мы без ножиков не ходим, Без каменьев никогда» (Сборник: 490).

В СРГК переносного значения не зафиксировано, в БТС оно присутствует: «Разг. О неуступчивом, обидчивом, колючем человеке» (БТС: 295). В НКРЯ примеров использования в переносном антропоцентрическом значении не отмечено.

Переносных значений у модификата лебедушка (лебедь ‘девушка’ > (лебедь + -ушк-)), отмеченного в тексте свадебного причитания, записанного от Марии Васюновой, в СРГК не зафиксировано. В БТС лексема имеет переносное значение. В НКРЯ вхождений с лексемой не обнаружено:

«А спасибо ти, золовушка, Да белая лебедушка, За меня да заступиласи, Свекру в ноги повалиласи» (Сборник: 58); ср. «2. О молодой женщине, девушке» (БТС: 488).

Слово в аналогичной функции используется в других фольклорных жанрах [4: 86], [5: 73].

Модификат овечка (овца ‘робкий, безответный человек’ > овечка (овца + -к)), отмеченный в частушке, записанной от Валентины Борисовой, зафиксирован с семантикой, которая не включает компоненты ‘покорный’, ‘безответный’, тогда как в значении, указанном в БТС, они присутствуют:

«Милая моя, Белая овечка, Давай сделаем с тобой Живого человечка» (Сборник: 419); ср. «Разг. О робком, безответном человеке» (БТС: 696).

Отметим, что во вхождениях НКРЯ семантика диминутива овечка включает компоненты ‘покорный’, ‘слепо следующий’:

«Твоя обязанность – воспитать людей, а не овечек, работников, не проповедников: в здоровом теле – здоровый дух» [Острова утопии. Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е) (2015)] (НКРЯ).

Лексема лебедушка, записанная от разных информантов в разных текстах, представлена со значением ‘юная девушка’:

«Варварушка девушка, Да белая лебедушка. Белая Лебедушка, Зачесана головушка» (Сборник: 200).

В лексикографических источниках слово не представлено, в НКРЯ отмечены вхождения ЛЕ с тем же значением, что зафиксировано в материалах Сборника:

«Босиком по зеленой траве, в длинных расшитых сарафанах да кокошниках шитых жемчугами. Одно слово – лебедушки» [А. Г. Асмолов. Белошвейка и белоручка (2015)] (НКРЯ).

Диминутив голубушка с модификационным суффиксом -ушк-, используемым для образования слов «3. *Pluralia tantum* с ласкательным значением» (Ефремова: 494) (голуба ‘человек’ >

голубушка (голуба + -ушк), отмечен в нескольких текстах Сборника («*А ты спишь, моя голубушка. У Добротушки у матушки Было рано не разбужено Да на работушку не послано*» (Сборник: 64)), с аномальным значением в БТС («2. = Голубка (2 зн.). Милая, г., не расстраивайся так!» (БТС: 216)), а также в НКРЯ («*Ты еще, голубушка, не знаешь, что я знаю...*» [Александр Мардань. Тайна на троих // «Дальний Восток», 2019] (НКРЯ)).

Зоотропы часто являются эмоционально окрашенными единицами. В приговорке, записанной от Марии Меньшиковой, отмечен случай, когда лексическая единица нейтральна с точки зрения оценки: «*Зовут-то зовуткой, А величают уткой*» (Сборник: 624). Отметим, что в СРГК и БТС лексема не выявлена с переносным значением. В НКРЯ в переносном антропоцентрическом значении слово фиксируется только в составе фразеологизма *подсадная утка*:

«*Она неохотно подняла взгляд – не хотелось ни с кем разговаривать, ни с какой подсадной уткой, ни с одним как бы случайно оказавшимся рядом ее соотечественником, наверняка молодым и наверняка неженатым*» [М. Галина. Добро пожаловать в нашу прекрасную страну! (2013)] (НКРЯ).

В основном зоотропы и суффиксальные модификаты используются в качестве оценочного средства. Выделено 14 единиц с положительной коннотацией – *голубка, голубонька, голубушка, горностаюшка, заюшка, лебедь, лебедушка, лебединка, овечка, рыбица, сокол, сорока, утушка, чайка*, например:

«*Надоть силушка звериная, Да могут да лошадиная, Да нать поскок да сера заюшка, Да поворот да горностаюшка*» (Сборник: 62).

Пять лексических единиц (*гад, жаба, змея, свинья, паразит*) используются с негативной коннотацией. Без оценочного компонента встретились две лексемы: *утка* и *ежики*.

Как показало исследование, зоотропы представлены в текстах разных жанров неравномерно. Наибольшее количество лексических единиц встречается в жанре частушки, где отмечены зоотропы: *гад, ежики, овечка, паразит, свинья, сорока*. В свадебных песнях зафиксировано четыре слова с переносным антропоцентрическим значением (*голубушка, лебедь, лебедушка, утушка*), по три единицы – в свадебных причитаниях (*голубушка, горностаюшка, заюшка*), колыбельных (*голубонька, лебедь, лебединка*) и кадрили (*лебедь, лебедушка, сокол*). Также зафиксированы слова *голубка* и *чайка* в текстах фольклорных песен, в похоронном причитании модификат *голубушка*, в балладе слово *змея*, в жанре свадебных

поговорок отмечена лексема *жаба*, в тексте игровой песни – слово *рыбица*, в приговорке – *утка*.

Лексемы нередко используются с постоянными эпитетами: *белая лебедушка, сера утушка, белая рыбица* и др.

«*Пила рудицу белая рыбица, Пила рудицу белая рыбица. Бела рыбица – красная девица, Бела рыбица – красна девица*» (Сборник: 312).

Примечательно, что выделенные лексические единицы используются только в фольклорных текстах, пересказываемых информантами, в которых формирование яркого образа героя особенно важно. В текстах, где жители Водлы повествуют о своей жизни, культуре и быте, зоотропов не обнаружено.

Компаративные конструкции

В материале Сборника выявлена 21 компаративная конструкция: а) с союзами *как* и *что* («*У нее глаза, как от теленка*» (Сборник: 407); «*Глазки, что у рыбочки, Как у рыбки, у ерша*» (Сборник: 490) и др.); б) с творительным падежом сравнения, например: «*Пятьдесят бы было – дивья было бы, конём бы бегала!*» (Сборник: 432); «*Я во речку серой утушкой, А во озёрышка лебедушкой*» (Сборник: 81).

Выделенные компаративные конструкции дифференцированы функционально. Так, отмечено девять случаев, когда подчеркивается внешнее сходство человека и животного:

«*кудреватый, как баран*» (Сборник: 284); «*похож на петуха*» (Сборник: 285); «*А хорошо товарищ пляшет, Сапоги с калошами, Только губушки отвисли, Как у старой лошади*» (Сборник: 330).

Шесть конструкций используются для указания на особенности поведения человека, схожего с поведением животных:

«*набежало с улицей, как баранов и овцей*» (Сборник: 448); «*повыла, как собака*» (Сборник: 317); «*девчонка, как белая чайка*» (Сборник: 420); «*вертлявая, как стрекоза*» (Сборник: 568); «*мой миленок, как теленок, Только разница одна: Мой миленок пьет из рюмок, А теленок из ведра*» (Сборник: 261); «*Сижу одна, как волк в кустах*» (Сборник: 351).

В трех случаях сравнение выступает скорее инструментом фольклорной поэтики, поскольку в тексте отсутствует мотивация сравнения человека и животного по качествам или внешности объекта номинации:

«*Пела, пела песенки, Да улетела с лесенки, Со парадного крыльца Да прокатилась, как овца*» (Сборник: 283); «*Сегодня девчонка в день свадьбы другая. Как белая чайка, у моря грустит*» (Сборник: 420); «*Ты оставила, подружка милая, Своих-то малых детонек, Как курушку с цыплятами, Как утушку с утятами*» (Сборник: 616).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ текстов сборника «Дивная Водла-земля» А. С. Монаховой показал наличие специфики в употреблении зоотропов. Не вся зооморфная лексика, представленная в сборнике, находит отражение в лексикографических источниках. Отмечается наличие переносного антропоцентрического значения, которое не фиксируется выбранными словарями, что свидетельствует о большом потенциале использования названий животных в качестве номинации человека. Зоотропы используются в качестве оценочного средства: в 18 случаях лексемы включают пейоративную или мелиоративную коннотацию. В двух случаях лексические единицы не имеют оценочного коннотативного компонента. Зоотропы с оценочным компонентом включены

в тексты, в которых необходимо формирование яркого образа героя: в частушки – с пейоративной коннотацией, свадебные песни и причитания – с мелиоративной коннотацией, в другие тексты, требующие образности. При этом информанты при повествовании о своей жизни используют только компаративные конструкции. В материале сборника выявлены 22 сравнительные конструкции, построенные с помощью союзов и с творительным падежом сравнения. Выделенные компаративные конструкции дифференцированы по функциям: они используются для отражения внешнего сходства человека и животного (девять конструкций), для указания на сходство поведения человека и животного (шесть конструкций), для передачи языковой игры, насмешки (три конструкции).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сборник – Монахова А. С. Дивная Водла-земля. М.: ООО «Вариант», 2012. 736 с.

² БТС – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1535 с.

³ СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6 вып. Вып. 2 / Гл. ред. А. С. Герд; Отв. ред. О. А. Черепанова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1995. 448 с.

⁴ Ефремова – Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка: Ок. 1900 словообразовательных единиц. 2-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2005. 636 с.

⁵ НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения 12.03.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. I: Лексическая семантика. 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры»: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 472 с.
2. Виноградов В. В. Лексикология и лексикография: Избранные труды. М.: Наука, 1977. 312 с.
3. Дундукова А. М. К вопросу о трансформации парадигматических и синтагматических связей слов в фольклорном тексте (на материале лексики природного мира) // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. 2016. Т. 22, № 1. С. 143–146.
4. Дундукова А. М. Лексико-семантическая подгруппа «Водоплавающие птицы» в «Онежских былинах» А. Ф. Гильфердинга // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2011. № 5 (118). С. 85–88.
5. Дундукова А. М. Названия животных и растений как тропо- и фигурирующие элементы фольклорного текста (на примере «Онежских былин» А. Ф. Гильфердинга) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2012. № 7 (128). С. 73–75.
6. Дундукова А. М. Орнитонимы в «Онежских былинах» А. Ф. Гильфердинга: состав и функционирование // Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке: Коллективная монография / Редкол.: А. И. Смирнова (отв. ред.), А. В. Алексеев, И. Н. Райкова, Д. П. Шульгина. М., 2019. С. 320–326.
7. Зализняк Анна А. Русская семантика в типологической перспективе. М.: Языки славянской культуры, 2013. 640 с.
8. Звездина Т. В., Новоселова Н. А. Социокультурный аспект реализации потенциала инвективного функционирования зоометафоры «собака / кобель» // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 12 (408). С. 89–94 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnyy-aspekt-realizatsii-potentsiala-invektivnogo-funktsionirovaniya-zoometafory-sobaka-kobel> (дата обращения 20.02.2024).
9. Кронгауз М. А., Пиперски А. Ч., Сомин А. А. Сто языков. Вселенная слов и смыслов. М.: АСТ, 2018. 224 с.
10. Минеева З. И. Прагматический потенциал зоотропов у А. С. Пушкина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 1. С. 22–30. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.564
11. Минеева З. И. Русские зоотропы в национальном корпусе русского языка. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 94 с.
12. Минеева З. И. Функции русских зоотропов // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 5 (61). С. 246–250.

13. Щербань Л. В. Избранные работы по русскому языку / Предисл., подбор текстов, примеч. и ред. М. И. Матусевич; Акад. наук СССР. Отд-ние литературы и языка. М.: Учпедгиз, 1957. 188 с.

Поступила в редакцию 25.03.2024; принята к публикации 24.06.2024

Original article

Asya K. Sharapova, Postgraduate Student, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
koshman.asya@yandex.ru

ZOOTROPES IN THE BOOK *THE WONDERFUL LAND OF VODLA* BY A. S. MONAKHOVA

Abstract. The paper analyzes zootropes in the texts recorded from informants in the village of Vodla (Pudozhsky District of the Republic of Karelia) during expeditions that lasted for more than fifty years. The relevance of the study lies in the insufficient study of zootropes as a tool for creating imagery in the folklore tradition of the Russian North. The objectives of the study were to identify derivative and non-derivative zootropes and their functions in folklore texts, to determine their specific features in comparison with the units recorded in dictionaries, to analyze zoomorphic comparative constructions, and to determine the role of zootropes in lyrical folk songs, using the semantic and corpus methods. It is noted that the analyzed lexical units are included in the folklore text retold by the informants. No zootropes were found in the text where Vodla residents tell about their life, culture, and everyday household activities. A small number of lexemes used in figurative meaning in the analyzed texts are not represented in lexicographic sources. As the analysis shows, zootropes in these texts perform the function of nomination by the peculiarities of behavior: description of strength, dexterity, agility, and traits of character. Zoomorphic lexicon is used to reflect the external qualities of a person only in comparative constructions. In lyrical folk songs of Vodla, the images of animals are often used as symbols of men and women, which is due to the specifics of such songs. The results of the study suggest that zoomorphic vocabulary plays an important role in folklore tradition.

Keywords: zootropes, Pudozhsky dialect, Karelian dialect, lyrical folk song, lexical semantics

For citation: Sharapova, A. K. Zootropes in the book *The Wonderful Land of Vodla* by A. S. Monakhova. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(6):23–29. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1071

REFERENCES

1. Apresyan, Yu. D. Selected works. Vol. I: Lexical semantics. Moscow, 1995. 481 p. (In Russ.)
2. Vinogradov, V. V. Lexicology and lexicography: Selected works. Moscow, 1977. 312 p. (In Russ.)
3. Dundukova, A. M. On the transformation of paradigmatic and syntagmatic word connections in a folklore text (on the bases of lexemes referring to the realm of nature). *Vestnik of Kostroma State University*. 2016;22(1):143–146. (In Russ.)
4. Dundukova, A. M. Lexico-semantic subgroup “Waterfowl” in “Onego Traditional Heroic Epics” by A. F. Guilferding. *Proceedings of Petrozavodsk State University. Social Sciences & Humanities*. 2011;5(118):85–88. (In Russ.)
5. Dundukova, A. M. Plants and animals’ names as trope elements of folklore text (on the example of “Onego Traditional Heroic Epics” by A. F. Guilferding). *Proceedings of Petrozavodsk State University. Social Sciences & Humanities*. 2012;7(128):73–75. (In Russ.)
6. Dundukova, A. M. Ornithonyms in “Onego Traditional Heroic Epics” collected by A. F. Guilferding: composition and functioning. *The bird as image, symbol, and concept in literature, culture, and language: Collective monograph*. Moscow, 2019. P. 320–326. (In Russ.)
7. Zaliznyak, Anna A. Russian semantics from the typological perspective. Moscow, 2013. 640 p. (In Russ.)
8. Zvezdina, T. V., Novoselova, N. A. Sociocultural aspect realization of invective potential functioning of animal metaphors “dog”. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2017;12(408):89–94. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnyy-aspekt-realizatsii-potentsiala-invektivnogo-funktsionirovaniya-zoometafor-y-sobaka-kobel> (accessed 20.02.2024). (In Russ.)
9. Krongauz, M. A., Pipersky, A. C., Somin, A. A. One hundred languages. The universe of words and meanings. Moscow, 2018. 224 p. (In Russ.)
10. Mineeva, Z. I. Pragmatic potential of zootropes in works by Alexander Pushkin. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;1(43):22–30. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.564 (In Russ.)
11. Mineeva, Z. I. Russian zootropes in the Russian National Corpus. Petrozavodsk, 2013. 94 p. (In Russ.)
12. Mineeva, Z. I. Functions of Russian zootropes. *Scientific Notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2014;5(61):246–250. (In Russ.)
13. Shcherba, L. V. Selected works on the Russian language. (M. I. Matusevich, Ed.). Moscow, 1957. 186 p. (In Russ.)

Received: 25 March 2024; accepted: 24 June 2024

У ЦЮАНЬМИН

соискатель кафедры русской филологии и журналистики
Института филологии и межкультурной коммуникации
Волгоградский государственный университет
(Волгоград, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-9342-829X; wqm1022@mail.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КОЗЕЛ ОТПУЩЕНИЯ И ДРАТЬ КАК СИДОРОВУ КОЗУ

А н н о т а ц и я . На материале Национального корпуса русского языка анализируются обороты *козел отпущения* и *драть как сидорову козу*, включающие зоонимические компоненты *коза* и *козел*, с целью выявить особенности их использования в текстах разных стилей, жанров, тематики, диапазон обозначаемых ими объектов и действий. Применяются описательный метод, приемы контекстуального, дискурсивного анализа, количественных подсчетов. Сделан вывод о том, что фразеологическая единица *козел отпущения* в современном русском языке более употребительна, преобладает в нехудожественных текстах политической, экономической, социальной тематики, обозначает отдельного человека, группы людей, общественные институты и др. Фразеологизм *драть как сидорову козу* используется чаще в художественных текстах, обозначает межличностные (в основном семейные) отношения людей. Различия объясняются значением, структурой, стилистической окраской, степенью экспрессивности фразеологизмов: *козел отпущения* называет человека по его социальной роли (эта роль может быть распространена на любой субъект общественных отношений), характеризуется именной структурой и является более свободным синтаксически, входит в сферу литературного языка; *драть как сидорову козу* обозначает человека как объект интенсивного физического воздействия, имеет глагольную структуру со сравнительным оборотом, что ограничивает его синтаксические роли, отличается экспрессивностью, национальным колоритом, просторечным (нелитературным) характером.

К л ю ч е в ы е с л о в а : русский язык, фразеологизмы, функционирование фразеологизмов, зоонимы *коза / козел*

Д л я ц и т и р о в а н и я : Цюаньмин У. Функционирование фразеологизмов *козел отпущения* и *драть как сидорову козу* // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 6. С. 30–35.
DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1072

ВВЕДЕНИЕ

Фразеологизмы привлекают к себе внимание исследователей в силу специфики их статуса в системе языка, особой выразительности в речи. Интерес вызывает культурная обусловленность фразеологии. Часто ученые специально рассматривают фразеологизмы, включающие конкретные слова или типы слов, например имена собственные, наименования частей тела, животных и др. Значительную долю среди таких единиц составляют устойчивые сочетания, включающие в себя названия животных, или зоонимы. Данный термин в лингвистике употребляется в широком и узком смыслах: в первом случае он охватывает наименования животных, их клички, названия частей тела животного и т. п., во втором – только названия животных в прямом значении [13]. В ономазиологии

под зоонимами понимаются имена собственные (клички) животных, поэтому ученые предлагают вместо указанного другие термины для называния животных и всего, что с ними связано [2: 84–88]. Мы под термином *зооним* понимаем лексему, являющуюся наименованием животного.

Зоонимы относятся к числу слов, «национально-культурная обусловленность семантики которых выражена особенно ярко» (РКП: 26–27). Они принадлежат к древнему пласту лексики и являются культурным компонентом любого языка. За ними стоят значимые для народа образы, отражающие его историю, традиции, повседневную жизнь. С внешностью, повадками животного связываются и представления о человеке: свое поведение, чувства, состояние, внешность люди часто характеризуют через сравнение с тем

или иным животным [5], что нашло отражение и во фразеологии.

Сегодня фразеологические единицы (ФЕ) с зоонимическими компонентами исследуются в различных аспектах: с точки зрения семантики и структуры [6], [13], лингвокультурной специфики, вопросов перевода [8], [12]. В ряде работ на материале русского и других языков рассматривается употребление ФЕ в художественной литературе, прессе, дневниках, интернет-дискурсе [1], [3], [4], [10]. Однако функционирование этих устойчивых оборотов в текстах разных стилей и жанров остается еще недостаточно изученным, что определяет актуальность нашей работы.

В статье излагаются результаты анализа фразеологизмов с зоонимами *коза* и *козел*, называющими один вид животного и передающими значимые для русской лингвокультуры образы. Исследование проводится на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ) с использованием описательного метода, приемов контекстуального, дискурсивного анализа, количественных подсчетов. Объектом являются ФЕ *козел отпущения* и *драть / пороть / сечь / лупить как сидорову козу*, которые характеризуют человека или называют действие по отношению к нему. Они рассматриваются с точки зрения значения, структуры и функционирования в текстах. При анализе функциональных свойств учитываются тип и стилевая принадлежность текстов, в которых они употребляются, описываемая сфера жизни, характер обозначаемого фразеологизмом субъекта / объекта.

ФРАЗЕОЛОГИЗМ *КОЗЕЛ ОТПУЩЕНИЯ*

ФЕ *козел отпущения* обозначает человека (часто невинного), на которого сваливают чужую вину, ответственность за проступки, ошибки других (БСКС: 227), (ФСРЯ: 200). Фразеологизм имеет библейское происхождение и отмечен в разных языках [7: 164], (РАС: 95). Его стилистическая окраска определяется в словарях по-разному: в (ФСРЯ: 200), а также в академических толковых словарях она фиксируется как нейтральная; в (ОШ: 287), (ТСРЯ: 1393) – как разговорная. Несмотря на свое происхождение, ФЕ не имеет книжного характера. Возможно, на это влияет сам образ животного, который в русской культуре связывается не с лучшими качествами человека, а с глупостью, упрямством, слабостью (РКП: 86). В (РФ ИЭС) дается также помета «чаще неодобр.»; негативная оценка относится, вероятно, не только к человеку, но и к самой ситуации обвинения его в чужих ошибках.

Составители словаря (РФ ИЭС: 313) отмечают фразеологизм как устаревший и редкий. Количественный анализ показал, что в НКРЯ

из всех фразеологизмов с зоонимами этот оборот является вторым по частотности после ФЕ *первая ласточка* [11: 184–185]; он не только знаком современным носителям языка, но и подвергается шуточной трансформации [9: 199]. Сравнение подкорпусов текстов, созданных до начала XX века и после, показало, что в XX–XXI веках доля случаев употребления ФЕ в общем массиве слов увеличилась почти в четыре раза.

Структура фразеологизма носит именной характер: «сущ. + сущ. в Род. п.», в роли главного компонента выступает зооним как прямая номинация человека; человек является объектом отношения окружающих, их действий. ФЕ грамматически соотносится с существительным и может выполнять синтаксические функции подлежащего, дополнения, сказуемого, его части.

Всего в НКРЯ отмечено около 800 контекстов с данной ФЕ, из них в основном корпусе – 360, остальные – в газетных и устном корпусах. Фразеологизм используется преимущественно в нехудожественных текстах (доля 0,79 от всех случаев его употребления в основном корпусе и 0,9 – с учетом газетных корпусов). Это публицистические, реже научно-исторические, эпистолярные тексты политической, экономической, социальной и др. тематики.

В исторической литературе, публицистике на темы политики, экономики, социальной жизни фразеологизм употребляется при описании деятельности в сферах государственного управления, политической борьбы, международных и межнациональных отношений, бизнеса, культуры, образования, спорта и др. Именуемый оборотом объект (тот, на кого перекалывают чью-то вину), а также субъект (тот, кто перекалывает вину) действия могут быть единичными или коллективными, конкретными или обобщенными, а также неопределенными.

Обозначаемым объектом может быть отдельная личность – политический лидер, человек, занимающий государственный пост, предприниматель, должностное лицо, служащий организации и т. д. Например:

«В этом манифесте слагались все вины – как на главного козла отпущения – на Остермана...» [Н. И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях... Вып. 7]; «Губернатор Яковлев козлом отпущения становиться не хочет» [А. Кремнев. Пиар во время чумы].

В приведенных контекстах субъект действия является неопределенным. При неопределенности объекта подразумеваются различные отдельные лица, которые не уточняются либо неизвестны: «...он великолепно умел все неудачи, ошибки и просчеты сваливать на других...

находя *тщательно выбранных “козлов отпущения”*» [Б. Ефимов. Десять десятилетий], здесь субъектом выступает глава государства (он назван в предыдущем контексте).

Объект может быть также коллективным (национальный, социальный слой, класс, национальная группа и под.):

«Каждая политическая сила, стремящаяся поработить нацию... испытывает потребность в существовании меньшинства, из которого делают козла отпущения, на которого возлагают всю вину за неудачи нации... В Советской России таким козлом отпущения была буржуазия, в нацистской Германии – еврейский народ, в Америке – бизнесмены» [С. Голубицкий. Who is John Galt?].

В данном контексте объект – социальные слои, национальная группа, субъект – политические силы, то есть объединения людей определенного статуса. За данным наименованием иногда стоят государственные структуры, учреждения, политические, социальные институты (министерство, школа и др.).

При описании отношений на международном уровне в качестве обозначаемого коллективного объекта могут выступать страны, народы: *«...требования США повысить курс юаня отражают попытки некоторых американских политиков сделать Китай козлом отпущения...»* [Н. Кириченко. Доллар: штормовое предупреждение].

Фразеологизм используется также при характеристике межличностных отношений в бытовой сфере и относится к конкретным людям как частным лицам: *«А Вы, друг мой, терпите мои письма, будьте в этом случае козлом отпущения»* [И. А. Гончаров. Письма], здесь автор шутливо называет так человека, который выбран в качестве адресата и один за всех должен «нести наказание» – «страдать» от чтения писем.

Значение фразеологизма понимается как некая роль, функция называемого объекта:

«Играть унижительную роль “козла отпущения” не хочу, поищите кого-нибудь другого» [А. Яковлев. Омут памяти]; *«Поначалу все они были функционально тождественны “козлам отпущения”»* [А. Секацкий. Истоки современной политики].

В текстах по вопросам взаимоотношений личности и коллектива ФЕ имеет тенденцию к терминологизации, хотя написание ее в кавычках говорит, что она как термин используется условно:

«Если ваш ребенок окажется в классе “козлом отпущения”, сразу же бейте тревогу» [Н. Чередова. Школьная травля]; *«Интерес к причинам конфликтного взаимодействия между членами разных социальных групп породил... гипотезу “козла отпущения”...»*

[О. А. Гулевич. Способы оптимизации межгруппового взаимодействия...].

В последнем примере речь идет о концепции типа взаимоотношений между людьми, и ФЕ называет человека по его роли в этих отношениях. Такое осмысление ФЕ делает круг обозначаемых объектов очень широким: это не только люди, их объединения, представляемые ими институты, но и любые живые существа и даже неживые предметы, как во втором из следующих контекстов (высказывание имеет шутливую окраску):

«Нередко на роль “козла отпущения” выбирались другие существа: в случае Вальки – бродячие собаки, в случае Марины – собственная мать» [Н. Елизарова. Экранизации художественных произведений о школе]; *«Спички стали козлом отпущения. Николай I... усмотреть изволил, что... поджигатели весьма часто совершали свое преступление посредством спичек»* [обобщ. Что вы знаете и чего не знаете о спичках].

ФЕ обозначает кого- или что-либо как объект не эмоционального, а сознательного отношения, которое часто является результатом решения и влечет за собой определенные действия. Это подчеркивается следующими высказываниями: *«тщательно выбранных “козлов отпущения”», «специально подобранных “козлов отпущения”», «“козлами отпущения” решили сделать», «избрав его козлом отпущения», «назначить “козлов отпущения”»* и под.

В художественных текстах ФЕ используется в основном при описании межличностных отношений и отношений человека с коллективом, например:

«...Си-Си пытается облегчить свои душевные страдания поисками козлов отпущения. Сегодня козлы – это мы с Леной» [И. Павская. «Джоконда» Мценского уезда]; *«Козлом отпущения, или, вернее, “жертвой”, нашей веселой компании был Петя Черногривов...»* [Ф. Ф. Тютчев. Кто прав?],

здесь автор уточняет значение ФЕ – не тот, на кого перекладывается чья-либо вина, а «жертва», то есть объект шуток, насмешек и т. д. Вероятно, в приведенных выше контекстах о взаимоотношениях в детском коллективе оборот выражает то же.

При объяснении истории появления фразеологизма отмечается употребление словосочетания в буквальном смысле: *«– козел отпущения – несчастное животное, на которое перекладывали все людские грехи в праздник Искупления»* [Ольга Шотландия. Сентябрь: листопадник, хмурень, рюинь], здесь выражено эмоционально-оценочное отношение к животному, иногда проявляющееся и при образном назывании человека.

ФРАЗЕОЛОГИЗМ ДРАТЬ / ПОРОТЬ / СЕЧЬ / ЛУПИТЬ КАК СИДОРОВУ КОЗУ

Этот фразеологизм имеет значение «сильно, жестоко и безжалостно пороть, бить кого-либо» (РФ ИЭС: 311). Имя *Сидор* (*сидорова*) объясняется по-разному, но оно, как считают ученые, придает выражению экспрессивность, национальный колорит; и образ козы, и имя *Сидор* имеют отрицательные ассоциации. Фразеологизм представляет косвенную номинацию человека через сравнение с животным и обозначает интенсивное физическое воздействие на него. Большинство словарей характеризуют ФЕ как просторечную (ОШ: 287), (РФ ИЭС: 311), (ТСРЯ, 1: 1393), (ФСРЯ: 201).

ФЕ состоит из главного слова – глагола и сравнительного оборота с зоонимом, обозначающим объект действия. Сравнение *как сидорову козу* усиливает значение интенсивности действия, которое выражает также глагол.

В НКРЯ найдено 77 контекстов с ФЕ *драть / пороть / сечь / лупить как сидорову козу*. Она используется чаще всего в художественных текстах, в прямой речи персонажей (доля 0,77 от всех случаев ее употребления), реже – в публицистике и устной речи (доли соответственно 0,14 и 0,09).

В большинстве контекстов оборот применяется при описании семейных, различных социальных, реже – межличностных отношений. При выражении семейных отношений он обычно отражает взаимодействие между взрослыми или родителями и детьми, а при выражении социальных отношений – между людьми разного социального статуса (командир – рядовой, начальник – работник, хозяин – слуга и др.). Например: «*Тянька со всей душой драл бы меня как Сидорову козу, да я уж больно отчаянная*» [Ф. В. Гладков. Повесть о детстве], в этом контексте субъект и объект – родитель и ребенок, говорящий имеет в виду себя (иронично-шутливо), подчеркивается «воспитательная сила» физического наказания; «*Так-то ты караулил! Я тебя как Сидорову козу выпорю. Проснал, чертова твоя башка!*» [Ф. В. Гладков. Повесть о детстве], в данном случае субъект – барин, объект – слуга, говорится об угрозе наказания за плохую службу.

Фразеологизм, как правило, употребляется в прямом значении физического, телесного наказания за проступок. Например: «*Послала мальчиков, они ее в гараж привели, юбочку задрали, и я сама ее выдрала как сидорову козу. Папиным солдатским ремнем*» [М. Чулаки. Примус], в кон-

тексте указан инструмент наказания – ремень; «*Когда взрослые обещают надрать уши, начесть ремнем или отлупить как сидорову козу – это преувеличение*» [Э. Шим. Ребята с нашего двора]. В данном случае акцент сделан на интенсивности действия (строгости, жестокости побоев) путем использования синонимичных фразеологизмов, однако реальность такого наказания опровергается.

Фразеологизм обозначает также физическое воздействие как средство принуждения. Например:

«*Тяпка-покойник... Бывало, бьет как Сидорову козу: "Ешь, подлец, репу!"*» [Н. Г. Гарин-Михайловский. Гимназисты]; «*А чего Груньку лупишь, окаянный, кажный день, как Сидорову козу*» [А. С. Серафимович. Мышиное царство].

Здесь речь идет о физическом насилии, говорящий (женщина) осуждает подобные отношения между мужем и женой.

ФЕ употребляется также для образного описания любого (морального, психологического) интенсивного воздействия на человека:

«*...он никогда не думал, будто помянет с благодарностью армейских отцов-командиров, которые гоняли и драли его, как сидорову козу, но зато научили падать, прыгать, видеть спиной...*» [М. Баконина. Девять граммов пластита].

Здесь образно передается строгость требований в армии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фразеологизмы *козел отпущения* и *драть / пороть / сечь / лупить как сидорову козу* с лексически близкими зоонимическими компонентами характеризуются разными функциональными свойствами. ФЕ *козел отпущения* является намного более частотным. Он употребляется преимущественно в нехудожественных текстах для описания, как правило, политических, экономических, социальных отношений, тогда как для ФЕ *драть как сидорову козу* характерно преобладание в художественных текстах при описании семейных, социальных, межличностных отношений. Это объясняется значением, структурой, стилистической окраской фразеологизмов. Оборот *козел отпущения* является прямой номинацией человека по его социальной роли (эта роль может быть распространена на любой субъект в общественных отношениях разного уровня), характеризуется именной структурой и более широким набором синтаксических позиций, является стилистически нейтральным или разговорным, то есть входит в сферу литератур-

ного языка и вполне уместен в публицистике. Фразеологизм *драть как сидорову козу* косвенно называет человека как объект интенсивного физического воздействия, имеет глагольную структуру со сравнительным оборотом, что ограничивает его синтаксические роли,

отличается яркой образностью, экспрессивностью, национальным колоритом (наличие имени собственного), просторечным (нелитературным) характером, что способствует его использованию в художественных текстах при передаче устной речи героев.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ruscorpora.ru>. При цитировании источника указываются только автор и название публикации.

БСКС – Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. М.: Рус. словари: Астрель: АСТ, 2000. 624 с.

ОШ – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1993. 960 с.

РАС – Саркисян А. Г. Русско-армянский словарь библейских крылатых слов. Тула: Гриф и К°, 2001. 236 с.

РКП – Брилева И. С., Вольская Н. П., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Красных В. В. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. Вып. первый. М.: Гнозис, 2004. 318 с.

РФ ИЭС – Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / Под ред. В. М. Мокиенко. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. 926 с.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935. 820 с.

ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М.: Русский язык, 1986. 544 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абреимова Г. Н. Структурно-семантические особенности фразеологических оборотов с компонентом-зоонимом в произведениях и дневниках М. М. Пришвина // *Philologos*. 2020. № 3 (46). С. 5–11.
2. Багана Ж., Михайлова Ю. С. Фаунонимическая лексика в системе языка и ее национально-культурная специфика (на материале лексических единиц «лошадь», «конь», «свинья» в русском, английском и немецком языках) // *Научные ведомости. Сер. Гуманитарные науки*. 2011. № 24 (119). Вып. 12. С. 84–93.
3. Доброва М. С. Реализация функций фразеологических единиц в дискурсивном пространстве русскоязычного интернета // *Русистика*. 2022. Т. 20, № 2. С. 233–246. DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-2-233-246
4. Жапаркулова Н. Н. Особенности использования фразеологизмов с компонентом-зоонимом в повести Ч. Т. Айтматова «Белый пароход» (на материале русского и киргизского языков) // *Мир науки, культуры, образования*. 2021. № 4 (89). С. 461–463.
5. Иноземцева Н. В., Вержинская И. В. Особенности фразеологизмов с компонентом «животные» // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: Материалы VIII Междунар. науч. конф.: В 2 т. / Отв. ред. Л. А. Нефедова. Челябинск: Энциклопедия, 2016. С. 387–389.
6. Каримова Р. Х. Семантика зоонимов во фразеологии немецкого и русского языков // *Политическая лингвистика*. 2005. № 16. С. 169–176.
7. Катермина В. В. Номинации человека: национально-культурный аспект (на материале русского и английского языков). М.: Флинта: Наука, 2016. 224 с.
8. Лю Д., Мэн Ф. Интерпретация фразеологизмов средствами китайского языка в русско-китайских фразеологических словарях // *Научный диалог*. 2023. Т. 12, № 2. С. 45–65. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-45-65
9. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Библейские фразеологизмы и поговорки в современном социокультурном контексте: к концепции словарной репрезентации // *Научный диалог*. 2023. Т. 12, № 8. С. 193–210. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-193-210
10. Резниченко Ю. Ю. Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом в текстах британской прессы // *Вопросы иноязычной филологии в свете современных исследований: Сб. науч. ст. XXXIII Междунар. науч.-практ. конф.* Чебоксары: Чувашский гос. пед. ун-т им. И. Я. Яковлева, 2022. С. 260–264.
11. Цюаньмин У. Частотный анализ зоонимических фразеологизмов // *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*. 2023. Т. 42 (1). С. 177–194. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-177-194
12. Шустова С. В., Тяпугина А. Е. Анимализмы в русской и английской лингвокультурах // *Евразийский гуманитарный журнал*. 2020. № 3. С. 45–53.
13. Яблонская О. Г. Анализ фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в современном русском языке // *Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна*. 2015. № 2 (46). С. 153–158.

Original article

Wu Quanming, Cand. Sc. Degree Applicant, Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-9342-829X; wqm1022@mail.ru

**THE FUNCTIONING OF PHRASEOLOGICAL UNITS
KOZYOL OTPUSHCHENIYA ('SCAPEGOAT') AND DRAT' KAK SIDOROVU KOZU
(‘THRASH LIKE A SIDOROV’S GOAT’)**

Abstract. The article deals with relevant issues of studying the functional features of phraseological units with zoonyms. Based on the material of the Russian National Corpus, the phrases *kozyol otpushcheniya* ('scapegoat') and *drat' kak sidorovu kozu* ('thrash like a Sidorov's goat') with a common zoonymic component *goat* are analyzed, in order to identify the features of their use in texts of different styles, genres, subjects, as well as the range of objects and actions designated by them. The descriptive method, methods of contextual and discursive analysis, and quantitative calculations are used. It is concluded that the phrase *kozyol otpushcheniya* is more commonly used in modern Russian, predominating in non-fiction texts on political, economic, and social topics and designating an individual, groups of people, public institutions, etc. The phraseological unit *drat' kak sidorovu kozu* is used more often in literary texts, denoting interpersonal (mostly family) relationships of people. The differences are explained by the meaning, structure, stylistic coloring, and the degree of expressiveness of these phraseological units: the phrase *kozyol otpushcheniya* names a person by his social role (this role can be extended to any subject of social relations), is characterized by a substantive structure, is more free syntactically, and falls within the scope of literary language, while the phrase *drat' kak sidorovu kozu* designates a person as an object of intense physical influence, has a verbal structure with a comparative construction, which limits its syntactic roles, and is characterized by expressiveness, national flavor, and colloquial (non-literary) character.

Keywords: Russian language, phraseological units, functioning of phraseological units, zoonym *goat*

For citation: Quanming, Wu. The functioning of phraseological units *kozyol otpushcheniya* ('scapegoat') and *drat' kak sidorovu kozu* ('thrash like a Sidorov's goat'). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(6): 30–35. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1072

REFERENCES

1. Abreimova, G. N. Structural and semantic features of phraseological units with a zoonym component in the works and diaries of M. M. Prishvin. *Philologos*. 2020;3(46):5–11. DOI: 10.24888/2079-2638-2020-46-3-5-11 (In Russ.)
2. Baghana, J., Mikhailova, Yu. S. Fauna lexis in the system of language and its national-cultural specificity (on the material of lexical units "horse", "pig" in the Russian, English and German languages). *Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities*. 2011;24(119):84–93. Issue 12. (In Russ.)
3. Dobrova, M. S. Phraseological units functions implementation in the discursive space of the Russian-speaking Internet. *Russian Language Studies*. 2022;20(2):233–246. DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-2-233-246 (In Russ.)
4. Zhaparkulova, N. N. Features of using phraseological units with a component-zoonym in the novel "The White Steamer" by Chingiz Aitmatov (in the aspect of translation from Kyrgyz into Russian). *The World of Science, Culture and Education*. 2021;4(89):461–463. DOI: 10.24412/1991-5497-2021-489-461-463 (In Russ.)
5. Inozemtseva, N. V., Verzhinskaya, I. V. The peculiarities of the phraseologisms with the component "animals". *Word, utterance, text in cognitive, pragmatic, and cultural aspects: Proceedings of the XVIII international research conference*. In 2 vols. (L. A. Nefedova, Ed.). Chelyabinsk, 2016. P. 387–389. (In Russ.)
6. Karimova, R. H. Semantics of zoonyms in the phraseology of the German and Russian languages. *Political Linguistics*. 2005;16:169–176. (In Russ.)
7. Katermina, V. V. Nominations of humans: national and cultural aspect (based on the material of the Russian and English languages). Moscow, 2016. 224 p. (In Russ.)
8. Liu, Di, Meng, Fanhong. Interpretation of phraseological units using Chinese language in Russian-Chinese phraseological dictionaries. *Nauchnyi dialog*. 2023;12(2):45–65. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-45-65 (In Russ.)
9. Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. Biblical phraseological units and proverbs in modern sociocultural context: dictionary representation. *Nauchnyi dialog*. 2023;12(8):193–210. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-193-210 (In Russ.)
10. Reznichenko, Yu. Yu. Phraseological units with a zoonym component in the texts of the British press. *Questions of foreign language philology in the light of modern research: Proceedings of the XXXIII international research and practice conference*. Cheboksary, 2022. P. 260–264. (In Russ.)
11. Quanming, Wu. Frequency analysis of zoonymic phraseological units. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*. 2023;42(1):177–194. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-177-194 (In Russ.)
12. Shustova, S. V., Tyapugina, A. E. Animalisms in Russian and English linguistic cultures. *Eurasian Humanitarian Journal*. 2020;3:45–53. (In Russ.)
13. Yablonskaya, O. G. Analysis of phraseological units with the zoonymic component in modern Russian language. *Bulletin of Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin*. 2015;2(46):153–158. (In Russ.)

Received: 28 March 2024; accepted: 24 June 2024

НАДЕЖДА СТАНИСЛАВОВНА БРАТЧИКОВА

доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой финно-угорской филологии филологического факультета Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

профессор кафедры лингвистики и профессиональной ориентации в области политических наук

Московский государственный лингвистический университет

(Москва, Российская Федерация)

n.bratchikova@mail.ru

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СПОРТИВНЫХ НОВОСТЕЙ (на материале финского языка)

А н н о т а ц и я . Представлены лингвистический анализ новостей о некоторых видах спорта, особенности спортивного дискурса и приемы речевого воздействия на аудиторию. Объектом исследования являются спортивные сообщения интернет-сайта ЮЛЕ (YLE), предметом выступают языковые и синтаксические средства, используемые для описания летних турниров и встреч по отдельным видам спорта с целью эмоционального воздействия на читательскую аудиторию. Цель исследования – определить, являются ли спортивные тексты финского новостного канала ЮЛЕ инструментом несилового воздействия на общественно-политическую жизнь в современной Финляндии. Использованы описательный метод, метод семантического поля и контекстологический анализ, которые позволили выделить характеристики исследуемого объекта, зафиксировать общие и отличительные признаки во взаимосвязанных компонентах, охарактеризовать факторы, вызвавшие их появление. Гипотеза исследования: тексты на спортивную тематику реализуют функцию речевого воздействия на аудиторию. Речевое манипулирование производится путем использования образных выражений, фразеологических единиц, позволяющих даже спортивную неудачу представить как продвижение к победе. Скрытое языковое воздействие основывается на привнесении в лексему новых смыслов и коннотаций, которые изменяют ассоциативный ряд слова. Подобные приемы подачи информации способствуют возникновению у финнов чувства гордости за нацию, укрепляют международный престиж государства. Они создают мощный эмоциональный фон, усиливают переживание за «своих», актуализируют образ «наших», формируя очевидную идентификацию с национальным сообществом. Для спортивных новостей характерными являются элементы интриги и драматизма, но развиваются они, как правило, в позитивном направлении. Спорт выступает инструментом политического влияния на общество на внутригосударственном и международном уровнях.

К л ю ч е в ы е с л о в а : спортивный дискурс, речевое воздействие, метафора, фразеологическая единица, финский язык

Д л я ц и т и р о в а н и я : Братчикова Н. С. Языковые особенности спортивных новостей (на материале финского языка) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 6. С. 36–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1073

ВВЕДЕНИЕ

Спорт – это неотъемлемая часть современного образа жизни. Он является показателем социально-экономического и культурного развития общества, отражает уровень физического и душевного здоровья нации. Чемпионаты Европы и мира, международные спортивные состязания по легкой атлетике, фехтованию, футболу и водным видам спорта способствуют формированию индустрии спорта. Любое крупное атлетическое мероприятие представляет собой

действенный инструмент политики правительства. Многие страны, в том числе Финляндия, используют спортивную деятельность как стратегию «мягкой силы» для решения внутринациональных и внешнеполитических задач. Спорт является средством формирования позитивного образа государства, повышения его статуса в мировом сообществе [11].

Лингвисты выделяют около десяти сфер коммуникативной активности языка спорта, среди которых упоминаются язык спортивных правил,

научный язык в спорте, язык спортивных обзоров, комментариев и публицистики в печатных СМИ, язык спортсменов, тренеров и фанатов [14].

Объектом данного исследования являются спортивные сообщения, представленные на финском интернет-сайте ЮЛЕ (YLE), предметом исследования выступают языковые и синтаксические средства, используемые для описания турниров и встреч по отдельным летним видам спорта с целью эмоционального воздействия на читательскую аудиторию.

Цель исследования – определить, являются ли спортивные тексты финского новостного канала ЮЛЕ инструментом несилового воздействия на общественно-политическую жизнь в современной Финляндии. Для достижения поставленной цели предстояло решить следующие задачи: выявить особенности лексико-семантических отношений единиц поля «Спорт»; дать стилистическую характеристику спортивной лексики; выявить формы выражения эмоционального отношения к описываемым атлетическим событиям.

В качестве материала исследования были взяты 25 текстов, каждый в среднем по пятнадцать тысяч печатных знаков. Анализируемые тексты могут быть причислены к спортивным обзорам и комментариям. Они касаются летних видов спорта, а именно фехтования, футбола и легкой атлетики.

Использовались описательный метод, метод семантического поля и контекстологический анализ. Они позволили выделить характеристики исследуемого объекта, зафиксировать общие и отличительные признаки во взаимосвязанных компонентах.

Актуальность исследования обусловлена обширностью подязыка спорта в современной коммуникации. Язык спорта рассматривается как «вариант общенационального языка» [8: 145]. Он функционирует в рамках спортивного дискурса и интенсивно развивается. Границы употребления спортивной лексики постоянно расширяются. Она используется преимущественно в публицистике, особенно широко внедряется в политический дискурс.

ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В настоящее время язык спорта определяется как отдельная часть языковой системы. Лингвисты отмечают, что лексические единицы, описывающие различные виды человеческой деятельности, в спортивном дискурсе получают новые значения [4], [7]. Это явление носит двусторонний характер, то есть спортивная терминология

широко используется в иных контекстах (политическом, социальном, экономическом, военно-промышленном, культурологическом, повседневном) [6], [17: 53].

Появляется немало исследований, посвященных изучению фразеологии спорта [3], [9], [10], [13], [15]. К ней относят такие единицы перифрастического характера, как «король спорта» (футбол), «королева спорта» (легкая атлетика), «ведро без дна» (баскетбольная корзина), «скрестить шпаги» (встретиться в спортивном поединке), «сохранить прописку» (сохранить место среди участников турнира) [9: 32]. Исследование спортивных фразеологизмов на материале русского языка продемонстрировало обогащение ими других, в частности повседневного, дискурсов: например, «играть в одни ворота», «нарушать спортивный режим» (злоупотреблять алкоголем), «взять тайм-аут» [9: 36–37].

Исследователи спортивного дискурса как вида коммуникации между тренерами и спортсменами в рамках спортивной деятельности отмечают его синкретичный характер. Они указывают на пересечение спортивного дискурса с научным, педагогическим, деловым, юридическим, политическим, военным, театральным-сценическим институциональными дискурсами [1: 118], [5: 48]. В современных условиях наблюдается также сращивание массмедийного и спортивного дискурсов, в ходе которого

«между аудиторией и конкретным видом спорта в лице спортсменов и тренеров возникает медиатор, осуществляющий в той или иной форме коммуникативный акт по поводу спортивной деятельности» [12: 139].

Характеризуя специфику жанровой системы спортивного дискурса, лингвисты выделяют два основных жанра – спортивный репортаж и спортивный комментарий, которые отличаются живым разговорным языком с активным использованием фразеологических единиц и оценочных средств [2]. Исследователи отмечают, что для усиления эмоционального воздействия на аудиторию используются такие стилистические средства, как риторический вопрос, художественное сравнение, контрастирование информации, инвертированность речевых структур, гипербола, олицетворение, повтор, метафора, метонимия [2: 48]. «Посредством содержательно-подтекстовой информации достигается эффект убеждения» [2: 54].

На материале финского языка спортивному дискурсу посвящены работы, изучающие в сравнительном аспекте метафорические модели, например, в области комментариев футбольных матчей [17]. Автор публикации Э. Су-

окас приходит к выводу, что различие между финскими и русскими спортивными метафорами заключается в использовании определенных метафорических моделей. В комментариях на русском языке чаще встречаются метафоры, заимствованные из других видов атлетических состязаний. В финских метафорах преобладают модели из ЛФП бизнеса и религии. Э. Суокас приходит к выводу, что яркая метафора делает трансляцию запоминающейся [17: 70–71]. Н. Туоккола изучила дискурсивные возможности киберспорта и медиапрезентации киберспортсменов в финно-шведских новостных статьях за 2018–2020 годы. Эта тема мало исследована и практически не изучалась в финно-шведском контексте. Н. Туоккола пришла к заключению, что новостные сообщения позитивно оценивают киберспорт, отмечая, что в обеих странах он популярен среди молодых мужчин, которые характеризуются как целеустремленные, решительные, настойчивые и трудолюбивые. Умение управлять своей деятельностью эффективно применяется не только в спорте, но и за его пределами [18].

Оценочная лексика побед и поражений финских спортсменов стала предметом исследования М. Мянтуля [16]. Анализируемые ею статьи перенасыщены субъективными оценками, поскольку они относятся к спортивной журналистике, которая не ограничивается анализом атлетических событий, а интерпретирует их с учетом национальных интересов и ожиданий аудитории. Субъективный характер оценок достижений и провалов спортсменов связан с выражением патриотизма и стремлением придать сообщению развлекательный характер [16: 13, 16].

В журналистике большое внимание уделяется созданию новых спортивных героев, которые окружаются ореолом храбрости и мужества. Медали на чемпионатах и соревнованиях не остаются индивидуальными достижениями, а становятся символом успеха всей страны [16: 14]. Победители нарекаются такими определениями, как

sankari ‘герой’, *suosikkipoika* ‘фаворит’, *mitalisti* ‘медалист’, *olympiavoittaja* ‘победитель Олимпиады’, *ykköstorjuja* ‘боец номер один’, *paras* ‘лучший спортсмен’, *päällikkö* ‘шеф’, *maalintekijä* ‘бомбардир’, *superratkaisija* ‘суперлидер’, *kova joukkue* ‘крутая команда’ [16: 50] (здесь и далее перевод наш. – Н. Б.).

В материалах о неудачах прослеживается мотив неоправданных надежд, что проявляется в отрицательных оценках участников состязаний, например:

reservihyökkääjä ‘запасной нападающий’; *perässä-hiihtäjä* ‘лыжник-аутсайдер’, *missä se kulta viipyy?* ‘Ну и где же золото?’¹, *Hiekka tiimalasissa vähenee* (букв. ‘песок в песочных часах уменьшается’) ‘Время уходит’,

kaivata vielä kokemusta ‘пока еще нуждается в опыте’ [16: 49–52],

в фокусировании на провалах вместо того, чтобы обсуждать пути и способы решения проблем, оценивать потенциал будущего.

Другие темы, которые рассматриваются в спортивной журналистике, – травмы и мошенничество [16: 15].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Язык спортивных обозрений, комментариев и публицистики в интернет-текстах по уровню экспрессии и стилю изложения соответствует журналистским текстам, доминирующей чертой которых является стремление воздействовать на сознание слушателей и читателей при освещении событий в спорте. Авторы публикаций создают образы-картинки, основанные на реальных фактах и сюжетах, для стимулирования конкретного и абстрактного воображения [14].

Спортивные мероприятия используются для влияния на восприятие и оценку событий публикой. При их описании журналисты применяют механизмы речевого воздействия. Наиболее эффективным средством в процессе манипулирования сознанием аудитории является лексика. В тексте слово приобретает дополнительные ассоциативные значения (коннотации), которые, как правило, имеют яркую эмоциональную окраску. Семантическая ассоциация позволяет передать оценочные и эмоциональные оттенки высказывания. Кроме того, коннотация выступает отображением культурных традиций общества, например:

kunnigalleria ‘зал славы’, *sukupolvienne urheilun sankareita* ‘кумиры спорта для всех поколений’, *lentävä suomalainen* ‘летающий финн’², *sinivalkoinen ääni* ‘белосиний голос’³.

Подобные выражения позволяют формировать у финнов национальную идентичность и чувство гордости. Выражения в форме превосходной степени сравнения:

kaikkien aikojen menestyksekkäin olympiaurheilija ‘самый успешный олимпийский спортсмен всех времен’, *painimaan kuuluisin painija* ‘самый известный борец’, *suomalaisen urheiluhistorian vaikutusvaltaisim hahmo* ‘самая важная персона в истории финского спорта’ и др.,

присваивание спортсменам высших титулов светской власти:

juoksijoiden kuningas ‘король бегунов’, *keihäänheitto-maailman hallitsija* ‘властелин мира метания копья’ и др.,

чинов для подчеркивания их привилегированного положения в спорте:

Suomen Urheilun isä ‘родоначальник финского спорта’⁴, *Helsingin olympiakisojen isä* ‘отец Олимпийских игр в Хельсинки’⁵, *ammattiurheilijaidoli* ‘идол среди профессиональных спортсменов’⁶ и др.

воздействуют на аудиторию, сразу предлагая высокую оценку обсуждаемых событий и фактов. Выбор слов носит преднамеренный, осознанный характер. Он относится к элементам эмоционально настраивающей тактики и имеет позитивные последствия для адресата сообщения.

Понятие *suomalaisuus* ‘финскость’, которое раньше ассоциировалось с голубоглазыми и светловолосыми жителями страны Суоми, было расширено накануне предстоящего футбольного матча финской сборной с командой одного из самых маленьких в мире государств Сан-Марино. Отныне оно включает людей из разных стран Африки и Азии, живущих и работающих на благо Финляндии, о чем свидетельствовал рекламный видеofilm, сделанный с любовью к северному краю и показанный накануне встречи. Мероприятие вызвало небывалый подъем национального духа. *Ihmisillä tulee vähän fomo (fear of missing out)*⁷. ‘У людей возникает состояние БПИ, то есть боязнь пропустить что-то важное’.

Желание сплотиться вокруг обновленной национальной идеи было сильнее, чем достигнутая победа. Как отмечает журналист, *Huuhkajat kirjoittaa tarinaa suomalaisuudesta*. ‘Сборная Финляндии по футболу пишет историю о финскости’. Традиционные черты патриотизма, приписываемые коренным финнам (упорство, гордость за родину, любовь к суровому краю), распространились на новых жителей современной, многонациональной Финляндии.

Эмоциональная оценка события может быть передана через фразеологические единицы. Особенно ярко это проявляется при комментировании неудач спортсменов. Образное обозначение поражения снижает горечь провала и создает оптимистический настрой на будущее. С надеждой на рекорд комментируется неудача финского спринтера Самули Самуэльссона в статье «Двадцать сотых» (*12 sadasosaa*)⁸:

12 sadasosaa erottaa pikajuoksija Samuli Samuelssonin maagisesta kymmenen sekunnin alituksesta 100 metrillä. Kymmenen sekunnin raja on vain vajaan askeleen päässä. ‘12 сотых отделяют спринтера Самули Самуэльссона от заветного десятисекундного барьера на дистанции 100 метров. Это меньше шага’.

Для читателя расстояние ‘меньше шага’ воспринимается как близкая цель, хотя сам спортсмен остроумно оценивает его с помощью оксюморона *Lyhyt mutta pitkä* (‘Короткий,

но длинный’). Журналист выражает слова поддержки спринтеру, называя его первым финном, который очень скоро преодолет легендарный барьер.

Комментируя проигрыш финской спортсменки на чемпионате Европы по легкой атлетике, журналист использует фразеологизм *jäädä pussiin* (букв. ‘остаться в сумке’) ‘остаться в стороне’. В русском языке ему соответствует фразеологическое сочетание ‘упустить удачу’:

Määttänen oli ensimmäisen kierroksen jälkeen kolmantena ja jäi toisen kierroksen alussa pussiin. Hän onnistui kuitenkin parantamaan asemiaan ja loppusuoralla taisteli tiukasti kolmannelta sijasta. Määttänen kiri neljänneksi. ‘Мяэттянен была третьей после первого круга, в начале второго удача отвернулась от нее. Однако бегунье удалось улучшить свою позицию и на финише упорно бороться за третье место. Мяэттянен финишировала четвертой’⁹.

Горечь поражения смягчается описанием упорства спортсменки в достижении цели.

Поражение финской прыгуньи Й. Кяхяря оценивается журналистом как максимально близкое к результату призера. Оно описывается прилагательным *vaivainen* ‘ничтожный, жалкий’: *Turussa Kristiina Mäkelä löi Kähärän vaivaisella sentillä. ‘В Турку Кристина Мякеля опередила Кяхяря всего-навсего на сантиметр’¹⁰.*

Для спортивных новостей присущ драматизм, который, как правило, получает позитивное развитие:

Yleisurheilun EM-joukkuekisassa naisten seiväshypyn ylivoimaisesti voittaneen Wilma Murron kisa oli hilkulla päättyä jo korkeuteen 450. ‘На командном чемпионате Европы по легкой атлетике у женщин Вильма Мурто одержала уверенную победу в прыжках с шестом, но ее выступление чуть не закончилось на высоте 450’.

Достигнутая победа представлена через этапы ее достижения:

kiperä tilanne ‘сложная ситуация’, *olla hilkulla päättyä* ‘чуть было не закончилась’, *kiistelty sääntö* ‘спорное правило’, *Mutta tänään ei ihan käynyt köpelösti minulle. ‘Но сегодня у меня не все так плохо сложилось’¹¹.*

Какими бы ни были результаты спортсменов Финляндии, информационный материал подается в большинстве случаев в положительной направленности, что является, на наш взгляд, менее ущербным для адресата и создает благоприятную атмосферу общения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Описанные случаи относятся к приемам скрытой языковой манипуляции, позволяющей использовать тексты как несиловое воздействие на сознание финской аудитории. Спорт выступа-

ет инструментом политического влияния на общество на внутригосударственном и международном уровнях.

В текстах публицистического стиля речевое манипулирование реализуется с помощью использования образных выражений, позволяющих сгладить горечь поражения в спортивных баталиях. Скрытое языковое воздействие на сознание и посткоммуникативное поведение реципиента направлено на побуждение к действиям и оценкам (сострадание, ожидание победы в бу-

дущем), прямо противоположным полученному результату (проигрыш). Замаскированное выражение смысла осуществляется посредством использования определенных формулировок, однобокой интерпретации фактов, оценочной лексики, стилистически маркированных слов и метафор. С целью поддержать патриотический настрой общества образ спортсмена-неудачника трактуется как будущего чемпиона или «без пяти минут» победителя, которого от призовой медали отделили секунды или сантиметры.

ПРИМЕЧАНИЕ

- ¹ Это выражение используется, когда команда или спортсмен, с которыми связаны большие ожидания и надежды на успех, не достигают желаемого результата, и отражает разочарование и недовольство неудачей.
- ² Пааво Нурми (Paavo Nurmi, 1897–1973) – девятикратный олимпийский чемпион, финский бегун на средние и длинные дистанции.
- ³ Пекка Тийликайнен (Pekka Tiilikainen, 1911–1976) – пловец, спортивный комментатор Финского радио- и телевидения (Yleisradio).
- ⁴ Ивар Эдвард Вильскман (Ivar Edvard Wilskman, 1854–1932) – финский антрополог, спортивный педагог, профессор, гимнаст.
- ⁵ Эрик фон Френкелль (Erik von Frenckell, 1887–1977) – спортивный деятель и член Олимпийского комитета.
- ⁶ Бернхард Берлунд (Gunnar Bärlund, 1883–1948) – финский боксер-тяжеловес.
- ⁷ Kaikki haluavat nyt mukaan suomalaisia villitsevään ilmiöön – ihmiset innostuivat Huuhkajista täysin uudella tavalla [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://yle.fi/a/74-20037415> (дата обращения 21.06.2023).
- ⁸ Samuli Samuelsson on vain yhden askeleen päässä maagisesta haamurajasta: “Sillä saisi huomiota muuallakin kuin Suomessa” [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://yle.fi/a/74-20037150> (дата обращения 21.06.2023).
- ⁹ Määttänen kiri neljänneksi 800 metrillä [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://yle.fi/a/74-20038235> (дата обращения 21.06.2023).
- ¹⁰ Jessica Kähärä virittelee yleisurheilukesän kovinta suomalaispaukkua [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://yle.fi/a/74-20038040> (дата обращения 21.06.2023).
- ¹¹ Kiperästä tilanteesta voittoon noussut Wilma Murto otti kantaa kiisteltyyn sääntöön: “Hurrääjät eivät ole kovin tyytyväisiä” [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://yle.fi/a/74-20038274> (дата обращения 21.06.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аветян А. А. К вопросу о типологии дискурса: особенности спортивного дискурса // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2018. № 8. С. 116–119 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-tipologii-diskursa-osobennosti-sportivnogo-diskursa> (дата обращения 21.06.2023).
2. Алексеев Е. Г., Анашкина И. А. Жанровая стилистика звучащего дискурса спортивного репортажа // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2018. № 2. С. 41–56.
3. Бояркина В. Д. Неологизмы спорта и их отражение словарями русского языка // Slavia. Časopis pro slovanskou filologii. Roč. 67, sešit 3. Praha, 1998. С. 329–332.
4. Долженко Н. Г., Сулхаева А. А. Спортивный дискурс в СМИ: особенности семантики и функционирования (на материале терминологии биатлона) // Russian Linguistic Bulletin. 2021. № 2 (26). С. 59–63 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tulb.org/archive/2-26-2021-june/sportivnyi-diskurs-v-smi-osobennosti-semantiki-i-funktsionirovaniia-na-materiale-terminologii-biatlona> (дата обращения 21.06.2023).
5. Зильберт Б. А. Спортивный дискурс: базовые понятия и категории; исследовательские задачи // Язык, сознание, коммуникация. 2001. № 17. С. 45–55.
6. Зиянгиров Э. К. Семантические и функционально-стилистические параметры спортивного дискурса: Дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2017. 199 с.
7. Калининченко М. О. Языковые шаблоны в спортивном комментировании // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 1. С. 44–56.
8. Савченко А. В. К вопросу о «языке спорта» как особом типе подязыка в современной коммуникации // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года). Т. 2. СПб.: МАПРЯЛ, 2015. С. 145–150.
9. Савченко А. В. «Спортивная фразеология» современного русского языка: общая характеристика и основные особенности // Мир русского слова. 2015. № 4. С. 31–37 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sportivnaya-frazeologiya-sovremennogo-russkogo-yazyka-obschaya-harakteristika-i-osnovnye-osobennosti> (дата обращения 21.06.2023).

10. Старко В. Ф. Фразеологизмы игрового происхождения в английском языке (когнитивный аспект) // *Slowo. Tekst. Czas – VI. Nowa frazeologia w nowej Europie: Materiały VI Międzynarodowej Konferencji Naukowej* (Szczecin, 6–7 września 2001 r., Greifswald, 8–9 września 2001 r.). Szczecin; Greifswald, 2002. S. 435–439.
11. Федорова М. Ю. Взаимодействие спорта и политики: история и современность // *Социодинамика*. 2019. № 5. С. 59–67. DOI: 10.25136/2409–7144.2019.5.29780 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29780 (дата обращения 21.06.2023).
12. Филимонова Е. П. Спортивный дискурс в координатах институционального дискурсивного пространства // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение*. 2016. № 4. С. 136–140 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sportivnyu-diskurs-v-koordinatah-institutsionalnogo-diskursivnogo-prostranstva> (дата обращения 21.06.2023).
13. Финк Ж. Спорт и детские игры как источник фразеологизмов хорватского языка (в сопоставлении с русским) // II Славистические чтения памяти проф. П. А. Дмитриева и проф. Г. И. Сафронова: Материалы междунар. науч. конф. 12–14 сент. 2000 г. СПб., 2001. С. 92–93.
14. Фрончек М. К. Спортивная лексика и язык спорта как часть интернет-пространства // *Филология и лингвистика*. 2018. № 1 (7). С. 31–36 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://moluch.ru/th/6/archive/75/3052/> (дата обращения 20.06.2023).
15. Хлеба В. Фразеология спортивного происхождения в сегодняшнем польском публичном дискурсе // *Frazeologické Štúdie IV*. Bratislava, 2005. С. 87–93.
16. Mäntylä M. Yllättäjät ja epäonnistujat urheilujournalismissa. Suomalaisurheilijoiden arvottaminen lehdistössä. Viestintätieteiden pro gradu -tutkielma. Vaasa, 2013. 92 s. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://osuva.uwasa.fi/bitstream/handle/10024/3419/osuva_5410.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения 21.06.2023).
17. Suokas E. Urheilumetaforat suomalaisessa ja venäläisessä jalkapallokurssissa / University of Tampere, Kieli-, käänös- ja kirjallisuustieteiden yksikkö – School of Language, Translation and Literary Studies, 2012. 71 s. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://urn.fi/urn:nbn:fi:uta-1-23320> (дата обращения 21.06.2023).
18. Tuokkola N. Representationer av e-sport och e-sportare i finlandssvenska nyhetsartiklar: Kandidaatintutkielma. Jyväskylän yliopisto, 2020. 47 s. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://jyx.jyu.fi/bitstream/handle/123456789/72921/URN%3aNBN%3af%3ajyu-202012026882.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения 21.06.2023).

Поступила в редакцию 09.01.2024; принята к публикации 24.06.2024

Original article

Nadezhda S. Bratchikova, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Professor, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation)
n.bratchikova@mail.ru

LANGUAGE OF SPORTS NEWS (based on the Finnish language)

Abstract. The article examines Finnish-language sports news, conducts a linguistic analysis of the relevant texts, and analyzes the features of sports discourse and techniques of speech influence on the audience. The object of this study is sports messages presented on the Finnish website YLE, while the subject of the study is the linguistic and syntactic means used to describe tournaments and events in certain sports in order to emotionally influence the readers. The purpose of the study is to determine whether the sports texts of the Finnish YLE news channel are a tool of non-forceful influence on the socio-political life in modern Finland. The study used the descriptive method, the semantic field method, and contextual analysis, which made it possible to identify the features of the study object, reveal common and distinctive features in interrelated components, and characterize the factors that caused their appearance. The research hypothesis was that sports-themed texts implement the function of speech influence on the audience. Speech manipulation is realized through the use of figurative expressions, phraseological units through which even a sporting failure can be presented as a step to victory. Hidden linguistic impact is based on the infusion of new meanings and connotations into the lexeme, which change the associative range of the word. Such methods of presenting information are used to inspire national pride and strengthen the prestige of the Finnish nation. They create powerful emotional background, enhance feelings for “our” athletes, and actualize the image of “us”, forming an obvious identification with the national community. Sports news is characterized by elements of intrigue and drama, which usually develop in a positive direction. Thus, sport acts as an instrument of political influence on society at the domestic and international levels.

Key words: sports discourse, speech effects, metaphor, phraseological unit, Finnish language

For citation: Bratchikova, N. S. Language of sports news (based on the Finnish language). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(6):36–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1073

REFERENCES

1. Avetyan, A. A. To the problem of discourse classification: characteristics of sports discourse. *Bulletin of Pskov State University. Series: Social Sciences and Humanities*. 2018;8:116–119. (In Russ.)
2. Alekseev, E. G., Anashkina, I. A. Genre stylistics of an oral discourse of a commented sports event. *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*. 2018;2:41–56. (In Russ.)
3. Boyarkina, V. D. Sports neologisms and their reflection in the dictionaries of the Russian language. *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii*. Roč. 67, sešit 3. Praha, 1998. S. 329–332. (In Russ.)
4. Dolzhenko, N. G., Sulhaeva, A. A. Sports discourse in media: aspects of semantics and functioning (based on biathlon terminology). *Russian Linguistic Bulletin*. 2021;2(26):59–63. (In Russ.)
5. Zilbert, B. A. Sports discourse: basic concepts and categories; research tasks. *Language, Consciousness, Communication*. 2001;17:45–55. (In Russ.)
6. Ziyangirov, E. K. Semantic and functional-stylistic parameters of sports discourse: Diss. Cand. Sc. (Philology). Ufa, 2017. 199 p. (In Russ.)
7. Kalinichenko, M. O. Linguistic routines in sports commentary. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogy*. 2022;12(1):44–56. (In Russ.)
8. Savchenko, A. V. The “language of sports” as a special type of sublanguage in modern communication. *Russian language and literature in the space of world culture: Proceedings of the XIII MAPRYAL Congress (Granada, Spain, 13–20 September 2015)*. Vol. 2. St. Petersburg, 2015. P. 145–150. (In Russ.)
9. Savchenko, A. V. Sports phraseology in modern Russian: general characteristics and main features. *The World of Russian Word*. 2015;4:31–37. (In Russ.)
10. Starko, V. F. Phraseological units of game origin in the English language (cognitive aspect). *Słowo. Tekst. Czas – VI. Nowa frazeologia w nowej Europie. Materiały VI Międzynarodowej Konferencji Naukowej (Szczecin, 6–7 września 2001 r., Greifswald, 8–9 września 2001 r.)*. Szczecin; Greifswald, 2002. S. 435–439. (In Russ.)
11. Fedorovskaya, M. Yu. The interaction of sports and politics: history and modernity. *Sociodynamics*. 2019;5:59–67. DOI: 10.25136/2409–7144.2019.5.29780. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29780 (accessed 21.06.2023). (In Russ.)
12. Filimonova, E. P. Sports discourse in coordinates of institutional discursive space. *The Bulletin of the Adyge State University. Series 2: Philology and the Arts*. 2016;4:136–140. (In Russ.)
13. Finck, Zh. Sports and children’s games as a source of phraseological units of the Croatian language (in comparison with the Russian language). *The II Slavic Readings in memory of Prof. P. A. Dmitriev and Prof. G. I. Safronov: Proceedings of the international research conference, 12–14 September 2000*. St. Petersburg, 2001. P. 92–93. (In Russ.)
14. Fronchek, M. K. Sports vocabulary and the language of sports as part of the Internet space. *Philology and Linguistics*. 2018;1(7):31–36. Available at: <https://moluch.ru/th/6/archive/75/3052/> (accessed 20.06.2023). (In Russ.)
15. Hebda, V. Phraseology of sports origin in today’s Polish public discourse. *Frazeologické Štúdie IV*. Bratislava, 2005. P. 87–93. (In Russ.)
16. Mäntylä, M. Yllättäjät ja epäonnistujat urheilujournalismissa. Suomalaisurheilijoiden arvottaminen lehdistössä. Viestintätieteiden pro gradu -tutkielma. Vaasa, 2013. 92 s. Available at: https://osuva.uwasa.fi/bitstream/handle/10024/3419/osuva_5410.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed 21.06.2023).
17. Suokas, E. Urheilumetaforat suomalaisessa ja venäläisessä jalkapallodiskurssissa / University of Tampere, Kieli-, käännös- ja kirjallisuustieteiden yksikkö – School of Language, Translation and Literary Studies, 2012. 71 s. Available at: <https://urn.fi/urn:nbn:fi:uta-1-23320> (accessed 21.06.2023).
18. Tuokkola, N. Representationer av e-sport och e-sportare i finlandssvenska nyhetsartiklar: Kandidaattututkielma. Jyväskylän yliopisto, 2020. 47 s. Available at: <https://jyx.jyu.fi/bitstream/handle/123456789/72921/URN%3aNB%3af%3ajyu-202012026882.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed 21.06.2023).

Received: 9 January 2024; accepted: 24 June 2024

ЕКАТЕРИНА ПЕТРОВНА ГАВРА

аспирант кафедры русской филологии и славяноведения
Афинский национальный университет им. И. Каподистрии
(Афины, Греция)
katyagavra@yahoo.com

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ В РУССКОЙ И ГРЕЧЕСКОЙ ВЕРСИЯХ СЕРИАЛА «THE NANNY»

Аннотация. Прецедентные тексты считаются одним из сложнейших лингвистических явлений как для усвоения в иностранном языке, так и для перевода на другой язык из-за их метафорической природы, социальнокультурной значимости, а также прагматических особенностей. Трудности возрастают, когда эти тексты создаются в мультимодальной среде, особенно если их смысл зависит от визуальных компонентов для правильной интерпретации. В исследовании проводится сравнение прецедентных текстов в первых четырех сериях телесериала «The Nanny» в русской («Моя прекрасная няня», 2004–2006) и греческой («Νταντά», 2003–2005) версиях. Результаты показали, что в той и другой версиях в основном используются прецедентные имена, цитаты и фразеологизмы, способствующие созданию юмористического эффекта. Исследование дает представление о современном русском и греческом языках, улучшает понимание способов выражения юмора в современном телесериале, демонстрирует функцию интертекстуальности в разговорной речи на материале диалогов сериала, адаптированного к культурным потребностям иностранной аудитории.

Ключевые слова: русский язык, новогреческий язык, юмор, фразеологизм, сериал, прецедентные тексты, интертекстуальность

Для цитирования: Гавра Е. П. Интертекстуальность и прецедентные тексты в русской и греческой версиях сериала «The Nanny» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 6. С. 43–48. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1074

ВВЕДЕНИЕ

В результате глобализации в последние десятилетия наблюдается массовое появление на экранах разных стран ремейков американских телесериалов, «переписываемых» опытными сценаристами с целью сделать их доступными для целевой языковой и культурной аудитории. Большинство телевизионных ремейков, приобретших огромную популярность в разных культурных контекстах, основано на юморе. Юмор существует во всех человеческих культурах [11: 120], являясь общечеловеческим и в то же время глубоко национальным. Люди, принадлежащие к разным культурам, могут по-разному воспринимать юмор. Очевидно, что социально-культурные факторы влияют на то, как используется юмор и какие ситуации считаются уместными для смеха [12: 7].

Юмор создается при помощи ассоциаций. В основе юмористических сцен просматриваются ассоциации с известными, иногда классическими высказываниями или современными реалиями, что свидетельствует о том, что юмор

не может быть понят «чужими», не знающими национальную культуру и традиции¹. Юмор, зависящий от фоновых знаний, включает в себя прежде всего реалии – «понятия, относящиеся к жизни, быту, традициям, истории, материальной и духовной культуре данного народа» [4: 71], а также аллюзии и цитаты, то есть отсылки к другим текстам. Иначе говоря, «текст представляет собой феномен культуры, обладающий многомерными связями с другими явлениями культуры и, прежде всего, с другими текстами» [3: 238]. Согласно Р. Барту,

«Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т. д. – все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык» [2: 328].

Связи, возникающие между текстами, называются интертекстуальностью. С другой стороны, прецедентность определяется как «стереотипный образно-ассоциативный комплекс, значимый для определенного социума и регулярно

актуализирующийся в речи представителей этого социума» [6: 60]. В своей простейшей версии прецедентность создает ассоциации к повседневной, политической, культурной или социальной жизни получателя. Человек воспринимает все эти ситуации как правдивые, потому что он одновременно воссоздает в своем сознании ситуации, непосредственно касающиеся его как неотъемлемой части данного общества и мира в целом. Эти ситуации передают совокупность знаний и представлений, которыми владеют все представители определенного лингвокультурного сообщества [9: 360]. Иначе говоря, создается общий код общения, состоящий из «скрытых» сообщений. Эти сообщения могут успешно расшифровать только люди, погруженные в мир и культуру целевого языка. Таким образом создатели сценария достигают прагматического эффекта текста. Понимание, успешный перевод или адаптация интотекстуальных элементов, связанных исключительно с социокультурным контекстом целевой аудитории, требуют углубленного изучения и тщательного исследования культуры, истории и современного состояния целевого общества. Уровень знаний прецедентной базы языка свидетельствует о том, насколько хорошо человек владеет этим языком [7].

Прецедентность в тексте достигается при помощи отсылок к реальным ситуациям или предметам, личностям или событиям. Целью является быстрое узнавание и осознание этих «сигналов», поэтому прецедентные феномены используются для выражения стандартных смыслов, которые считаются известными всем носителям языка. Эти феномены бывают вербальными и невербальными – визуальными, последние выражаются в мультимедийном тексте при помощи, в частности, разных видов искусства (музыка, живопись, скульптура) и способов их выражения (звук, изображение). Обычно выделяют следующие категории прецедентных феноменов: прецедентные тексты, прецедентные ситуации, прецедентные имена, прецедентные высказывания [1: 63]. Кроме того, прецедентные феномены можно разделить на: 1) автопрецедентные; 2) социумно-прецедентные; 3) национально-прецедентные; 4) универсально-прецедентные [1: 63].

Автопрецедентные феномены порождают ассоциативные ряды, эмоции и взгляды сугубо личного характера и обусловлены в первую очередь опытом, воспоминаниями, событиями и знаниями, которые можно квалифицировать как уникальный, индивидуальный практический и эмоциональный «багаж». Вероятность вариации ассоциативного значения, генерируемого

этим типом прецедента, является очень высокой из-за различного опыта, которым обладают люди [12: 65–66].

Социумно-прецедентные феномены – это референты, которые в большей или меньшей степени известны представителям общества и входят в так называемое коллективное когнитивное пространство. Такое пространство может быть ограничено, например, религиозными, профессиональными, бытовыми и другими социальными «границами» [1: 66].

Национально-прецедентные явления известны всем представителям национально-лингвокультурного сообщества. Они расширяют масштабы возникающих ассоциативных представлений тем более, что они включаются в когнитивную базу всего лингвокультурного сообщества. В этом случае вероятность варьирования ассоциативного значения значительно снижается, так как такие прецеденты знакомы более широким группам людей [1: 67].

Наконец, универсально-прецедентные феномены известны любому современному человеку и входят в родовое когнитивное пространство человечества. Иными словами, эти прецедентные явления можно охарактеризовать как наиболее узнаваемые [5: 73–74].

Материалом исследования стали первые четыре серии американского сериала «The Nanny», а также их греческие и русские версии-ремейки. Американский телесериал, имевший большой успех в США, был адаптирован и повторно показан более чем в десяти странах мира. В данном сериале каждый из персонажей обладает яркой индивидуальностью. Главные герои – няня, богатый продюсер и отец семьи, его бизнес-партнер, трое детей (две дочери и сын) и дворецкий. Телесериал «The Nanny» известен своими остроумными диалогами, тонким юмором, социально-культурными отсылками и яркими характерами персонажей.

В первых четырех сериях зрители знакомятся с персонажами, их характером и речевыми особенностями. Несмотря на различия между оригинальным американским сериалом, греческим и русским ремейками, первые четыре серии имеют общую тему, а диалоги на трех языках похожи, что облегчает исследователю понимание того, каким образом та или иная версия адаптируется к потребностям зарубежной аудитории.

Цель данной статьи заключается в рассмотрении сходств и различий между адаптированными текстами-диалогами греческой и русской версий телесериала «The Nanny» в отношении прецедентных текстов и явлений и их необходи-

мости для создания юмористического эффекта. Научная новизна работы заключается в выделении маркеров смехового отношения в дискурсе; установлении сигналов включения прецедентных текстов в дискурс; выявлении корпуса прецедентных текстов, характерного для современного русского и греческого юмористического дискурса.

Результаты исследования могут быть использованы в изучении особенностей понимания юмористического дискурса в условиях межкультурной коммуникации; в исследованиях концептов прецедентных текстов и прецедентных феноменов. Они позволяют по-иному подойти к изучению русской и греческой культуры, дают основания для более адекватного понимания русского и греческого юмористического дискурса.

В рамках работы был проведен сравнительный анализ греческой и русской версий телесериала на лексико-прагматическом уровне. С данной целью были выявлены, проанализированы и классифицированы прецедентные тексты и явления в диалогах. По результатам исследования полученные данные были разделены на следующие категории: 1) цитаты; 2) имена собственные; 3) фразеологизмы; 4) прецедентные ситуации / аллюзии [10: 20]. В настоящем исследовании мы сосредоточим внимание на цитатах, прецедентных именах и ситуациях, оставив за рамками работы фразеологизмы, требующие отдельного исследования.

ЦИТАТЫ

В обоих ремейках персонажи активно используют цитаты из фильмов, песен или высказывания известных людей. Цитата – «дословная выдержка из какого-л. текста»². Цитирование используется для фиксирования наиболее интересных, созвучных настроению зрителя мыслей, а также формирования дополнительных смыслов за счет текста-источника. Цитирование является эффективным способом опосредованной передачи сообщений адресату, создавая параллельно юмористическую атмосферу и ассоциации к социальным, культурным или национальным данным целевой аудитории.

В диалогах русской и греческой версий отмечается употребление разных цитат из кодовых текстов соответствующей культуры. Хотя цитаты в обеих версиях разнятся, стоит отметить, что в греческой версии преобладает употребление строчек из популярных песен, а в русских диалогах актеры часто используют популярные латинские цитаты на русском языке либо дословно переведенные, либо преобразованные. К при-

меру, в третьей серии младшая дочь произносит перевод латинского афоризма «*Больше живешь, больше увидишь*» (лат. *Qui vivra verra*), намекая на старшую сестру, которая не может с легкостью общаться с одноклассниками. Пример преобразованной цитаты встречается во второй серии, где лучшая подруга няни собирается прийти к ней в гости на новую виллу в центре Москвы. В самой первой сцене няня говорит, что ей бы хотелось, «*чтобы она пришла, увидела и застрелилась*», преобразуя лаконичный латинский афоризм Юлия Цезаря *Veni, vidi, vici* (= *Пришел, увидел, победил*). В греческой версии сериала тот же смысл передается без интертекстовых отсылок фразой: «*θα ήθελα να πάθει ένα σοκ*» (= *Я хотела бы, чтобы она была шокирована*).

Во второй серии греческого ремейка дворецкий Дионисис произносит популярную фразу из объявления греческого телевидения перед показом фильмов или передач с неуместными для детей сценами: «*Το πρόγραμμα που ακολουθεί είναι ακατάλληλο. Απαραίτητη η γονική συναίνεση*» (= *Следующая программа не подходит [для детей]. Требуется согласие родителей*). Юмористический эффект усиливается совпадением голосов актера, говорящего эту реплику в сериале, и диктора, зачитывающего данное объявление. Таким образом, эту фразу можно отнести как к вербальным, так и невербальным прецедентным феноменам, так как зритель может сразу узнать голос диктора³. С другой стороны, в русской и даже английской серии в этой же сцене не существует подобных реплик.

Еще в одном эпизоде русской версии есть ссылка на песню из телепрограммы «Спокойной ночи, малыши». В первой серии Виктория, пытаясь убедить продюсера и его сына в своих способностях, напевает ему строчку из колыбельной песни «Спят усталые игрушки»: «*Ой ты, зайка моя, да как же я не подхожу тебе, еще не спела. Глазки закрывай, баю, баю, бай!*»

В русском ремейке в первой серии дворецкий Константин произносит строчку из песни Михаила Звездинского «*И девочек наших ведут в кабинет*». В этой сцене продюсер Максим Шаталин уходит в кабинет, чтобы поговорить наедине с бизнес-партнером. Произнося эту цитату, Константин намекает на любовные отношения партнеров. В греческом ремейке сходный намек выражен с более явным сексуальным подтекстом, основанным на игре слов и фразеологизме. Греческий продюсер Арис Бакопулос говорит «*Άσε θα την πάρω από πάνω*» (= *Я возьму ее сверху (то есть Я позвоню ей с верхнего этажа)*), и Дио-

нисис отвечает на эту реплику *«Χαρά που θα κάνει! Τρελαίνετε να την παίρνουν από πάνω»* (= *Вот она порадуется! Она сходит с ума [от счастья], когда ее берут сверху*). Игра слов в данном случае основана на разных значениях глагола *παίρω*, обозначающего как телефонный звонок, так и сексуальный акт.

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ

В русской и греческой версиях американского телесериала персонажи ссылаются на известных представителей всех сфер человеческой деятельности: политики, культурной и общественной жизни, а также на знаковые фигуры мировой истории и культуры. Кроме того, в диалогах указываются названия московских или афинских улиц и районов, как правило, в качестве показателя социального статуса. Не обладая определенной информацией, касающейся упоминающихся в диалогах топонимов, зрителю трудно расшифровать социальный подтекст их употребления. Так, во второй серии русского ремейка подруга няни употребляет топоним *Бирюлёво* – район в Москве, расположенный в Южном административном округе – как показатель своего низкого социального статуса в противоположность новой роскошной жизни Вики. В греческой версии в соответствующем контексте упоминается улица *Ленорман* (*Λένορμαν*) – одна из самых длинных афинских улиц. Контрастный образ высокого социального статуса создается тоже при помощи использования имен собственных: популярной и богатой русской певицы *Аллы Пугачевой* в русской версии и греческого предпринимателя *Янны Аггелопулу* в греческой:

ГВ: «ΓΩΓΩ: Δεν μπορώ να καταλάβω γιατί εγώ μένω ακόμα στο δυάρι στην Λένορμαν, ενώ εσύ ζεις σαν την Γιάννα Αγγελοπούλου».

РВ: «ВЕРА: Повезло же тебе, Викуш, я-то все в своем Бирюлёво застряла, а ты вон как Пугачева живешь».

Интересно, что создатели русской версии более активно, в сравнении с греческой, включают в нее универсально-прецедентные имена собственные, тогда как большинство собственных имен греческой версии относится к национальному культурному контексту. Так, в качестве культурного символа девочек-подростков в русской версии употреблено имя знаменитого итальянского певца и киноактера *Адриано Челентано*, а в греческой – популярного греческого актера *Алексиса Георгулиса* (*Αλέξης Γεωργούλης*):

ГТ: «ΜΑΙΡΗ: Θα πιάσετε κουβέντα για ένα από τα τρία πιο δημοφιλή κοριτσίστικα θέματα: αγόρια, ρούχα, Αλέξης».

РТ: «ВИКТОРИЯ: Есть три верные темы: мальчики, тряпки и Челентано».

Имена собственные активно используются и в речевых характеристиках героев, прежде всего с целью указания на их социальный статус и происхождение. Обратим внимание в этой связи на активное употребление иеронимов, имен собственных, входящих в религиозную сферу, в качестве речевой характеристики простых малообразованных людей в греческой версии. Так, в четвертой серии мать няни сетует на худобу дочери, сравнивая ее с православным святым *Онуфрием*: *«Φάε και αυτό να καρδαμώσεις που είσαι σαν το όσιο Ονούφριο»* (= *Съешь и это, чтобы поправиться, а то ты, как преподобный Онуфрий*). Отметим, что отсылки к христианским прецедентным текстам и именам отсутствуют в русской версии сериала. Напротив, в русском тексте упоминаются имена известных персонажей русских сказок и былин. В частности, во вторую серию добавляется новая сцена, в которой дети ссорятся перед няней и ее подругой. В этой сцене они подражают бою *Ивана-царевича* против двуглавого *Змея Горыныча*. Сын продюсера *Денис* говорит: *«Двуглавый Змей Горыныч! Я Иван-царевич, вызываю тебя на бой»*. А его младшая сестра ему отвечает: *«Ты не Иван-царевич. Ты Иван-дурак»*. Юмористическая реплика строится в данном случае на сопоставлении двух одноименных персонажей русского фольклора: *Ивана-царевича* и *Ивана-дурака*. Упоминается в репликах героев и *Баба-Яга* как «эталон» некрасивой злой женщины: *«Если б его одна Баба-Яга не окрутила»*, *«Это будет не родинка, а бородавка, и похожа на Бабу-Ягу»*. В сходной функции в греческом тексте возникает прецедентное имя *Медее*, отсылающее зрителей к древнегреческой мифологии. Сопоставляя *Смарагду* с *Медеей*, греческий дворецкий *Дионисис* намекает на ее неприязнь к детям: *«Θυμήθηκα, ότι και Μήδεια ήταν γυναικα»* (= *Вспомнил, что Медеей тоже была женщиной*).

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ СИТУАЦИИ

В телесериале показаны сцены из бытовой жизни обычных людей всех социальных классов. В большинстве сцен мы видим моменты повседневной жизни работающего отца и его деловых встреч, отношений между детьми и няней, между дворецким и бизнес-партнером. Благодаря тому, что оба ремейка были созданы на основе сценария одного американского телесериала *«The Nanny»*, есть множество сходств в главной концепции большинства серий. В четырех сериях, составляющих материал данного исследования, есть сцены, отсылающие к прецедентным ситуациям. Рассмотрим один харак-

терный пример из четвертой серии, где няня присутствует на свадьбе вместе с родственниками и близкими людьми. В обеих ремейках вся семья и молодожены собираются в ресторане на свадебный ужин. Однако сам свадебный ужин в этих версиях различен и соответствует традициям и обычаям целевой аудитории, вызывая в сознании зрителей отождествление с конкретным событием из их собственного культурного опыта. Так, в русской версии гости кричат «Горько! Горько!», призывая пару целоваться.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги данного исследования, отметим, что несмотря на то, что существует значительная разница в тексте диалогов между двумя ремейками американского телесериала «The Nanny», их сопоставительный анализ выявил сходное функционирование интертекстуальных связей и прецедентных феноменов в создании юмористического эффекта и в национально-культурной адаптации сериала в ходе создания каждой версии. В обеих версиях присутствуют все виды прецедентных феноменов: цитаты, названия и имена, фразеологизмы и аллюзии. Создатели сценариев обратили особое внимание на прецедентные феномены как репрезентанты культуроспецифических характеристик и оценили их роль в реализации межкультурного общения. Именно процесс национальной адаптации, то есть создания ремейка, в отличие от перевода, подразумевает замену не только национально-прецедентных, но и части универсально-пре-

цедентных элементов на элементы, актуальные в целевой культурной и языковой аудитории. Особая роль интертекстуальности в русской версии заявлена в самом ее названии «Моя прекрасная няня» с очевидной аллюзией на мюзикл Фредерика Лоу «Моя прекрасная леди». В целом прецедентные феномены, составляющие важную часть текста, требуют глубокого знания целевой аудитории и сохранения постоянного контакта с ней.

Выбор разных типов прецедентных феноменов направлен, с одной стороны, на создание юмористического эффекта, а с другой – на формирование и сохранение национальной и социальной идентичности в сознании телезрителя. В целом национально-прецедентные феномены преобладают в сравнении с универсально-прецедентными. В русских диалогах были отмечены 18 цитат и 34 имени собственных, касающихся национально-прецедентных феноменов, и только три цитаты и 18 имен собственных из универсально-прецедентных. В греческих диалогах зафиксировано четыре цитаты и 63 имени собственных из национально-прецедентного кода и только 22 имени собственных из универсально-прецедентного. Цитат из универсально-прецедентного кода не было отмечено. Несмотря на то что степень ассоциативности универсально-прецедентных феноменов больше, чем у других видов прецедентных феноменов, создатели ремейков отдают предпочтение национальному культурному коду, ориентируясь исключительно на телевизионную аудиторию каждой страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Вакурова Н. Все, что вы хотели узнать о юморе, но стеснялись спросить // Московская правда. 07.08.2024 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mospravda.ru/2023/02/03/672498/> (дата обращения 10.04.2023).
- ² Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. С. 1464.
- ³ Евтюгина А. А. Прецедентные тексты в поэзии В. Высоцкого (к проблеме идиостилия): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1995. 20 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Багаева Д. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Красных В. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и коммуникации // Вестник Московского университета. 1997. № 3. С. 62–75.
- Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика: Антология / Сост. Ю. С. Степанов. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 327–371.
- Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров; Примеч. С. С. Аверинцев и С. Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. С. 237–280.
- Бреус Е. В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. М., 1998. 210 с.
- Гришечко О. С., Акопова А. С. Понятие прецедентных феноменов и их роль в формировании социального сознания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12-1. С. 71–74.
- Голубева Н. А. Прецедент и прецедентность в лингвистике // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. № 3 (2). С. 56–61.
- Дружченко Т. П. Прецедентные тексты в межкультурной коммуникации и в учебном процессе // Universum: Психология и образование. 2014. № 3 (4) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/1083> (дата обращения 01.08.2023).
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.

9. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
10. Назарова Р. З., Золотарев М. В. Прецедентные феномены: проблемы дефиниции и классификации прецедентных феноменов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2015. Т. 15, вып. 2. С. 17–21.
11. Fry W. F. The biology of humor // *Humor: International Journal of Humor Research*. 1994. Vol. 7 (2). P. 111–126.
12. Martin R. A., Ford T. The psychology of humor: An integrative approach. Burlington: Elsevier Academic Press, 2007. 433 p.

Поступила в редакцию 11.09.2023; принята к публикации 17.06.2024

Original article

Ekaterina P. Gavra, Postgraduate Student, National and Kapodistrian University of Athens (Athens, Greece)
katyagavra@yahoo.com

INTERTEXTUALITY AND PRECEDENT TEXTS IN RUSSIAN AND GREEK VERSIONS OF *THE NANNY* TV SERIES

Abstract. Precedent texts are considered one of the most difficult linguistic phenomena both for learning in a foreign language and for translating into another language due to their metaphorical nature, social and cultural significance, as well as pragmatic features. Such difficulties increase when these texts are created in a multimodal environment, especially if their meaning depends on visual components for its correct interpretation. The study compares the precedent texts in the first four episodes of *The Nanny* television series in Russian (*My Fair Nanny*, 2004–2006) and Greek (*Νταντά*, 2003–2005) versions. The results showed that the dialogues in both versions of the sitcom mainly use precedent names, quotations, and phraseological units, which contribute to the creation of a humorous effect. The study provides insight into the modern Russian and Greek languages, improves understanding of the ways of expressing humor in a modern television series, and demonstrates the function of intertextuality in colloquial speech based on the dialogues of the series adapted to the cultural needs of a foreign audience.

Key words: Russian language, Modern Greek language, humor, phraseological unit, TV series, precedent texts, intertextuality

For citation: Gavra, E. P. Intertextuality and precedent texts in Russian and Greek versions of *The Nanny* TV series. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(6):43–48. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1074

REFERENCES

1. Bagaeva, D. V., Gudkov, D. B., Zakharenko, I. V., Krasnykh, V. V. Cognitive base and precedent phenomena in the system of other units and communication. *Lomonosov Philology Journal*. 1997;3:62–75. (In Russ.)
2. Barthes, R. Writing degree zero. *Barthes, R. Semiotics: Anthology*. (Yu. S. Stepanov, Comp.). Moscow, 2001. P. 327–371. (In Russ.)
3. Bakhtin, M. M. The problem of speech genres. *Bakhtin, M. M. Aesthetics of verbal creativity*. (S. G. Bocharov, Comp.). Moscow, 1979. P. 237–280. (In Russ.)
4. Breus, E. V. Fundamentals of the theory and practice of translation from Russian into English. Moscow, 1998. 210 p. (In Russ.)
5. Grishchko, O. S., Akopova, A. S. The concept of precedent phenomena and their role in shaping social consciousness. *Philology. Theory & Practice*. 2016;12-1:71–74. (In Russ.)
6. Golubeva, N. A. Precedent and precedence in linguistics. *Bulletin of Vyatka State Humanities University*. 2008;3(2):56–61. (In Russ.)
7. Druzhenko, T. P. Precedent texts in intercultural communication and in the educational process. *Universum: Psychology and Education*. 2014;3(4). Available at: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/1083> (accessed 01.08.2023). (In Russ.)
8. Karaulov, Yu. N. Russian language and linguistic personality. Moscow, 2010. 264 p. (In Russ.)
9. Krasnykh, V. V. Friend to foes: myth or reality? Moscow, 2003. 375 p. (In Russ.)
10. Nazarova, R. Z., Zolotarev, M. V. Precedent phenomena: problems of definition and classification. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*. 2015;15(2):17–21. (In Russ.)
11. Fry, W. F. The biology of humor. *Humor: International Journal of Humor Research*. 1994;7(2):111–126.
12. Martin, R. A., Ford, T. The psychology of humor: An integrative approach. Burlington, 2007. 433 p.

Received: 11 September 2023; accepted: 17 June 2024

ТАТЬЯНА ВАЛЕНТИНОВНА СОРОКИНА

аспирант отделения русской филологии и славяноведения
Афинский национальный университет им. И. Каподистрии
(Афины, Греция)
sortatiana7@gmail.com

СТАТУСНАЯ ДИСТАНЦИЯ В ОТКАЗЕ: ВЕЖЛИВЫЕ ОТКАЗЫ В РУССКОМ И НОВОГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКАХ

А н н о т а ц и я . Исследуется влияние фактора статусной дистанции на выбор стратегий, используемых для выражения речевого акта вежливого отказа на просьбу в русском и новогреческом языках, а также на выявление сходств и различий употребляемых языковых средств двумя группами респондентов – носителями русского и греческого языков. Сбор данных проводился методом анкетирования. Респондентам было предложено выразить вежливый отказ на просьбу в ситуациях общения, отличающихся степенью статусной дистанции. Проанализированы языковые средства, употребляемые носителями как при продуцировании собственного речевого акта отказа на просьбу, так и при оценке предлагаемых вариантов высказываний по степени вежливости и адекватности ситуации. Результаты исследования показывают, что фактор статусной дистанции значительно повышает многословность, уменьшает частотность использования слова-предложения *нет* и побудительного предложения (совета) у обеих групп респондентов, а также увеличивает частотность употребления прямых речевых актов отказа у носителей греческого языка и частотность использования модификатора «извинение» у носителей русского языка. Наблюдаются значительные различия между языковыми средствами, используемыми для выражения отказа на просьбу в русском и греческом языках, в частности существенно более высокая частотность использования русскими респондентами слова-предложения *нет* и модификатора «извинение» в обеих ситуациях общения, прямых речевых актов и побудительных предложений (советов) в ситуации паритетных отношений. С другой стороны, носители греческого языка были более многословными по сравнению с носителями русского языка.

К л ю ч е в ы е с л о в а : русский язык, новогреческий язык, сопоставительная прагматика, отказ, речевой акт, статусная дистанция

Б л а г о д а р н о с т и . Автор выражает искреннюю признательность председателю отделения русского языка, филологии и славистики Афинского национального университета им. И. Каподистрии, своему научному руководителю, доценту Татьяне Станиславовне Борисовой за оказанную помощь при проведении данного исследования, неоценимую поддержку и руководство при написании статьи.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Сорокина Т. В. Статусная дистанция в отказе: вежливые отказы в русском и новогреческом языках // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 6. С. 49–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1075

ВВЕДЕНИЕ

В современном обществе вежливость и умение корректно выразить отказ на просьбу являются важными составляющими межличностных отношений. Понимание того, как правильно и вежливо отказать, может способствовать укреплению дружеских и общественных связей и содействовать успешному общению. Просьбы и отказы являются неотъемлемой частью коммуникативного процесса и могут иметь социокультурные особенности в разных языках и культурах. В статье будет рассмотрено, каким образом отказ на просьбу может быть выражен в русском и новогреческом языках и какие ва-

рианты формулировок считаются вежливыми в каждом из этих языковых сообществ. Проведение исследования позволит более глубоко понять различия и сходства в способах выражения отказа в этих двух языках, а также выявить особенности, связанные с социокультурным контекстом, что будет иметь практическое значение для лингвистов, переводчиков, преподавателей и студентов, изучающих русский язык или греческий язык как иностранный, специалистов по межкультурному общению, а также может способствовать более гармоничному взаимодействию между носителями разных языков и культурных традиций.

Предметом исследования является речевой акт (далее – р. а.) вежливого отказа в просьбе в русском и новогреческом языках в сопоставительном аспекте. Нами были поставлены следующие цели исследования:

1. Выявление воздействия фактора статусной дистанции на выбор языковых средств для выражения вежливого отказа в просьбе между носителями русского и новогреческого языков.

2. Выявление сходств и различий при выборе языковых средств между носителями русского и греческого языков для выражения вежливого отказа в просьбе.

РЕЧЕВОЙ АКТ ОТКАЗА И СТАТУСНАЯ ДИСТАНЦИЯ

Отказ представляет собой р. а., являющийся непредвиденным несогласием на выполнение предписываемого действия, отрицательной ответной репликой на реплику-стимул побуждения (приказ, просьба, предложение, приглашение) [2: 24], он несет в себе потенциальную угрозу лицу просящего, точка зрения и потребности которого как бы не учитываются [8: 66]. В крайнем случае отказ может привести к разрыву отношений между коммуникантами. Если отношения являются значимыми для обоих коммуникантов, отказ должен быть сделан вежливо. Целью вежливого отказа является не только отказать, но и не обидеть собеседника.

На взаимоотношения в обществе воздействуют два фактора. Это горизонтальная дистанция (например, дружеские отношения, отношения между пассажирами в транспорте) и вертикальная дистанция власти, связанная либо с социальным, либо возрастным неравенством (отношения преподавателя и ученика, матери и дочери) [3: 143]. Социальный статус представляет собой место индивида в иерархически организованной структуре. Под статусом подразумевается неисчерпаемый приписываемый человеку ресурс, открывающий для него возможности влиять на общество и получать посредством этого ресурса привилегированные позиции в системе власти и распределения материальных благ [5: 55]. Статусная дистанция определяется как степень, в которой менее влиятельные члены организаций и институтов принимают и одобряют неравномерное распределение власти. Это неравенство определяется снизу, а не сверху. Во всех обществах есть неравенство, но в некоторых оно выражено сильнее [9: 9]. Таким образом, степень статусной дистанции варьирует от общества к обществу. По мнению исследователей, эта дистанция больше в русском обществе, чем в греческом [10: 103].

Статусная дистанция, в свою очередь, влияет на речевое поведение коммуникантов, а именно на выбор языковых средств при выражении отказа. Мы сравнили две ситуации общения. Одна из них касалась дружеских отношений, следовательно, в ней отсутствовала какая-либо статусная дистанция, а в другой рассматривались отношения начальника и подчиненного, и таким образом она характеризовалась существенным различием в статусе коммуникантов.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании принимали участие 140 респондентов: 70 носителей греческого языка (далее – НГ) и 70 носителей русского языка (далее – НР). Респонденты обеих групп являлись студентами или выпускниками вузов, возрастной диапазон – от 19 до 31 года.

Первой группе были предложены анкеты на греческом языке, второй группе – соответствующие анкеты на русском языке. В анкетах были вопросы, нацеленные как на самостоятельное продуцирование р. а. отказа, так и на оценку респондентами предложенных высказываний по степени вежливости и адекватности в двух заданных языковых ситуациях с различной статусной дистанцией. Для продуцирования р. а. были предложены следующие ситуации:

- (С1) – адресант должен был вежливо отказать однокурснице, не успевшей сделать домашнее задание и просящей списать работу (коммуниканты знакомы, паритетные близкие отношения);
- (С2) – адресант должен был вежливо отказать работодателю, просящему его (ее) прийти на работу в воскресенье, чтобы закончить работу (коммуниканты знакомы, непаритетные официальные отношения (адресат выше адресанта по статусу)).

Для оценки высказываний по степени вежливости и адекватности были предложены две аналогичные, но не идентичные ситуации:

- (С3) – адресант должен был вежливо отказать подруге, просящей на время отсутствия присмотреть за ее собакой;
- (С4) – адресант должен был вежливо отказать работодателю, просящему его (ее) довести до дома после работы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассмотрим, как иерархия социальных отношений влияет на выбор средств, используемых для выражения вежливого отказа в просьбе у НГ и НР, обратив внимание на ряд важных параметров.

Количество слов во фразе

Многословность характеризует позитивную вежливость, а лаконичность – негативную [3: 307, 423]. Во время продуцирования р. а. обе группы носителей в ситуации, характеризуемой наибольшей разницей в статусе собеседников (С2), были более многословными, чем в ситуации с наименьшей статусной дистанцией (С1), причем НГ были более многословными, чем НР, в обеих ситуациях общения.

Эти различия сохраняются и в ситуациях С3 и С4, где респонденты должны были оценить предложенные высказывания по степени вежливости и адекватности. Выбранная как НГ, так и НР конструкция в ситуации с разницей в статусе (С4) тоже была составлена из большего количества слов, чем используемое высказывание в ситуации дружеских отношений (С3). Разница в количестве слов в высказывании между двумя группами респондентов также сохраняется в данной части анкеты, так как и в ситуации дружеских отношений, и в ситуации с разницей в статусе самой невежливой для НГ была фраза *Συγγνώμη, όχι* = *Извините, нет*, а для НР – *Ποжалуйста, не просите меня об этом*, то есть для НГ немногословность по определению является невежливой.

Прямые и косвенные речевые акты: их соотношение

Стратегия высказываться не прямо, а косвенно относится к стратегии негативной вежливости [8: 131]. Во время продуцирования собственного р. а. в ситуации с наибольшей разницей в статусе НГ и НР употребляли чаще прямые р. а. по сравнению с ситуацией с наименьшей разницей в статусе, причем НР незначительно чаще, а НГ – примерно в полтора раза чаще. Возможно, значимой в ситуации с разницей в статусе была необходимость донести до руководства отказ более прямым способом и избежать других интерпретаций высказывания.

Следует заметить, что во всех ситуациях общения НР употребляли прямые р. а. чаще, чем НГ. Мы можем объяснить этот факт тем, что в целом в русской культуре считается вежливым более прямое выражение отказа. Это коррелирует с нашим предыдущим исследованием по продуцированию и оценке просьбы, где во всех ситуациях общения НР чаще использовали прямые р. а., чем НГ [1: 33]. Однако в ситуации с разницей в статусе НГ гораздо более часто использовали прямые р. а. по сравнению с другими ситуациями, что можно объяснить влиянием статусной дистанции, которая в греческой культуре меньше, чем в русской [10: 103]. Таким образом, наблюдается сглаживание ко-

личественных различий, касающихся выбора прямых либо косвенных р. а. между двумя группами респондентов.

При оценке предложенных р. а. по степени вежливости единственным относительно предпочитаемым НГ прямым отказом был вариант *Με συγχωρείτε, δε γίνεται να σας βοηθήσω* = *Извините, не получится Вам помочь*. Остальные варианты прямого отказа были классифицированы ими как недостаточно вежливые. Таким образом, в ситуации с разницей в статусе как при формулировке собственного р. а., так и при оценке предложенных р. а. по степени вежливости сохраняется предпочтение НР к прямым р. а., тогда как НГ при формулировке отдают предпочтение прямым р. а., а при оценке высказываний по степени вежливости – косвенным.

Популярными конструкциями в ситуации дружеских отношений (С3) для НГ являлись косвенный р. а. объяснение причины: *Το πρόβλημα μου είναι, ότι έχω αλλεργία στο τρίχωμα του σκύλου* = *Моя проблема в том, что у меня аллергия на собачью шерсть*, и прямой р. а., смягченный модификаторами как позитивной, так и негативной вежливости: маркером близости-солидарности, демонстрирующим сближение [7: 161], и извинением: *Ρε συ, συγγνώμη, δε γίνεται με τίποτα* = *Слушай, ты извини, не получится никак*.

Во время оценки высказываний по степени вежливости в ситуации дружеских отношений (С3) НР посчитали самым вежливым из предложенных высказываний вариант: *Βοюсь, что я не могу взять ее к себе*, то есть прямой отказ, выраженный модальным глаголом *не могу* – отсутствие возможности с отрицанием, что согласовалось с результатами по продуцированию ими р. а.

В ситуации дружеских отношений, хотя НР и сочли самым вежливым и предпочли для личного использования один из вариантов косвенного отказа, два следующих варианта принадлежали к категории прямых отказов. НГ же, как при продуцировании высказывания, так и при оценке степени вежливости и адекватности заданных высказываний, предпочли косвенные р. а., и для них большинство предложенных прямых р. а. были недостаточно вежливыми. Прямые же р. а. смягчаются модификаторами – маркерами близости-солидарности.

Итак, мы наблюдаем разницу, обусловленную как различием в способах сбора данных (в одной части носители формулировали высказывания, а в других либо оценивали предложенные высказывания по степени вежливости, либо выбирали два из них для собственного использования), так и видами модификаторов, видоизменяющих акт отказа.

Частотность использования слова-предложения *нет*

Слово-предложение *нет* относится к одной из категорий прямого отказа. НГ очень редко употребляли его во всех ситуациях общения по сравнению с НР.

Во время продуцирования высказываний НГ не использовали в ситуации с разницей в статусе слово-предложение *нет*, НР использовали его по минимуму, а при оценке р. а. со словом-предложением *нет* с модификатором извинения большинство НГ посчитали высказывание *Συγγνώμη, όχι* = *Извините, нет* самым невежливым и предпочли не использовать его. Немного чаще предпочитали его использовать НР, и большая по сравнению с НГ часть русских респондентов посчитала данную конструкцию вежливой.

В ситуации дружеского общения при формулировке р. а. НР довольно часто использовали слово-предложение *нет* (на него приходилось чуть меньше половины всех прямых отказов), а НГ применяли его гораздо реже.

Подобную картину мы наблюдаем и при оценке выражений по степени вежливости и выборе подходящего для использования выражения, где НГ сочли невежливым слово-предложение *нет* и практически не употребляли его. Что касается НР, то они более высоко оценили данный способ отказа, и гораздо большая часть была готова употребить его лично.

Альтернатива-совет

Одним из видов косвенного отказа является альтернатива [6: 60]. Альтернативу мы разделили на три категории: *переадресация*, *побудительное предложение* и *прочие виды альтернативы*. Побудительное предложение имеет общие характеристики с советом. Непрошенный совет – интересный речевой акт, так как, с одной стороны, в нем проявляется забота по отношению к собеседнику и он производится в интересах собеседника, а с другой стороны, навязывается своя воля, ущемляется личная автономия собеседника [3: 251], косвенно обесценивается его способность думать и принимать решения. К тому же совет переносит ответственность за отказ с адресанта на адресата, на его неправильное, с точки зрения адресанта, поведение, которое он советует ему изменить.

В ситуации дружеских отношений НР намного чаще использовали побудительное предложение (например: *Списывать – темная дорожка, попробуй сделать сама*), чем НГ. В ситуации с разницей в статусе ни НГ, ни НР не использовали его вообще.

Извинение

Извинение – это модификатор, снижающий категоричность высказывания. Он относится

к средствам негативной вежливости [8: 187], при его употреблении говорящий как бы берет вину за отказ на себя. В русском языке извинение является побудительным речевым действием, видом просьбы, имеет направленность на адресата [4: 63]. В греческом языке *συγγνώμη* – это выражение раскаяния за слово или дело¹, оно в отличие от *Με συγχωρείτε* утратило свою направленность на адресата и не является побудительным речевым актом. НР употребляли его намного чаще, чем НГ, в обеих ситуациях общения. Этот факт коррелирует с выводом греческой исследовательницы М. Сифьяну, указывающим на редкое использование греками извинений [11: 113].

Фактор статусной дистанции также повлиял на частотность использования извинений у НР, которые употребляли их чаще в ситуации с разницей в статусе, и практически не повлиял на НГ, которые в обеих ситуациях использовали его в равной степени.

ВЫВОДЫ

Таким образом, статусная дистанция повлияла

- на многословность высказываний обеих групп респондентов: носители обоих языков были более многословными в ситуации с разницей в статусе по сравнению с ситуацией дружеских отношений;
 - частотность использования прямых р. а. НГ, употреблявшими гораздо чаще прямые р. а. в ситуации с разницей в статусе по сравнению с ситуацией дружеских отношений;
 - употребление слова-предложения *нет*, практически не используемого в ситуации с разницей в статусе обеими группами респондентов;
 - использование побудительного предложения-совета: в ситуации с разницей в статусе ни НГ, ни НР не использовали его;
 - употребление извинений НР, так как в ситуации с разницей в статусе они использовали его больше, чем в ситуации дружеских отношений.
- Что касается различий в выборе лексических средств двумя группами респондентов, можно сделать следующие выводы:
- НГ были более многословными по сравнению с НР;
 - НР чаще использовали слово-предложение *нет* и не считали его таким невежливым, как НГ;
 - НР чаще использовали побудительные предложения (советы) в дружеской ситуации общения;
 - НР чаще использовали извинения в обеих ситуациях общения.

На основании полученных результатов сформируем конкретные рекомендации, которые помогут русским и грекам, изучающим второй из данной пары языков как иностранный, вежливо отказать собеседнику.

Коммуникативные правила для русскоговорящих при общении на греческом языке при отказе:

- Будьте многословны.
- Избегайте прямых отказов, предпочитайте косвенные, особенно в дружеской ситуации общения.
- Старайтесь не употреблять слово-предложение *нет*.
- Не злоупотребляйте побудительными предложениями, советами.
- Извиняйтесь реже.
- При общении с друзьями используйте маркеры солидарности-близости.

Коммуникативные правила для говорящих на греческом языке при общении на русском языке при отказе:

- Не будьте многословны.
- Отказывайтесь прямо.
- Свободно употребляйте слово-предложение *нет* в дружеской ситуации общения.
- Не бойтесь давать советы в дружеской ситуации общения.
- Чаще извиняйтесь, особенно в ситуации с разницей в статусе.
- Не злоупотребляйте маркерами солидарности-близости.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Μπαμπινιώτης Γ. Λεξικό της νέας ελληνικής γλώσσας, με σχόλια για τη σωστή χρήση των λέξεων: ερμηνευτικό, ετυμολογικό, ορθογραφικό, συνώνυμα-αντίθετα, κυρίων ονομάτων, επιστημονικών όρων, ακρωνύμια. 3η εκδ. Κέντρο Λεξικολογίας, 2008. Σ. 1678.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисова Т. С., Сорокина Т. В. Речевой акт вежливой просьбы в русском и новогреческом языках: сопоставительный и дидактический аспекты // Россия и Греция: диалоги культур: Материалы VI Междунар. конф.: Сб. науч. ст. Петрозаводск, 2022. С. 30–40.
2. Бычихина О. В. Результаты когнитивного исследования отвержения как речевого жанра негативной реакции // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. Гуманитарные исследования. 2018. № 2 (4). С. 23–27.
3. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 512 с.
4. Ратмайр Р. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры / Пер. с нем. Е. Араловой. М.: Языки славянской культуры, 2003. 272 с.
5. Шкаратан О. И. Социальные статусы и роли // Шкаратан О. И. Социология неравенства. Теория и реальность. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. С. 54–59.
6. Beebe L. M. Pragmatic transfer in ESL refusals // Developing Communicative Competence in a Second Language / R. C. Scarcella, E. S. Andersen, S. D. Krashen. New York: Newbury House, 1990. P. 55–73.
7. Bella S. Πραγματολογία: Από τη γλωσσική επικοινωνία στη γλωσσική διδασκαλία. Αθήνα: Gutenberg, 2015. 288 σ.
8. Brown P., Levinson S. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.
9. Hofstede G. Dimensionalizing cultures: The Hofstede model in context // Online Readings in Psychology and Culture. 2011. Vol. 2 (1) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1014> (дата обращения 12.11.2023).
10. Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. Cultures and organizations: Software of the mind. New York: McGraw-Hill, 2010. 576 p.
11. Sifianou M. Politeness markers in Greek and in English. Unpublished Ph.D. dissertation. University of Reading, 1987. 398 p.

Поступила в редакцию 13.11.2023; принята к публикации 17.06.2024

Original article

Tatiana V. Sorokina, Postgraduate Student, National and Kapodistrian University of Athens (Athens, Greece)
sortatiana7@gmail.com

STATUS DISTANCE IN REFUSAL: POLITE REFUSALS IN THE RUSSIAN AND MODERN GREEK LANGUAGES

Abstract. This article explores the influence of status distance on the choice of strategies used in expressing the speech act of polite refusal in response to requests in both Russian and Modern Greek. Specifically, it aims to identify similarities and differences within linguistic means employed by two groups of respondents who are native speakers of

Russian and Greek. The data were elicited through the administration of online questionnaires, where respondents were asked to formulate polite refusal in communication scenarios varying in the degree of status distance. The linguistic means employed by the respondents while producing their own refusal speech acts, and assessing the offered speech act options in terms of politeness and situational adequacy were analyzed. The results demonstrate that the status distance significantly increases verbosity, and reduces the frequency of using 'no', but also directive advice-giving sentences in both groups of respondents. The status distance also seems to lead to a higher frequency of using direct speech acts of refusal by the Greek speakers, but also to an increased use of the modifier 'apology' by the Russian speakers. Significant differences were observed between the linguistic means employed to express refusal in Russian and Greek, notably the much higher frequency of 'no' and the modifier 'apology' by Russian respondents in both communication scenarios, as well as the direct speech acts and directive sentences (advice) in situations of equal status relations. As regards the Greek speakers, they exhibited more verbosity compared to the Russians.

Key words: Russian language, Modern Greek language, comparative pragmatics, refusal, speech act, status distance

Acknowledgements. The author expresses her sincere gratitude to her academic supervisor, the President of the Department of Russian Language, Philology, and Slavic Studies of the National and Kapodistrian University of Athens, Associate Professor Tatiana S. Borisova, for the invaluable assistance provided during the conduct of this research, as well as for her guidance and support in writing this article.

For citation: Sorokina, T. V. Status distance in refusal: polite refusals in the Russian and Modern Greek languages. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(6):49–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1075

REFERENCES

1. Borisova, T. S., Sorokina, T. V. Speech act of a polite request in Russian and Modern Greek: comparative and didactic aspects. *Russia and Greece: dialogues of cultures: Proceedings of the VI international conference: Collection of research articles*. Petrozavodsk, 2022. P. 30–40. (In Russ.)
2. Bychikhina, O. V. On the results of cognitive studies of rejection as a speech genre of a negative reaction. *The Siberian Transport University Bulletin: Humanitarian Research*. 2018;2(4):23–27. (In Russ.)
3. Larina, T. V. Category of politeness and communication style: A comparison of English and Russian linguocultural traditions. Moscow, 2009. 512 p. (In Russ.)
4. Ratmajr, R. Pragmatics of apologies: a comparative study based on the material of the Russian language and Russian culture. Moscow, 2003. 272 p. (In Russ.)
5. Shkaratan, O. I. Social statuses and roles. *Shkaratan, O. I. Sociology of inequality. Theory and reality*. Moscow, 2012. P. 54–59. (In Russ.)
6. Beebe, L. M. Pragmatic transfer in ESL refusals. *Developing Communicative Competence in a Second Language*. (R. C. Scarcella, E. S. Andersen, S. D. Krashen, Eds.). New York, 1990. P. 55–73.
7. Bella, S. Πραγματολογία: Από τη γλωσσική επικοινωνία στη γλωσσική διδασκαλία. Αθήνα, 2015. 288 σ.
8. Brown, P., Levinson, S. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge, 1987. 345 p.
9. Hofstede, G. Dimensionalizing cultures: The Hofstede model in context. *Online Readings in Psychology and Culture*. 2011;2(1). Available at: <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1014> (accessed 12.11.2023).
10. Hofstede, G., Hofstede, G. J., Minkov, M. Cultures and organizations: Software of the mind. New York, 2010. 576 p.
11. Sifianou, M. Politeness markers in Greek and in English. Unpublished Ph.D. dissertation. University of Reading, 1987. 398 p.

Received: 13 November 2023; accepted: 17 June 2024

АЛЕКСАНДР ВАЛЕРЬЕВИЧ ПИГИН

доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора фольклористики и литературоведения (с фонограммархивом) Института языка, литературы и истории

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»

(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-9306-1421; av-pigin@yandex.ru

ЛЮДМИЛА СТАНИСЛАВОВНА ХАРЕБОВА

независимый исследователь

(Петрозаводск, Российская Федерация)

harebova@mail.ru

**КОЛЛЕКЦИЯ РУКОПИСЕЙ И КНИГ КИРИЛЛИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ
А. Д. СИНЯВСКОГО В НАЦИОНАЛЬНОМ МУЗЕЕ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ**

А н н о т а ц и я . В статье впервые в науке предлагается обзор рукописей и кириллических изданий, собранных литературоведом Андреем Донатовичем Синявским (1925–1997) на Русском Севере в 1950–1960-е годы и поступивших в 2023 году на хранение в Национальный музей Республики Карелия. Коллекция состоит из 42 единиц хранения: рукописи XVIII–XX веков и печатные книги XVII–XX веков. Особую ценность представляет сборник, включающий произведения выговской литературной школы в автографах выговских книжников. Анализируются сборники старообрядцев-странников рубежа XIX–XX веков, содержащие полемические произведения Андрея Александровича Надеждина, Василия Гаврилова, Романа Логинова, Ивана Васильева (инока Венедикта) и другие сочинения. Печатные издания коллекции представлены продукцией Московского Печатного двора, Московской Синодальной типографии, западнорусских (Киев, Чернигов, Львов) и старообрядческих (Гродно, Супрасль, Клинцы, Почаев, Москва) типографий; отмечены особо редкие издания. Сведения об истории бытования книг извлекаются из владельческих и читательских записей; некоторые из них публикуются в статье. Актуальность исследования обусловлена необходимостью введения в научный оборот информации о неизвестных рукописных источниках и пристальным интересом современных археографов к севернорусской книжности.

К л ю ч е в ы е с л о в а : рукописная книжность, книги кириллической печати, старообрядчество, Русский Север, А. Д. Синявский, музейные коллекции

Б л а г о д а р н о с т и . Работа А. В. Пигина выполнена по теме Государственного задания Карельского научного центра РАН.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Пигин А. В., Харебова Л. С. Коллекция рукописей и книг кириллической печати А. Д. Синявского в Национальном музее Республики Карелия // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 6. С. 55–61. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1076

ВВЕДЕНИЕ

В октябре 2023 года в фонд письменных источников Национального музея Республики Карелия (далее – НМРК) поступила коллекция рукописей и книг кириллической печати, принадлежавшая Андрею Донатовичу Синявскому (1925–1997) – литературоведу и писателю, печатавшемуся под псевдонимом Абрам Терц. Литературный критик журнала «Новый мир», научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (далее – ИМЛИ),

А. Д. Синявский широко известен прежде всего как диссидент, осужденный вместе со своим соавтором Ю. М. Даниэлем по статье об «антисоветской агитации», которую власти усмотрели в их художественных произведениях, изданных на Западе. Показательный процесс над А. Д. Синявским и Ю. М. Даниэлем в 1965–1966 годах пришелся на закат хрущевской оттепели. После пяти лет лагерей в Мордовии, в 1971 году А. Д. Синявский вышел на свободу, а в 1973 году ему было разрешено эмигрировать во Францию,

где он преподавал русскую литературу в Сорбонне, продолжал заниматься литературной работой, активно сотрудничал с Радио Свобода.

Старинные книги А. Д. Синявский собирал в 1950–1960-е годы, когда был старшим научным сотрудником ИМЛИ. Вместе со своей женой Марией Васильевной Розановой (1929–2023) он неоднократно ездил на Север: на Мезень, Пинегу, Печору, Северную Двину и Онегу. Поездки совершались, вероятно, не по служебному заданию, поскольку все найденные книги А. Д. Синявский оставлял себе, в ИМЛИ их не передавал.

Перед отъездом во Францию А. Д. Синявский и М. В. Розанова вынуждены были расстаться с частью своего московского имущества, и старинные книги были подарены ими Зое Евгеньевне Коптевой, дочери известного архитектора и художника Евгения Абрамовича Розенблюма, их близкого друга. З. Е. Коптева в начале 1970-х годов училась на историческом факультете Московского государственного университета, изучала историю старообрядчества, и Синявские полагали, что коллекция будет ей интересна. Однако вскоре З. Е. Коптева отошла от этой темы, и коллекция в научных целях так и не была использована. В 2023 году, спустя полвека после получения книг от Синявских, З. Е. Коптева и ее супруг В. Ю. Дукельский приняли решение подарить их в Петрозаводск, в НМРК¹.

Коллекция А. Д. Синявского в НМРК включает 42 единицы хранения: из них шесть рукописных кодексов XVIII–XX веков, 30 книг кириллической печати XVII – начала XX века, один конволют, состоящий из рукописной и печатной частей XVIII–XIX веков, и пять небольших фрагментов рукописных и печатных книг того же времени.

Но, к сожалению, в НМРК поступила лишь часть найденных А. Д. Синявским и М. В. Розановой на Севере книг. Согласно статье В. И. Малышева о частных московских книжных коллекциях [5], в середине 1960-х годов собрание А. Д. Синявского включало около 40 рукописных книг, преимущественно старообрядческого происхождения. Приведем соответствующий фрагмент статьи В. И. Малышева целиком: во-первых, это единственный, хотя и очень краткий обзор коллекции А. Д. Синявского до его ареста в 1965 году; во-вторых, этот фрагмент сохранился только в корректуре статьи (из окончательного варианта статьи описание коллекции А. Д. Синявского было удалено по требованиям цензуры) – соответствующий фрагмент корректуры был приклеен В. И. Малышевым к тому

экземпляру издания, который хранится сейчас в Древлехранилище Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (далее – ИРЛИ).

«Синявский Андрей Донатович, литературовед, старший научный сотрудник ИМЛИ им. А. М. Горького. Рукописи собирает с 1955 г. Большинство рукописного материала найдено на Мезени и Пинеге. Есть с Печоры (с Пижмы и Цильмы), Северной Двины, Онеги. Всего рукописей около 40, не старше XVII в. Большая часть рукописных книг старообрядческого происхождения и XIX в., среди них имеются произведения секты скрытников-бегунов. Интересны «Александрия» (XVIII в.), сборник духовных стихов, XIX в.; в сборниках XVIII–XIX вв. находится челобитная (пятая) протопопа Аввакума, сочинения (письма и послания) попа Лазаря, дьякона Федора, повесть о Никоне и др. А. Д. Синявскому принадлежит также несколько старопечатных книг XVII в. церковно-служебного содержания» (вклейка на стр. 387)².

В коллекции А. Д. Синявского в НМРК нет ни «Александрии», ни сборника духовных стихов, ни повести о Никоне, ни сочинений пустозерских узников (Аввакума и др.), а из 40 рукописей в ней осталось меньше десяти. По предположению В. Ю. Дукельского³, основную часть коллекции А. Д. Синявский вывез во Францию, но проверить эту гипотезу пока не удалось.

Работа по описанию поступивших в НМРК книг осуществляется авторами настоящей статьи, в которой мы предлагаем пока самый общий предварительный обзор этой коллекции⁴.

* * *

Начнем с рукописей. Все рукописи происходят из старообрядческой среды; в них могут быть выделены выговские и страннические старообрядческие сочинения, а также тексты древнерусской традиции, богослужебные и четьи.

Наибольший интерес представляет конволют XVIII – начала XIX века, включающий рукописную и печатную части (КГМ-79413). Это объемный сборник в 4-ю долю листа, всего 432 листа, без переплета, тексты переписаны разными, преимущественно поморскими почерками, полууставом и скорописью; печатная часть представляет собой фрагменты старообрядческого Канонника (Почаев, 1795)⁵. Ценность сборника прежде всего в том, что он содержит ряд сочинений выговской литературной традиции, причем переписанных непосредственно в Выговской пустыни, о чем свидетельствуют почерки.

Сборник включает «Плач церкви над пастырем» (Слово надгробное Андрею Денисову) Трифона Петрова (1730 год)⁶ (л. 384–385 об.); текст переписан выговским книжником и иконописцем Даниилом Матвеевым. В состав рукописи входят также «Слово о терпении» Андрея Денисова⁷

(л. 356–367 об.), анонимные выговские сочинения «Слово о дружестве» [10: 142, № 548] (л. 368–375 об.), «Беседа о часовне» [10: 123, № 466] (л. 348–355 об., 376–380), уставной текст о «харчевых припасах» в семи статьях (л. 381–383).

Текст о «харчевых припасах» не вошел в «Выгорецкий чиновник»⁸, не отмечен в каталогах старообрядческих и выговских сочинений и, кажется, пока не известен. В этом уставном приговоре отменялось принятое ранее на Выгу решение, запрещающее лексинским старицам использовать на собственные нужды присылаемые в пустынь родственниками пищевые продукты⁹. При этом «харчевые припасы», согласно приговору, можно было держать только в специальном помещении у келаря и получать только с его разрешения. В заключительной статье приговора это послабление трактуется как уступка слабости и малодушию стариц, им предписывалось самих себя «осуждати, яко нетерпѣливи и малодушни и яко воздержания не имущии и яко пред Богомъ и человекѣи всякаго осуждения достойни» (л. 383). Выго-Лексинское общежительство создавалось по образцу древнерусских киновий, и отступления от общежительного устава хотя и допускались иногда, но трактовались как большой грех.

В этом же сборнике выговскими почерками переписаны и некоторые другие тексты древнерусской и старообрядческой традиции: апокрифическое «Сказание, сколько Июда <И>скарियोंъ взя цены на Господѣ нашемъ Исусѣ Христѣ», Житие боярыни Морозовой в краткой редакции¹⁰, Житие Марии Египетской, Житие Иакова Персянина, «Краткое показание о новомудрствующих...» И. А. Ковылина и другие.

Согласно поминальным записям начала XX века на первых листах, сборник принадлежал жителям деревни Усть-Низемье Мезенского уезда Гольчикувым.

Как отмечал В. И. Малышев, в коллекции А. Д. Синявского имелись произведения старообрядцев-странников (скрытников-бегунов). Действительно, среди рукописей, поступивших в НМРК, есть и страннические сборники рубежа XIX–XX веков, причем по крайней мере один из них также, по-видимому, происходит с Мезени (КГМ-79423).

Беспоповское согласие странников (или бегунов) отделилось от филипповского согласия и стало самостоятельным в 60-е годы XVIII века. Странники «противопоставили идею побега идее мирской жизни» [6: 21], призывали избегать всякого общения с представителями господствующей церкви и власти, не идти ни на какие компромиссы с «миром антихриста». На Севере

идеология странников начала распространяться примерно с середины XIX века. Странническая книжность до сих пор остается малоисследованной частью старообрядческого письменного наследия. Но при этом археографам хорошо известен сам тип страннических сборников-«цветников» XIX – начала XX века [7: 156–187]. Их главными отличительными чертами являются обилие мелких выписок из разных книг, отсутствие четких границ между произведениями, точные ссылки на источники, обычно с указанием главы и даже листа или страницы, цитирование книг гражданской печати, трудов ученых и историков церкви – от митрополита Макария (Булгакова) до французского историка Амеде Тьерри.

Именно к такому типу сборников относится рукопись КГМ-79416 (в 4-ю долю листа, 482 л.). Основу сборника составляют подборки выписок на темы бегства из мира, ереси, антихриста, гонений и страдания за веру, царской власти; примерно пятую часть от общего объема занимают повести и поучения из Пролога, Учительного Евангелия, годового Златоуста, выписки из Житий Нифонта Констанцского, Василия Нового, проложная редакция Жития Кирилла Новоезерского. Важной задачей изучения страннических сборников является установление тематической связи древнерусских произведений со странническими текстами. Вероятно, некоторые древнерусские памятники включались в сборники для подкрепления тех или иных актуальных для страннического согласия и в целом старообрядчества идей. Так, в Житие Кирилла Новоезерского входит пророчество святого о «велией беде», которая ожидает в будущем Российскую землю: «и падуть от острия меча, и плѣнени будут от язык, и труси, и глади, и моры будут велицы» (КГМ-79416, л. 425 об.). Не случайно, как отмечает исследователь этого памятника Т. Б. Карбасова, пророчество Кирилла Новоезерского «часто переписывалось в старообрядческих сборниках и выступало в контексте эсхатологических произведений» [4: 162].

Два других страннических сборника того же времени (рубежа XIX–XX веков) имеют более четкую структуру, включают ряд поздних старообрядческих сочинений, которые удалось атрибутировать (КГМ-79423; КГМ-79415).

В состав сборника КГМ-79423 (в 4-ю долю листа, 415 л.) входит, например, поэма «из былин реформации Никона и его сотрудников» старообрядца поморского согласия Андрея Александровича Надеждина (1836–1909) (л. 80–90 об.). Произведение представляет собой объ-

емный стихотворный текст, в котором излагается история церковных реформ и особое внимание уделяется религиозным полемикам XIX века: прениям в доме Шумова в Москве на Таганке в 1883 и 1884 годах, деятельности оппонентов старообрядчества историка Н. И. Субботина, архимандрита Павла Прусского (Леднева) и других. Стихотворение несколько раз издавалось на гектографе Д. В. Батовым в конце XIX – начале XX века [9: 38–39, № 32–35].

Более 50 листов сборника КГМ-79423 занимают избранные главы из «Цветника» страннического наставника-«безденежника» Василия Гаврилова (л. 236–288 об.). Его книга «Цветник» была издана в конце 1870-х годов подпольной типографией странников в Костромской губернии, основная часть тиража была уничтожена полицией, но книга вошла в рукописную традицию [1: 26–27]. Василий Гаврилов развивал традиционные для странников темы «бегствующих христиан», самокрещения, возможности исполнения церковных таинств «простолюдинами».

Еще одно странническое сочинение в том же сборнике – послание к некоей «почтенной старице Дросиде Васильевне» (л. 91–122 об.), представляющее собой развернутые ответы автора на ее вопросы об антихристе и о пророках Илии и Енохе. Жанр послания был одним из самых популярных в страннической полемической литературе; очень часто использовалась странниками и вопросно-ответная форма. Имя автора в рукописи не указано, но восстанавливается на основе другого списка этого произведения, входящего в состав сборника, привезенного с Мезени Н. Н. Розовым в 1967 году, – Роман Логинов [8: 398]. Этому писателю-страннику, одному из руководителей страннического согласия на рубеже XIX–XX веков принадлежит и целый ряд других полемических сочинений¹¹.

В сборнике КГМ-79415 (в 4-ю долю листа, 446 л.) имеются два сочинения старообрядца-поморца Ивана Васильева, чугуевского монаха (в монастыре Венедикта) (1744–1811): «Извещение разглагольствия бывшего у поморян с поповщиною в прошедшем 1768-м году» и сопоставительная таблица древних и новых книг с предисловием (нач.: «Благочестивому читателю предлагаются здесь на рассмотрение избранные кратко от книг старопечатных и новых две таблицы...»)¹² (л. 157–249 об.). Иван Васильев был, по характеристике Павла Любопытного, «муж благочестивый, ученый и даровитый, Поморской Церкви знатный член и учитель <...> отличный певец по знаменам и ноте и редкий творец разных родов стихотворений»¹³.

В этом же сборнике находятся «Архангелогородские ответы», выписка из «Поморских ответов», «Краткое описание беседы» Павла Прусского и старообрядца И. И. Зыкова 3 октября 1876 года в д. Ликино в саду у особняка А. В. Смирнова и другие произведения.

Остальные рукописные сборники из коллекции А. Д. Синявского содержат преимущественно богослужебные тексты (КГМ-79408, КГМ-79435, КГМ-79441). На отдельных листах сохранились фрагменты «Истории Выговской пустыни» Ивана Филиппова (о Петре Прокопьеве), «Страстей Христовых», повестей из «Великого Зеркала», службы апостолу Иакову Зеведееву.

Представим теперь печатную часть коллекции А. Д. Синявского, которая включает 30 экземпляров кириллических изданий, напечатанных с 1645 по 1917 год.

Самая ранняя книга коллекции – Псалтырь, вышедшая из печати на Московском печатном дворе 20 сентября 1645 года. Она дополнила уже имеющиеся в фондах НМРК два экземпляра изданий Псалтыри XVII века, напечатанные в марте 1622 и декабре 1645 года¹⁴.

В числе изданий XVII – начала XVIII века имеются образцы печатной продукции западнорусских типографий в Киеве, Львове и Чернигове, отличающиеся богатым художественным оформлением. Сборник проповедей «Меч духовный» Лазаря Барановича, видного писателя, церковного и политического деятеля, иллюстрирован 55 сюжетными гравюрами (КГМ-79425). Книга была напечатана в 1666 году в типографии Киево-Печерской лавры как подносной экземпляр. Автор преподнес ее царю Алексею Михайловичу во время пребывания в Москве на соборе 1666–1667 годов. Экземпляр этого издания из коллекции А. Д. Синявского, к сожалению, является дефектным: утрачены переплет, листы в начале и в конце книги (в том числе титульный). Полностью сохранился экземпляр другого западнорусского издания – Новый Завет, напечатанный в 1717 году в типографии Черниговского Троицко-Ильинского монастыря (КГМ-79411). В книге 32 иллюстрации, в том числе подписные – гравюры Никодима Зубрицкого и Макария Синицкого. В республиканском собрании старопечатных книг до сих пор имелось только одно черниговское издание XVIII века – Молитвослов 1744 года в фондах Валаамского музея-заповедника¹⁵.

Большинство изданий XVIII века в коллекции – богослужебные книги, печатная продукция Московской Синодальной типографии (Минеи служебные, Часослов, Триоди постная и цветная и др.). Представляет интерес экзем-

пляр Часослова, изданного в июне 1749 или марте 1751 года (КГМ-79442). Варианты выхода из печати этой книги, утратившей титульный лист, были установлены по упоминанию в тексте императрицы Елизаветы Петровны, наследника Петра Федоровича с супругой Екатериной Алексеевной. Особенностью Часослова является то, что он напечатан в две краски, в отличие от аналогичных изданий без киновари, вышедших из печати в этот период. Часословы, изданные в июне 1749 и марте 1751 года, А. А. Гусевой отнесены к разыскиваемым [3: № 1817, 1820]. Информация об этих изданиях была получена ею из архивных документов, поскольку фиксации книг в библиографических источниках обнаружено не было. Надеемся, что публикация более подробных сведений о Часослове¹⁶ из коллекции А. Д. Сиявского позволит хотя бы частично (учитывая дефектность книги) восполнить эту лауну.

К редким книгам специалисты относят и Типикон (Устав церковный), изданный в Московской Синодальной типографии в октябре 1752 года (КГМ-79422). Он отражен в литературе только четырьмя экземплярами, которые находятся в Санкт-Петербурге (Российская национальная библиотека), музеях Кириллова, Мышкина и Тобольска [2: 28], [3: № 1683].

В коллекции имеются 12 экземпляров старообрядческих изданий конца XVIII – первой четверти XIX века типографий в Гродно, Супрасле, Клинцах и др. (Ефрем Сирий и авва Дорофей, Псалтыри, Пролог, Канонник, Сборник 1791 года и др.). Среди этих изданий следует особо отметить два идентичных экземпляра Псалтыри, не обнаруженные в основных библиографических источниках (КГМ-79420, КГМ-79421). По орнаментике они отнесены нами к изданиям конца XVIII века типографии в Клинцах. Издания конца XIX века и дореволюционных лет XX века (Злауост, Требник, Псалтырь) представлены книгами, напечатанными единоверческой типографией и типографией Преображенского кладбища в Москве.

Разнообразную и ценную информацию о судьбах книг и истории их бытования содержат запи-

си, сохранившиеся на листах изданий. Так, в книге «Поучения» Ефрема Сирина и аввы Дорофея (КГМ-79407) читается запись жителя Петрозаводска: «Сия книга Ефрем Потапа Василева сына Дьяконова мещанина в городе Петрозаводскаго, своеручно подписуюсь». Судя по записям, две книги принадлежали семье Лешуковых из села Койнас Мезенского уезда Архангельской губернии (КГМ-79420, КГМ-79440), одна – жителю деревни на Пижме (КГМ-79417). Имеются записи о принадлежности книг храмам, например, в Минее служебной на август 1741 года (КГМ-79426): «Сия миния месячная Пермогорской Воскресенной церкви казенная». В этой же книге сохранился автограф тередорщика (печатника) Московской Синодальной типографии Федора Артемьева. На свободных листах и на полях книг их владельцы записывали также различные исторические и семейные события, наблюдения за природой. В книгах обнаружены вложенные листы со стихами духовного содержания («Свет наш тихий и преславный...» – КГМ-79410), молитвами (КГМ-79419), «святым письмом» (КГМ-79427), письмами и записками делового и личного характера (КГМ-79417, КГМ-79420, КГМ-79429), вырезки из газет, почтовые открытки и т. п.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог этому неизбежно краткому обзору, необходимо отметить, что коллекция А. Д. Сиявского стала наиболее крупным единовременным поступлением рукописей и книг кириллической печати в хранилища Петрозаводска за последние десятилетия. Она расширяет наши представления о книжной культуре Русского Севера. В дальнейшем предстоит сравнить рукописи этой коллекции с книгами, происходящими из тех же регионов, прежде всего с Мезени, и хранящимися в других собраниях, в первую очередь в Древлехранилище Пушкинского Дома. Такая работа позволит, как мы надеемся, уточнить атрибуцию произведений и почерков и обогатить наши знания о старообрядческой письменности XVIII–XX веков.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Факты, изложенные в этом абзаце статьи, получены А. В. Пигиным от В. Ю. Дукельского из его писем. Авторы статьи благодарят В. Ю. Дукельского – известного российского музееведа – за ценную информацию об истории коллекции.
- ² Рукописи из коллекции А. Д. Сиявского В. И. Малышев упомянул и в своем обзоре рукописных собраний Древлехранилища: Древнерусские рукописи Пушкинского Дома / Сост. В. И. Малышев. М.; Л.: Наука, 1965. С. 58, 109, 128.
- ³ В письмо В. Ю. Дукельского А. В. Пигину от 13 октября 2023 года.
- ⁴ Обзор рукописной части коллекции принадлежит А. В. Пигину, печатной – Л. С. Харебовой.
- ⁵ Кириллические издания старообрядческих типографий конца XVIII – начала XIX века: Каталог / Сост. А. В. Вознесенский. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1991. С. 36–37, № 42.
- ⁶ Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1912. С. 288, № 4. Памятник опубликован: [11: 50–52 (текст), 357–358 (коммент.)].

- ⁷ Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев... С. 118, № 123.
- ⁸ Выгорецкий чиновник / Изд. подгот. Г. В. Маркелов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. Т. 1. 508 с.; Т. 2. 556 с.
- ⁹ Ср. в общежительных правилах для Лексинской пустыни 1706 года: «Аще ли съѣстного чего пришлют – и то келарю все отдать, а у себя не держати» (Там же. Т. 2. С. 107).
- ¹⁰ Текст опубликован: Повесть о боярыне Морозовой / Подгот. текстов и исследование А. И. Мазунина. Л.: Наука, 1979. С. 186–207.
- ¹¹ ИРЛИ, Мезенское собрание, № 32, л. 241 об.–243 (выписки из письма Романа Логинова о «еретичестве» В. А. Можаяева); см. также: [9: 178, 226].
- ¹² Другие списки этих сочинений см. в: Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев... С. 70 (№ 1, 2); Сочинения писателей-старообрядцев второй половины XVIII века / Авт.-сост. Н. Ю. Бубнов, В. А. Клишева, при участии А. А. Кудрина. СПб.: БАН, 2019. С. 178–189.
- ¹³ Каталог или библиотека староверческой церкви, собранный тщанием Павла Любопытного // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1863. Январь – март. Кн. 1. С. 146–147.
- ¹⁴ Книги кириллической печати в хранилищах Республики Карелия (1569–1830 гг.): Каталог / Сост. Л. С. Харебова. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. № 6.2; 36.
- ¹⁵ Там же. № 113.
- ¹⁶ Сведения будут представлены в сводном каталоге рукописных и старопечатных книг НМРК, который в настоящее время готовят авторы этой статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вознесенский А. В., Мангилев П. И., Починская И. В. Книгоиздательская деятельность старообрядцев (1701–1918): Материалы к словарю. Екатеринбург: [б. и.], 1996. 82 с.
2. Вознесенский А. В., Медведева Е. М. Московские издания первой половины XVII в. в собрании отдела редких книг Российской национальной библиотеки: Каталог. СПб.: Российская нац. б-ка, 2013. Вып. 1: 1601–1620 гг. 379 с.
3. Гусева А. А. Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга и универсальная методика их идентификации. М.: Индрик, 2010. 1251 с.
4. Карбасова Т. Б. Кирилл Новоезерский: история почитания: Исследование и тексты. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. 560 с.
5. Малышев В. И. Москвичи – собиратели письменной и печатной старины // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Наука, 1965. Т. 21. С. 383–389.
6. Мальцев А. И. Староверы-странники в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 268 с.
7. Прокуратова Е. В. Старообрядческая культура Коми края XVIII–XX веков: книгописная деятельность и литературное творчество удорских староверов. СПб.: Пушкинский Дом, 2010. 528 с.
8. Розов Н. Н. Мезенские сборники XIX–XX вв. // Рукописное наследие Древней Руси: по материалам Пушкинского Дома. Л.: Наука, 1972. С. 396–400.
9. Старообрядческие гектографированные издания Библиотеки Российской академии наук: последняя четверть XIX – первая четверть XX вв.: Каталог изданий и избранные тексты / Авт.-сост. Н. Ю. Бубнов. СПб.: БАН, 2012. 460 с.
10. Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: духовная жизнь и литература. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 2. 480 с.
11. Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития. М.: Языки славянских культур, 2008. Т. 2. 568 с.

Поступила в редакцию 27.05.2024; принята к публикации 08.07.2024

Original article

Alexander V. Pigin, Dr. Sc. (Philology), Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-9306-1421; av-pigin@yandex.ru

Lyudmila S. Kharebova, Independent Researcher (Petrozavodsk, Russian Federation)
harebova@mail.ru

ANDREI SINYAVSKY'S COLLECTION OF MANUSCRIPTS AND BOOKS OF CYRILLIC PRINTING STORED AT THE NATIONAL MUSEUM OF THE REPUBLIC OF KARELIA

Abstract. This paper provides the first-of-its-kind overview of manuscripts and Cyrillic editions collected by a literary critic Andrei Donatovich Sinyavsky (1925–1997) in the Russian North in the 1950s and 1960s and deposited in 2023 at the National Museum of the Republic of Karelia. The collection includes 42 items of storage: manuscripts of the

XVIII–XX centuries and printed books of the XVII–XX centuries. Of particular value is the compilation that includes manuscripts of the Vyg literary school written by Vyg scribes. The collections of texts by wandering Old Believers of the turn of the XX century containing polemical works by Andrei Alexandrovich Nadezhdin, Vasily Gavrilov, Roman Loginov, Ivan Vasiliev (monk Benedikt) and other works are analyzed. The printed editions of Sinyavsky's collection are represented by the editions of the Moscow Printing Yard, the Moscow Synodal Printing House, and the printing houses of Western Russia (Kiev, Chernihiv, Lviv) and the Old Believers (Grodno, Suprasl, Klinty, Pochaev, Moscow), with emphasis placed on particularly rare editions. Information about the history of the books is extracted from the owner's and reader's records, with some of facts presented in the article. The relevance of the research is due to the need to introduce information about unknown handwritten sources into scientific circulation and the close interest of modern archaeographers in Northern Russian literature.

Key words: handwritten books, books of Cyrillic printing, Old Believers, Russian North, A. D. Sinyavsky, museum collections

Acknowledgements. The study conducted by A. V. Pigin was funded from the federal budget as part of the state project assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Pigin, A. V., Kharebova, L. S. Andrei Sinyavsky's collection of manuscripts and books of Cyrillic printing stored at the National Museum of the Republic of Karelia. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(6):55–61. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1076

REFERENCES

1. Voznesensky, A. V., Mangilev, P. I., Pochinskaya, I. V. Book publishing activity of the Old Believers (1701–1918): Materials for the dictionary. Ekaterinburg, 1996. 82 p. (In Russ.)
2. Voznesensky, A. V., Medvedeva, E. M. Moscow editions of the first half of the XVII century in the collection of the Rare Books Department of the National Library of Russia. St. Petersburg, 2013. Issue 1: 1601–1620. 379 p. (In Russ.)
3. Guseva, A. A. The set of Russian books of the Cyrillic printing of the XVIII century published by the printing houses of Moscow and St. Petersburg and the universal method of their identification. Moscow, 2010. 1251 p. (In Russ.)
4. Karbasova, T. B. Cyril of Novoezero: the history of veneration: Research and texts. Moscow; St. Petersburg, 2011. 560 p. (In Russ.)
5. Malyshev, V. I. Muscovites as collectors of written and printed antiquities. *Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature*. Moscow; St. Petersburg, 1965. Vol. 21. P. 383–389. (In Russ.)
6. Mal'tsev, A. I. Wandering Old Believers in the XVIII and the first half of the XIX centuries. Novosibirsk, 1996. 268 p. (In Russ.)
7. Prokuratova, E. V. The Old Believers' culture of the Komi territory of the XVIII–XX centuries: book-writing activity and literary works of the Udor Old Believers. St. Petersburg, 2010. 528 p. (In Russ.)
8. Rozov, N. N. Mezen collections of the XIX–XX centuries. *The handwritten heritage of Ancient Russia: based on the materials of the Pushkin House*. Leningrad, 1972. P. 396–400. (In Russ.)
9. Old Believers' hectographed editions of the Library of the Russian Academy of Sciences: the last quarter of the XIX and the first quarter of the XX centuries: Catalogue of publications and selected texts. (N. Yu. Bubnov, Comp.). St. Petersburg, 2012. 460 p. (In Russ.)
10. Yukhimenko, E. M. The Vyg Old Believers' Hermitage: spiritual life and literature. Moscow, 2002. Vol. 2. 480 p. (In Russ.)
11. Yukhimenko, E. M. The literary heritage of the Vyg Old Believers' Community. Moscow, 2008. Vol. 2. 568 p. (In Russ.)

Received: 27 May 2024; accepted: 8 July 2024

ИРИНА МИХАЙЛОВНА СУВОРОВА

доктор культурологии, профессор кафедры философии и культурологии Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-3231-2661; suformih@list.ru

АННА ЮРЬЕВНА НИЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-4230-5972; nilova@petrsu.ru

**АНТИЧНЫЕ ОБРАЗЫ В ПОЭТИЧЕСКИХ ПУБЛИКАЦИЯХ ЖУРНАЛА
«ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ» (1868–1877)**

Аннотация. Характеризуется развитие античных образов в поэтических публикациях журнала «Отечественные записки» в период редакторской деятельности Н. А. Некрасова с помощью методов статистического и контент-анализа. Новизна исследования обусловлена полным и системным описанием роли и места античных образов в стихах, опубликованных в общественно-публицистическом издании в период деятельности одного редактора. Поэтические произведения составляли относительно небольшую часть всех публикаций журнала, но оказывали существенное влияние на развитие его программы. Античные образы присутствуют как в оригинальных, так и в переводных стихах, в основном сатирического характера, что соответствует тематике издания. С помощью античных образов авторы рисуют картину действительности, откликаясь на наиболее значимые общественно-социальные проблемы. Такое функционирование античных образов продолжает традиции классической сатиры. Однако античные образы возникают и в стихах, посвященных философским и историко-культурным размышлениям, описанию полноты и радости человеческой жизни, восходящих к анакреонтической традиции.

Ключевые слова: античность, рецепция, художественный образ, журнал «Отечественные записки», поэзия, сатира, перевод

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00423, <https://rscf.ru/project/22-18-00423/>.

Для цитирования: Суворова И. М., Нилова А. Ю. Античные образы в поэтических публикациях журнала «Отечественные записки» (1868–1877) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 6. С. 62–70. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1077

ВВЕДЕНИЕ

Античная тематика органично вошла в отечественные литературно-публицистические журналы XIX века. Наглядным примером подобного поэтического творчества являются поэтические альманахи «Свиток муз», «Северные цветы», журнал «Современник», которые объединили на своих страницах любителей древнегреческого и древнеримского наследия [9], [10], [17]. Со сменой историко-культурной и политической ситуации интерес к античному наследию у отечественных авторов менялся [8: 154–182], [19], однако динамика трансформации обращений

к классической древности в отечественной периодической печати остается непроясненной в силу недолговечной судьбы популярных журналов в России XIX века. Единственным исключением во временном отношении является журнал «Отечественные записки», который начал издаваться в XIX веке и выходит по сей день. Его издание в позапрошлом столетии продолжалось с перерывами в течение 66 лет, с 1818 по 1884 год.

По замечанию Н. В. Шевцова,

«журнал “Отечественные записки” по праву относится к числу наиболее известных периодических изданий за все годы существования отечественной журналисти-

ки. Его издатели многое сделали для совершенствования журналистского стиля выходявших материалов, для превращения появлявшихся номеров или книжек, как их еще называли, в полноценные классические толстые русские журналы» [22: 132].

Журнал откликнулся (и продолжает откликаться) на самые актуальные общественно-социальные, политические и культурные процессы своего времени [1], [4], [12], [20], зачастую определяя тенденции развития русской литературы.

Вполне основательным выглядит корпус литературоведческих, культурологических и исторических исследований журнала «Отечественные записки» в предыдущие годы и столетия. Аналитические исследования [5], [6], [16], [18], [21], посвященные «Отечественным запискам», дают вполне развернутое представление об авторах (среди которых были М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, А. Н. Островский и др.) и их публикациях в разные годы и периоды развития журнала.

В отечественной историографии принято выделять четыре периода развития журнала «Отечественные записки» в XIX веке в соответствии с его издателями: первый период П. П. Свинына – 1818–1831 годы, второй период А. А. Краевского – 1839–1867 годы, третий период Н. А. Некрасова – 1868–1877 годы, четвертый период М. Е. Салтыкова-Щедрина – 1877–1884 годы.

Закрытие журнала произошло в 1884 году по решению правительства в рамках реакционной политики. Этому предшествовали многочисленные предупреждения в 1883 году, хотя журнал имел оглушительную популярность среди читателей. Об этом свидетельствуют не только его тиражи и рецензии критиков, но и персонажи его публикаций, например, умирающий Вася из повести Ф. М. Достоевского «Дядюшкин сон»: «Мечтал я, например, сделаться вдруг каким-нибудь величайшим поэтом, напечатать в “Отечественных записках” такую поэму, какой и не бывало еще на свете»¹. Эти мечты смогли отчасти осуществить авторы уже следующих поколений, бережно сохранив традиции авторитетного отечественного журнала до наших дней.

Журнал «Отечественные записки» имел разнообразные разделы и рубрики, посвященные истории и современности, политике и экономике, науке и искусству, общественной жизни и особенностям быта. Поэтому вполне объясним интерес многочисленных исследователей журнала к его анализу с критической, политической, исторической, филологической, литературоведческой и других позиций.

С литературоведческой точки зрения журнал «Отечественные записки» представляет интерес как источник, отражающий не только текущую литературную ситуацию, но и отношение его авторов и издателей к устоявшимся культурным ценностям и традициям, в частности – к наследию античной эпохи. Этот интерес оправдан тем фактом, что

«непосредственно античность в России этого периода стала языком культуры, эстетическим идеалом, ориентиром, в сопоставлении с которым и в противопоставлении которому оттачивалась самобытность русской культуры» [14: 260].

Более того, ориентация отечественной культуры на античные идеалы имела и политическую подоплеку, ведь

«элементы античной культуры <...> благодаря петровским “переносам” стали частью государственной политики России XVIII века, прочно вошли в культуру и быт страны» [14: 261],

следовательно, на основании преемственности должны были найти свое отражение и в культуре следующего, XIX столетия. Как уточняет Е. Е. Приказчикова, «можно сказать, что <...> культура античности превратила античность во вторую действительность для человека последней трети XVIII – начала XIX века» [15: 105].

Целью исследования является выявление актуальности античных образов в поэтических произведениях, опубликованных в журнале «Отечественные записки» в период редакторской деятельности Н. А. Некрасова, их функций и адекватности основной проблематике издания.

Главными методами исследования являются статистический анализ выпусков журналов и контент-анализ поэтических текстов, содержащих античные образы. Новизна заключается в системном анализе роли и места античных образов в поэтических публикациях журнала в период деятельности одного редактора.

Необходимо отметить, что поэтические произведения были не так популярны в журнале, как прозаические, что объясняется общественно-политической направленностью самого издания. Это обстоятельство значительно сузило и конкретизировало исследовательское поле, что, в свою очередь, повысило уровень уникальности самого исследования. Ежегодно журнал выходил строго по месяцам, иногда в нескольких частях, хотя в разные периоды издания велась различная система наименований выпусков журнала: часть, номер, том и т. п. Кроме того, сами поэтические произведения в разные периоды размещались в разных рубриках: «Словесность», «1 отдел», «Библиография» [2], [3].

* * *

В годы редакторской деятельности Н. А. Некрасова античная культура была обильно и разнообразно представлена на страницах журнала. Так в №№ 2 и 3 за 1868 год опубликован перевод сказки Эдуарда Лебулэ «Принц-пудель», главного героя которой зовут Гиацинт, упоминаются Аристотель, Нарцисс, Аполлон, Геркулес, а в качестве названия одной из глав используется фразеологизм *Si vis pacem, para bellum*. В № 1 за 1869 год опубликована статья Шерра «Аспазия и Мессалина (Два очерка из древних нравов)». Авторы статей в публицистических разделах неоднократно обращались к истории Древней Греции и Рима, их государственному устройству и общественным отношениям. В художественных произведениях рецепция античного наследия представлена не только на уровне образов, но и на уровне мотивов, идей, сюжетов. Например, в стихотворении «О, не зови воспоминаний...» П. Ковалевского античные образы отсутствуют, однако в романтическом ключе развивается горацанский мотив скоротечности жизни².

Несмотря на то что Некрасов вернул в журнал поэтический раздел, стихи составляли крайне незначительную часть всего содержания журнала, а в трех номерах 1877 года (№№ 7, 8, 9), предшествовавшего году смерти поэта, вообще не было опубликовано ни одного лирического произведения.

За десять лет, с 1868 по 1877 год, образы, восходящие к античной культуре (имена античных богов и мифологических персонажей, исторических деятелей, поэтов, философов, названия городов, архитектурных сооружений и других античных культурных реалий), встречаются более чем в 40 поэтических текстах, опубликованных в журнале «Отечественные записки»; 26 из них, то есть большая часть, являются переводными. Наиболее популярными европейским авторами, переводы которых публиковались в журнале, были В. Гюго и Г. Гейне. В стихах этих поэтов мы находим наибольшее количество обращений к античным образам: они встречаются в семи стихотворениях Гюго и в пяти стихотворениях Гейне. У других авторов тексты, содержащие античные образы, единичны. Из русских поэтов образы античной культуры чаще всего использовал в своих стихах Д. Минаев (шесть произведений), он же был и одним из наиболее плодовитых авторов поэтических разделов журнала.

Античные образы имеют разное значение и функции в стихах, опубликованных в журнале

«Отечественные записки» в рассматриваемый период. Иногда это метафорические образы, как двор Прозерпины в стихотворении Г. Гейне «Lazagus» (пер. А. Плещеева) («И к своему принимает двору Ласково их Прозерпина» (1872; 3, 295)) или тени Элизиума в поэме А. Мицкевича «Пан Тадеуш», переведенной Н. Бергом (1873; 3, 224). В стихотворении «Муравьи» из «Песен» Беранже, переведенных М.-Л.-М. (М. Л. Михайловым), поэт иронично называет «местным Пиндаром» автора патриотических од:

«Местный Пиндар в громкой оде
 Всем другим грозит врагам.
 (Оды были очень в моде).
 Слава, слава муравьям!» (1870; 5, 8).

Античные образы могут использоваться в прямых сравнениях. Например, в стихотворении «Политическому поэту» из «Посмертных стихотворений Гейне», переведенных П. Вейнбергом, политический поэт сравнивается с Тиртеем, прославившимся своими вдохновляющими патриотическими элегиями (1870; 9, 50). Здесь сравнение призвано подчеркнуть высокую роль современного поэта. В стихотворении «Какой-то демон злой в злой час вооружил...» из этого же цикла герой сравнивается с Орфеем в своей решимости сойти в «бездны адские» (1874; 2, 509). В этом случае сравнение позволяет точнее охарактеризовать эмоциональное состояние героя. С подобной целью используется сравнение персонажа с Одиссеем в пещере Полифема еще в одном стихотворении Гейне «Сон в прусской крепости», переведенном Д. Минаевым (1870; 10, 377). Это сравнение позволяет не только создать определенный эмоциональный колорит, но и поместить лирический сюжет стихотворения в контекст определенной литературной традиции – описания скитаний.

Совершенно иной эмоциональный колорит поддерживает использование античных образов в кантате Роберта Бернса «Веселые нищие» (1868; 9, 322–325), переведенной П. Вейнбергом. В этом произведении Аполлоном назван карлик-скрипач, что, с одной стороны, согласуется с его деятельностью, а с другой – создает яркий комический эффект. Образы шаловливого «крошки-Амура», веселого Вакха, муз, Парнаса, Кастальского ключа, сурового Марса, воспринятые сквозь призму европейской литературной и живописной традиции, становятся аллегориями и лишаются сложности и многозначности, свойственных им в античной культуре. Р. Бернс, а следом за ним и переводчик, смешивает греческие и римские имена мифологических персонажей. Они являются в этом произведении воплоще-

нием радостного жизнелюбия, свойственного античной культуре и созвучного беззаботной веселости нищих. С идеей подобной полноты и радости жизни связан образ Венеры в стихотворении А. Мюссе «Le mie Prigioni», переведенном Д. Михаловским (1877; 11, 254–258). Здесь поэт не только использует античный образ, но и обращается к античному жанру экфрасиса. Герой стихотворения видит изображение проказницы Венеры, которая «с смехом смотрит на кровать» на стене тюремной камеры, среди других рисунков и стихов. Герой воспринимает свое заключение без какой-либо скорби и принимает жизнь во всех ее проявлениях. Запечатленные на стенах темницы игривые напевы, молитва, сонет, «Любовь, Надежда, Вера, Милосердие, Благодарность», олицетворяемая Венерой плотская любовь, амбициозность Луи-Филиппа и смирение Христа создают по-гомеровски полную и цельную картину мира.

Д. Михаловским также выполнен перевод фрагмента поэмы Дж. Байрона «Чайльд Гарольд» «На развалинах Колизея» (1868; 3, 147–150). Основной темой переведенного фрагмента становится размышление о времени, творящем «суд правдивый, непреложный» над всем и вся. Античные образы обрамляют этот фрагмент. В начале его время отождествляется с богиней мести Немезидой, по приказу которой фурии мстили убиравшему мать Оресту. В конце фрагмента развалины древнего Колизея вызывают воспоминания о разворачивавшихся здесь на потеху черни и императора гладиаторских боях:

«Здесь шум толпы арену волновал,
При зрелище кровавого сраженья,
То бурей восторженных похвал,
То ропотом невнятным сожаленья.
Из-за чего ж тут резались рабы
И погибал несчастный гладиатор?
Чернь тешилась позором их борьбы,
И тешился жестокий император!» (1868; 3, 150).

Образ умирающего гладиатора, перед смертью вспоминающего родину и семью, и призыв к отмщению за его позорную смерть позволяют поэту вновь вернуться к основным мотивам фрагмента – времени и отмщения. Время отмстило жестокому Риму разрушением за его преступление. Введение в образную систему этой части поэмы мифологических образов превращает идею справедливого воздаяния в универсальный закон бытия. Русский переводчик сохраняет античные образы и реалии оригинального текста. Идея неотвратимого воздействия времени возникает и в следующем фрагменте поэмы Байрона, опубликованном в № 4 за 1868 год. Здесь Рим

и Греция упоминаются в числе погибших империй прошлого и в контексте рассуждений о краткости человеческого века.

К образу Колизея обращается и П. Ковалевский уже в оригинальном стихотворении «Русскому дитяти», опубликованном в том же № 4 за 1868 год, описывая беззаботное детство рожденного в Риме ребенка, который «мяч кидал по Колизею, шалил под куполом Петра» (1868; 4, 80). Легкомысленное отношение мальчика к авторитетам древней и современной культуры подчеркивает его внутреннюю свободу и полноту жизни, которая резко контрастирует с упоминанием о его безвременной смерти. В стихах, опубликованных в 1868–1876 годах в журнале «Отечественные записки», образ Колизея, наряду с образом Капитолия (поэма А. Мицкевича «Пан Тадеуш» в переводе Н. Берга (1870; 6, 206)), напоминают о былом, но разрушенном временем величии Рима, символизируют обезличивающую и подавляющую официальную власть, противопоставленную чистым естественным чувствам и внутренней свободе.

Одним из наиболее частых античных образов в поэтических публикациях журнала «Отечественные записки» рассматриваемого периода является образ сфинкса. В стихотворении Шамиссо «Замок Бонкур» (пер. П. Вейнберга) статуя сфинкса упоминается как архитектурный элемент утраченной аристократической усадьбы (1869; 6, 455). В стихотворении «Обширен мир земной...» Ф. Дранмора (пер. П. Вейнберга) «древне-фивский сфинкс» является персонализацией тяжелейших невзгод человеческого существования, и только единицы могут «мир освобождая от всех скорбей и болей, С победою взойти на жизни Капитолий!..» (1876; 2, 454). В № 8 за 1868 год была опубликована сатирическая поэма Д. Минаева «Сфинкс». Античные образы позволяют автору создать ярких персонажей поэмы. Великосветских развратниц, гордо восседающих в партере театра, поэт называет в честь известной афинской гетеры:

«И пышные, холодные, как льдины,
В камнях драгоценных наши Фрины,
Волнуя кровь в блудливых стариках,
Тонули в блондах, словно в облаках» (1868; 8, 487–488).

Главная героиня поэмы – «сфинкс без разгадки», Галатей, сирена, «блудница под маской приличья». По мнению автора, в современном обществе она может почитаться почти святой, потому что ценой своего падения купила повышение по службе своему мужу, пожертвовала собой ради ближнего. Тайна греха и восприятие себя как благодетельницы своего мужа позволя-

ют героине поэмы с отнюдь не смиренным презрением и негодованием

«смотреть в бенуар,
Где камелий парадный базар,
В ней усталые нервы тревожа,
Возбуждает всю горечь ума...» (1868; 8, 498).

«Сфинкс, прекрасный, но кто ж ты сама?» — обращается поэт к своей героине в конце поэмы. Русская литература 1840–1860-х годов дает обширную галерею образов падших женщин [7], [11], [13]. Блудница получает оправдание как беззащитная жертва общества и социальной несправедливости [11]. Д. Минаев отходит от сформировавшейся традиции и пытается восстановить понимание падения женщины как порока, лишить его жертвенного ореола и одновременно обострить проблему социального неравенства и беззащитности женщин.

Второй раз к образу сфинкса Д. Минаев обращается в стихотворении «Первого января» (1873; 6, 489–490). Здесь также представлено сатирическое изображение светского общества, а со сфинксом сравниваются «скромные девственницы». В контексте предыдущего произведения загадочная молчаливость героинь может быть истолкована и в смысле общественно-социальной проблематики: не только как напускная скромность, но и как проявление бесправия и зависимости.

Женский вопрос, к которому Д. Минаев обратился в поэме «Сфинкс», активно обсуждался на страницах журнала «Отечественные записки». На него откликнулись не только поэты, но и писатели-прозаики и авторы публицистических статей. Так, в № 7 за 1868 год было опубликовано стихотворение Ольги Лепко «Женский вопрос», в 1869 году в журнале публиковался роман Эмиля Боскэ «Руанские работницы» и т. п. Женскому вопросу посвящено и стихотворение Д. Минаева «Женщине». Для характеристики тесного круга навязанных функций, в кругу которых, по мнению поэта, заперта женщина, Д. Минаев среди прочего использует античные образы вакханки и обесчещенной весталки:

«Пойми ж теперь — кто ты для нас
И скрой иронию печали:
Ты или кукла на показ
Иль львица в светлой, бальной зале,
Иль мать, скорбящая весь век,
Жена, наложница, вакханка,
Но ты для нас не “человек”,
Игрушка ты, а не гражданка.
На миг обманута судьбой,
Влачишь ты прежний жребий жалкий —
Очаровательной работой
Иль обесчещенной весталкой» (1869; 10, 484).

Положению женщины в семье и обществе посвящено и стихотворение итальянского поэта-романтика Дж. Леопарди «На свадьбу сестры», переведенное Л. Граве. В инвективе, обращенной к современницам, поэт напоминает о их высоком предназначении воспитывать свободных граждан. Современным женщинам, рождающим и воспитывающим «бессильных и рабов», Леопарди ставит в пример женщин Древней Греции и Рима: спартанок, бестрепетно провожающих героев на бой, римлянку Виргинию, которая предпочла «мрак Эреба» бесчестию (1869; 11, 209–210).

Дважды в стихотворениях, опубликованных в журнале «Отечественные записки» в период редакторской деятельности Н. А. Некрасова, возникает образ Прометея: в оригинальном стихотворении Д. Минаева «Новый Прометей» (1873; 11, 242–244) и в стихотворении Ф. Дранмора «Желание» (1875; 11, 127–128), переведенном Д. Михаловским. И если в стихотворении Ф. Дранмора образ Прометея используется для описания силы человеческих чувств и страданий, то у Д. Минаева — для сатирического изображения человека, привыкшего к рабской зависимости и страдающего от обретенной свободы. «...Как новый ад, Меня терзает воля эта. Отдай оковы мне назад...» (1873; 11, 244) — просит Зевса уже освобожденный Прометей.

Использование античных образов в сатирических стихотворениях, опубликованных в журнале в рассматриваемый период, наиболее частотно. Они присутствуют как в оригинальных, так и в переводных произведениях. Формы их реализации также различны: образы могут быть сравнениями или метафорами, проясняющими идею автора, а могут использоваться в контексте развития античного мифа или легенды. Так, например, сатирик Д. Минаев обращается к известному сюжету о Диогене, который с фонарем искал человека, в стихотворении «Призрак» (1875; 3, 261); этот же образ в качестве сравнения возникает в стихотворении, переведенном В. Курочкиным из «Ямбов» Барбье (1869; 8, 312). В стихотворении Беранже, также переведенном В. Курочкиным, «Тиран Сиракузский», излагается история изгнания из Сиракуз тирана Дионисия Младшего. В отличие от реального Дионисия, умершего в изгнании в нищете, изгнанник Дионисий предстает владельцем пансиона, в котором мучили детей. Жестокость и злоупотребления Дионисия позволили поэту использовать рефрен «Тиран тираном и умрет». Автор стихотворения не только трансформирует исторический эпизод, но и модернизирует само понятие тирании, при-

ближая его к современному. В качестве метафоры выступает образ кентавра в одноименном оригинальном стихотворении А. Жемчужникова, опубликованном в № 3 за 1870 год. В этом произведении один из «создателей» Козьмы Пруткова, развивая ироническую стилистику прутковских стихотворений, отзывается о современной ему литературной и культурной ситуации в России.

Весьма показательным представляется использование античных образов в переводах из сборников стихов В. Гюго «*Les Châtiments*» («Возмездие») и «*L'Année terrible*» («Грозный год»), которые публиковались в журнале в рассматриваемый период. Сборник «*Les Châtiments*», изданный в 1853 году, был посвящен перевороту 2 декабря 1853 года и содержал гневную сатиру на Наполеона III. Опубликованные в «Отечественных записках» переводы из этого сборника выполнены В. Бурениным. Крушение Второй республики и деспотию нового императора Гюго сравнивал с самыми жестокими временами императорского Рима. В опубликованных в журнале стихах используются образы «преторианцев, честь продавших на торге», «трибунов гнусных» (1869; 3, 191), Тиберия и Нерона, которые «Конями царской колесницы Народ топтали» (1870; 11, 232). Себя поэт сравнивает с Ювеналом, который в те страшные годы был «казню деспотов» (там же). Цитата из Ювенала «*panem et circenses*» («хлеба и зрелищ») выступает в качестве эпиграфа к стихотворению В. Гюго «Песнь цирка», перевод которого представлен в № 11 за 1870 год. В самом стихотворении описываются цирковые зрелища времен Цезаря Нерона, наследника Августа. Девственные весталки на этих страшных зрелищах соседствуют с гетерами, гимны Кибеле сочетаются с фиглярскими напевами. Некогда строгий и великий Рим, утратив гражданские свободы, разрушается жесткостью и роскошью императоров. Вместо славы и доблести его жителей, ставшим рабами, нужны только хлеб и зрелища. В этом произведении, как и в опубликованном в № 1 за 1871 год стихотворении «Праздник Нерона», античные образы используются не просто как сравнение или метафора, здесь описывается эпизод истории Древнего Рима, сопоставляемый с современной Францией, предупреждающий о последствиях утраты свободы. Для русского читателя эти аллюзии были понятны, но не так актуальны, как для французской публики, поэтому перевод стихов Гюго, выполненный В. Бурениным, воспринимался отечественным читателем скорее как протест против деспотии вообще.

Если между изданием «*Les Châtiments*» и публикацией анализируемых переводов В. Буренина прошло почти 20 лет, то сборник «*L'Année terrible*», ставший реакцией на события Франко-прусской войны и Парижской коммуны, был издан в 1872 году. Переводы стихов из этого сборника, выполненные П. Вейнбергом, Д. Минаевым, Ю. Doppельмейер и опубликованные в «Отечественных записках», позволили русскому читателю познакомиться с новыми текстами крупнейшего поэта современной Франции. Этот сборник уже не содержит той острой персональной сатиры, которая была в «*Les Châtiments*», здесь поэт обращается к «народу-титану» и напоминает о его великом прошлом. Гюго, как и прежде, размышляет о свободе общественной и личной и находит образцы этой свободы в Древнем Риме и Спарте, образы римской культуры теперь соседствуют с образами культуры греческой. Так, в стихотворении «Два трофея» мифологические образы Сциллы и Харибды используются для описания тех опасностей, с которыми может столкнуться свобода, борющаяся с деспотией (1872; 12, 382).

При анализе развития античных образов в поэтических произведениях, которые были опубликованы в журнале «Отечественные записки» во время редакторской деятельности Н. А. Некрасова, особого внимания заслуживают стихотворение Т. Мура «Сирена», переведенное Д. Минаевым (1870; 7, 127–128), и оригинальное произведение этого же поэта «Последняя оргия» (1975; 10, 562–564). В стихотворении Т. Мура описывается история в духе «Метаморфоз» Овидия о превращении Сирены, пугавшей своими грустными песнями моряков, в прекрасно звучащую арфу. Предметом изображения в оригинальном стихотворении Д. Минаева становится историко-культурная метаморфоза – уход античности и утверждение христианства. Эти два стихотворения стоят особняком среди опубликованных в журнале произведений поэта-сатирика и представляют собой попытку обратиться к иному художественному материалу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общественно-политический журнал «Отечественные записки» откликнулся на самые актуальные и острые вопросы общественной жизни России и Европы. В период с 1868 по 1877 год поэтические произведения составляли весьма незначительную часть всех публикаций журнала, и некоторые его номера вообще не содержали лирических произведений. Стихи и поэмы, опубликованные в журнале, соответствовали

идеологии издания и, наравне с публицистическими и прозаическими сочинениями, были посвящены в основном социальной тематике и наиболее острым современным общественным проблемам. Тем не менее античные образы являются неотъемлемой частью образной системы поэтических произведений, опубликованных в журнале «Отечественные записки» в период редакторской деятельности Н. А. Некрасова (1868–1877 годы). Функционирование античных образов в этих произведениях разнообразно: они могут быть единичными метафорами или сравнениями, расширяющими интертекстуальное поле произведения и уточняющими идею автора, могут использоваться в контексте античных мотивов и сюжетов или их стилизаций. Античные образы присутствуют как в оригинальных, так и в переводных произведениях, при этом количество переводных текстов, которые их содержат, превышает количество оригинальных произведений. Обращаясь к переводам европейских авторов, русские поэты выбирают как современные, актуальные произведения, так и сочинения, опубликованные

несколько десятилетий назад. Сравнение использования античных образов в переводных и оригинальных текстах показывает, что отечественные авторы находят в сочинениях европейских поэтов современности и минувших лет идеи и размышления, созвучные своим, слышат в чужом слове звучание своего. Значительная часть как оригинальных, так и переводных произведений, содержащих античные образы, имеет сатирическое содержание. Преобладание сатирических стихотворений детерминировано, вероятно, целями и задачами издания, а множественное использование античных образов в таких произведениях восходит к традициям классицистической сатиры, использовавшей их в качестве аллегорий. Тем не менее анализ показал, что как в переводных, так и в оригинальных сочинениях античные образы могут использоваться и при философской историко-культурной рефлексии, и в контексте рассуждений о полноте и радости человеческой жизни, восходящих к анакреонтической традиции, и при описании чудесного в духе овидиевых «Метаморфоз».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 2. Л.: Наука, 1972. С. 128.

² Отечественные записки. 1869. № 3. С. 178. Далее цитаты журнальных публикаций даны в круглых скобках с указанием года, номера и страницы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Багаева А. Ф. Восточный вопрос на страницах «Отечественных записок» Н. А. Некрасова // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2020. № 5. С. 184–194.
- Боград В. Э. Журнал «Отечественные записки», 1839–1848: Указ. содерж. М.: Книга, 1985. 688 с.
- Боград В. Э. Журнал «Отечественные записки», 1868–1884: Указ. содерж. М.: Книга, 1971. 734 с.
- Гайдашова А. Н., Гаврин Д. Л. «Отечественные записки» в мире русской публицистики в середине XIX века // Язык и социальная динамика. 2010. № 10-2. С. 64–67.
- Гайнцева Э. Г. Из истории борьбы «Отечественных записок» с литературной редакцией 70-х годов (к проблеме положительного героя) // Проблемы развития литературы и литературной критики: Темат. сборник науч. трудов / Ред. коллегия: проф. И. Т. Крук (отв. ред.) [и др.]. Киев: КГПИ, 1977. С. 70–100.
- Есин Б. И. История русской журналистики XIX века. М.: Изд-во МГУ, 2008. 304 с.
- Зимина Н. Ю. Концепт «падшая женщина» в эпоху Ф. М. Достоевского // Вестник Псковского государственного педагогического университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2011. № 15. С. 37–42.
- Кнабе Г. С. Русская античность: содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. М.: Рос. гуманит. ун-т, 2000. 238 с.
- Колоколова О. А. Рецепция античности в русской литературе первой трети XIX века (на материале альманаха «Северные цветы») // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 1. С. 66–75. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.993
- Литинская Е. П. Греческая антология на страницах журнала «Современник» (1836–1866) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 7. С. 71–79. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.960
- Макаричева Н. А. Темы спасения падшей женщины у Н. А. Некрасова и Ф. М. Достоевского // Русская литература в иностранной аудитории: Сб. науч. ст. по итогам XIII Междунар. научно-практ. конф., Санкт-Петербург, 19 ноября 2021 года. Вып. 10. СПб.: Российский гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2022. С. 17–22.
- Первых Д. К. Крымская тема в редакционной политике журнала «Отечественные записки»: 1824–1825 гг. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2021. Т. 7, № 3. С. 168–182.

13. Печерская Т. И. Сюжет о падшей женщине в литературе 1840–1860-х годов: формирование и варианты // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, вып. 12. С. 3739–3747. DOI: 10.30853/phil20220655
14. Подтергера И. А. Рецепция античности в русской культуре начала XVIII века // Русско-европейские литературные связи: XVIII век: Энциклопедический словарь / Отв. ред. П. Бухаркин. СПб.: Факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2008. С. 260–273.
15. Приказчикова Е. Е. Античность в литературном и бытовом сознании XVIII – первой трети XIX века через призму мифориторической культуры // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2009. № 1/2 (63). С. 102–113.
16. Проскурин О. А. Первые «Отечественные записки», или О лжи и патриотизме // Отечественные записки. 2001. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2001/1> (дата обращения 10.08.2023).
17. Суворова И. М., Скоропадская А. А. Античные реминисценции в русской поэзии начала XIX в. (по материалам альманаха «Свиток муз») // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20, № 4. С. 112–128. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11623
18. Теплинский М. В. «Отечественные записки»: 1868–1884. Южно-Сахалинск: Дальневосточное кн. изд-во, 1966. 399 с.
19. Успенская А. В. Античность и русская литература: мотивы, образы, идеи. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 292 с.
20. Фарафонова О. А. Античный код «Записок адмирала А. С. Шишкова» // Научный диалог. 2016. № 4 (52). С. 167–180.
21. Формозов А. А. Первый русский историко-археологический журнал // Вопросы истории. 1967. № 4. С. 208–212.
22. Шевцов Н. В. Журнал «Отечественные записки» в истории русской культуры XIX века // Концепт: философия, религия, культура. 2019. № (3). С. 132–142. DOI: 10.24833/2541-8831-2019-3-11-132-142 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2019-3-11-132-142> (дата обращения 10.08.2023).

Поступила в редакцию 02.04.2024; принята к публикации 08.07.2024

Original article

Irina M. Suvorova, Dr. Sc. (Culturology), Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-3231-2661; suvmih@list.ru

Anna Yu. Nilova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-4230-5972; nilova@petsu.ru

ANCIENT IMAGES IN THE POEMS PUBLISHED BY THE JOURNAL *NOTES OF THE FATHERLAND* (1868–1877)

Abstract. Using the methods of statistical and content analysis, the article characterizes the development of ancient images in the poems published by the journal *Notes of the Fatherland* (*Otechestvennye zapiski*) under the editorship of N. A. Nekrasov. The novelty and relevance of the study are due to a complete and systematic description of the role and place of ancient images in the poems that were published in this social and publicistic journal during the period of activity of one particular editor. Poetic works constituted a relatively small part of the journal's publications, but had a significant influence on the development of its program. Antique images are present in both original and translated poems, mainly of a satirical nature, which corresponds to its range of themes and subjects. With the help of ancient images, the authors paint a picture of reality, responding to the most significant social problems. This functioning of ancient images continues the traditions of the satire of classicism. However, ancient images also appear in poems with philosophical, historical and cultural reflections or descriptions of the fullness and joy of human life, originating in the Anacreontic tradition.

Key words: antiquity, reception, artistic image, journal *Notes of the Fatherland*, poetry, satire, translation

Acknowledgements. The reported study was funded by the Russian Science Foundation (project No 22-18-00423, <https://rscf.ru/project/22-18-00423/>).

For citation: Suvorova, I. M., Nilova, A. Yu. Ancient images in the poems published by the journal *Notes of the Fatherland* (1868–1877). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(6):62–70. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1077

REFERENCES

1. Bagaeva, A. F. The Eastern question on the pages of N. A. Nekrasov's magazine 'Otechestvennye zapiski'. *Lomonosov Philology Journal*. 2020;5:184–194. (In Russ.)

2. Bograd, V. E. *Journal Notes of the Fatherland*, 1839–1848: Content index. Moscow, 1985. 688 p. (In Russ.)
3. Bograd, V. E. *Journal Notes of the Fatherland*, 1868–1884: Content index. Moscow, 1971. 734 p. (In Russ.)
4. Gaidashova, A. N., Gavrin, D. L. *Notes of the Fatherland in the world of Russian journalism in the mid-nineteenth century. Language and Social Dynamics*. 2010;10-2:64–67. (In Russ.)
5. Gaintseva, E. G. From the history of the struggle of the journal *Notes of the Fatherland* with the literary editors of the 1870s (revisiting the problem of a positive hero). *Problems of the development of literature and literary criticism: Collection of papers*. (I. T. Kruk, Ed.). Kiev, 1977. P. 70–100. (In Russ.)
6. Esin, B. I. *History of Russian journalism of the XIX century*. Moscow, 2008. 304 p. (In Russ.)
7. Zimina, N. Yu. The concept of the “fallen woman” in the era of F. M. Dostoevsky. *Bulletin of Pskov State Pedagogical University. Series: Social-Humanitarian and Psychological-Pedagogical Sciences*. 2011;15:37–42. (In Russ.)
8. Knabe, G. S. *Russian antiquity: content, role, and fate of the ancient heritage in Russian culture*. Moscow, 2000. 238 p. (In Russ.)
9. Kolokolova, O. A. Reception of antiquity in Russian literature of the first third of the XIX century (the study of the *Northern Flowers* almanac). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(1):66–75. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.993 (In Russ.)
10. Litinskaya, E. P. Greek anthology in the journal *Sovremennik* (1836–1866). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(7):71–79. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.960 (In Russ.)
11. Makaricheva, N. A. Themes of the salvation of a fallen woman addressed by N. A. Nekrasov and F. M. Dostoevsky. *Russian literature in foreign audiences: Proceedings of the XIII international research and practice conference, St. Petersburg, 19 November 2021*. Issue 10. St. Petersburg, 2022. P. 17–22. (In Russ.)
12. Pervykh, D. K. The Crimean theme in the editorial policy of the journal “Otechestvennye zapiski”: 1824–1825. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philology*. 2021;7(3):168–182. (In Russ.)
13. Pecherskaya, T. I. Plot about the fallen woman in the literature of the 1840s–1860s: formation and variants. *Philology. Theory & Practice*. 2022;15(12):3739–3747. DOI: 10.30853/phil20220655 (In Russ.)
14. Podtergera, I. A. Reception of antiquity in Russian culture of the early XVIII century. *Russian-European literary connections: the XVIII century: Encyclopedic dictionary*. (P. Bukharkin, Ed.). St. Petersburg, 2008. P. 260–273. (In Russ.)
15. Prikazchikova, E. E. Antiquity in literary and everyday consciousness of the 18th – 1st 1/3 of the 19th century viewed through the mytho-rhetoric culture of the epoch. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*. 2009;1/2(63):102–113. (In Russ.)
16. Proskurin, O. A. The first *Notes of the Fatherland*, or about lies and patriotism. *Notes of the Fatherland*. 2001;1. Available at: <https://ozjournal.ru/page6.html> (accessed 10.08.2023). (In Russ.)
17. Suvorova, I. M., Skoropadskaya, A. A. Antique reminiscences in Russian poetry of the early 19 century (based on the materials of the “Muses Scroll” almanac). *The Problems of Historical Poetics*. 2022;20(4):112–128. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11623 (In Russ.)
18. Teplinsky, M. V. *Notes of the Fatherland: 1868–1884*. Yuzhno-Sakhalinsk, 1966. 399 p. (In Russ.)
19. Uspenskaya, A. V. *Antiquity and Russian literature: motifs, images, ideas*. St. Petersburg, 2008. 292 p. (In Russ.)
20. Farafonova, O. A. The ancient code in the *Notes of Admiral A. S. Shishkov*. *Scientific Dialogue*. 2016;4(52):167–180. (In Russ.)
21. Formozov, A. A. The first Russian historical and archaeological journal. *Voprosy istorii*. 1967;4:208–212. (In Russ.)
22. Shevtsov, N. V. Magazine “Otechestvennye zapiski” in the history of Russian culture of the 19th century. *Concept: philosophy, religion, culture*. 2019;3:132–142. DOI: 10.24833/2541-8831-2019-3-11-132-142. Available at: <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2019-3-11-132-142> (accessed 10.08.2023). (In Russ.)

Received: 2 April 2024; accepted: 8 July 2024

НАТАЛЬЯ ЛЕОНИДОВНА ШИЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-8818-8535; shilova@petrsu.ru

СЕВЕРНЫЕ ТРАВЕЛОГИ М. ПРИШВИНА КАК ПРЕТЕКСТ ОЧЕРКА Ю. КАЗАКОВА «КАЛЕВАЛА»

А н н о т а ц и я . Рассмотрены очерки Михаила Пришвина и Юрия Казакова о Карелии с точки зрения литературной преемственности. Система текстовых переключек позволяет интерпретировать главы «Вопленица» из книги «В краю непуганых птиц: очерки Выговского края» и «Солнечные ночи» из книги М. Пришвина «За волшебным колобком» как претексты очерка Ю. Казакова «Калевала». Сравнительный анализ показал важные совпадения в текстах двух писателей. Объединяющие образы и мотивы – не только сама локация Севера, но и эпизоды встреч со сказительницами, путешествие к ним по воде, введение фольклорных произведений. При этом стилистически тексты двух авторов различаются: очерки Пришвина – широко развернутое, насыщенное этнографическими деталями повествование, «Калевала» Казакова – компактная экспрессивная зарисовка. Рассказ о событиях и людях в очерке Казакова уступает место передаче впечатления и созданию лирической напряженности. Проведенный анализ конкретизирует наше представление о путях развития образа Карелии в русской прозе XX века, его вариативности у разных авторов в разные исторические периоды, позволяет отметить в качестве топоса в литературной репрезентации Карелии образы женщин-сказительниц.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Карелия, северный текст, путевой очерк, топос, фольклор, сказительница

Б л а г о д а р н о с т и . Автор благодарит ст. преподавателя кафедры прибалтийско-финской филологии ПетрГУ Е. В. Каракина и к. ф. н., научного сотрудника КарНЦ РАН М. В. Кундозеру за помощь в атрибуции цитируемых текстов рун.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Шилова Н. Л. Северные травелогии М. Пришвина как претекст очерка Ю. Казакова «Калевала» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 6. С. 71–77. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1078

ВВЕДЕНИЕ

Среди литературных произведений о Карелии одно из ярких и запоминающихся – очерк Юрия Казакова «Калевала» (1962), вошедший в цикл «Северный дневник». Событийная основа очерка – встреча в Калевальском районе Карелии с женщинами-сказительницами во время поездки в Ухту (старое название поселка Калевала) в гости к писателю Ортьё Степанову в 1961 году [15: 115] и впечатление от знакомства с финским эпосом в живом народном исполнении. Это не первое появление образов женщин-сказительниц и цитирование исполняемых ими текстов в произведениях о Карелии. Еще у Федора Глинки в поэме «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой» (1830) заметным персонажем становится дочь карела Маша, исполнительница старинных преданий и сказок, сюжеты которых Глинка включает в свой поэтический текст¹.

Другой случай – очерки Выговского края Михаила Пришвина, в которых автор рассказывает о встрече на Выг-острове с вопленицей Степанидой Максимовной². Третий – эпизод встречи с плакальщицами в очерке Константина Паустовского «Белая ночь»³ (эти примеры, по всей вероятности, не единственные).

О влиянии произведений Паустовского о Карелии вообще и очерка «Белая ночь» в частности на маршруты путешествий Казакова и его творчество уже говорилось ранее [13]. Отдельные аллюзии к текстам Пришвина в «Северном дневнике» также отмечались исследователями, но пока только применительно к Архангельску [1: 190], [9: 14]. По свидетельству И. Кузьмичева, северными травелогами Пришвина Казаков зачитывался и вдохновлялся уже на самых ранних этапах увлечения Севером, когда только начинало «формироваться его творческое поведение»

[4: 95]. В письмах к друзьям периода создания «Северного дневника» писатель и сам упоминает Пришвина как своего предшественника:

«Я не могу тебе писать всего, что я тут увидел и подумал и пр. – я тебе говорил уже, прочитай “Колобок” Пришвина, сделай поправку на сегодня, т. е. преобразуй деревни в колхозы и т. п. и вот тебе точная картина жизни теперешних поморов, а мысли и ощущения Пришвина – мои мысли и ощущения!»⁴

Эти литературные переключки интересны как с точки зрения изучения поэтики Пришвина и Казакова, так и в контексте исследования генезиса и развития карельской темы в русской литературе. Инициировано оно было более 80 лет назад известным русским литературоведом В. Г. Базановым. Обосновывая необходимость изучения образа Карелии как значимой локации в русской литературе, он отмечал, что, помимо многих прямых обращений к карельской теме у Ф. Глинки, Г. Державина и других авторов, «Карелия привлекала внимание Пушкина, Некрасова, Толстого и Горького» [2: 9]. Исследователь указал на сложившийся уже к 1940-м годам корпус литературно-художественных текстов о Карелии (и список этот только вырос за последние десятилетия)⁵. Позже вышло несколько филологических статей и две монографии, посвященные разным аспектам образа Карелии в отечественной прозе и поэзии [5], [7], [8], [9], [10], [12]. Однако научное освоение темы далеко не исчерпано. Фрагментарно проведены выявление и анализ ключевых концептов и топосов литературной репрезентации Карелии, разграничение генетических связей, интертекстов, с одной стороны, и совпадений типологического характера – с другой. За пределами внимания исследователей остались произведения о Карелии, написанные во второй половине XX и XXI веках. Не вполне ясны масштабы и характер карельской темы в русской литературе: случайный ли это набор отдельных произведений разных авторов или «сверхтекст» (термин Н. Меднис [6: 9–12]) как система связанных между собой произведений, объединенных конкретными внетекстовыми реалиями (локация, персоналия и т. п.), мотивами, языковой общностью и т. д.

КАРЕЛИЯ И «КАЛЕВАЛА» В ОЧЕРКАХ М. ПРИШВИНА И Ю. КАЗАКОВА

Эпос «Калевала» упоминается в третьей части книги М. Пришвина «За волшебным колобком» (1908), в которой описывается путешествие в «Русскую Лапландию». Дорога приводит туда путешественника с Соловков:

«Это Карелия – та самая Калевала, которую и теперь еще воспевают народные рапсоды в карельских деревнях Архангельской губернии. Показываются горы Лапландии, той мрачной Похиолы, где чуть не погибли герои “Калевалы”»⁶.

Существенно, что в этих строках Пришвина с «Калевалой» скорее поэтически, чем географически, отождествлена вся северная часть Карелии (легендарная «Похиола»), и даже вся Карелия.

Подобно тому, как это происходит в пришвинском тексте, повествователь в очерке Казакова попадает в Калевалу из ближайшей к Соловкам локации, из Кеми, но Калевала здесь – конкретная локация:

«В Кеми мне сказали, что где-то далеко на западе в глуши Карелии есть будто бы район Калевала и что живут там рунопевцы. И будто сосна есть на берегу озера, под этой сосной собираются старики – последние могикиане, – поют свои руны и, как тысячу лет назад, все еще славят великого Вайнемейнена.

Тогда забыл я на время море, рыбаков, все эти пустынные берега с редкими тонями – и поехал в Калевалу, как в сказку, как за Жар-птицей»⁷.

Уже в этих коротких фрагментах можно выделить сразу несколько переключек между очерками двух писателей. Так, образ мифической птицы появляется в диалоге охотников, открывающем первую книгу Пришвина о Севере «В краю непуганых птиц» (1907):

«– В наших лесах много такой птицы, что и вовсе человека не знает.

– Непуганая птица? <... >

– Нет такой птицы.

– Есть, есть, – спокойно твердит Мануйло.

– Да нет же, нет, – беспокоится маленький, – это только в сказках, может быть, и было, только давно. Да и не было вовсе, выдумки, сказки...»⁸

Образ Жар-птицы заставляет вспомнить зачин и второй книги Пришвина о Севере «За волшебным колобком»:

«Начинается сказка от сивки, от бурки, от вещей каурки.

В некотором царстве, в некотором государстве жить людям стало плохо, и они стали разбегаться в разные стороны. Меня тоже потянуло куда-то, и я сказал старушке:

– Бабушка, испеки ты мне волшебный колобок, пусть он уведет меня в леса дремучие, за синие моря, за океаны»⁹.

Текст «Калевалы» Казакова дальше будет строиться как сложная контаминация личных впечатлений автора от поездки и литературных интертекстов, часто именно пришвинских, причем отсылающих не столько к описанной Пришвиным его поездке в «Русскую Лапландию» (Карелия в этой поездке к Хибинам возникает

лишь по касательной), но ко многим другим карельским эпизодам северных травелогов писателя. Точками пересечения произведений становятся Карелия и ее фольклорно-поэтическое наследие.

Поскольку центральный эпизод в «Калевале» Казакова – встреча с двумя сказительницами и исполнение ими рун, обратимся к похожему эпизоду в главе «Вопленица» из книги Пришвина «В краю непуганых птиц». Путешественник попадает в этой главе на Карельский остров Нижнего Выга с двумя женщинами (жёнками):

«Как раз посредине длины Выг-озера, на одном из его бесчисленных островов, есть деревенька Карельский остров. Вот ее-то я и избрал своим пристанищем. Этот план был одобрен и дедом рыбаком, у которого я ночевал перед поездкой по Выг-озеру.

– Жёнки едут на Карельский, они тебя и отвезут, – сказал мне старик»¹⁰.

Так же и в «Калевале» Юрий (Юрки, как его называют местные карелы) отправляется на лодке по озеру со своим другом-проводником Ортъё Степановым за Татьяной Перттунен и Марией Михеевой и затем с ними вместе дальше на мыс к сосне Лённрота. Будут упоминаться и многочисленные острова Ала-ярви. Сами по себе эти образы – озеро, лодки, деревня на берегу – типичны для карельского ландшафта, и можно было бы отнести их к топосам, если бы не те цитирования очерков Пришвина, которые мы привели выше, и не общность композиционной схемы: путешествие, встреча с исполнителями фольклора, фольклорный текст. Складывается впечатление, что спонтанно под воздействием местных реалий появившийся у Пришвина, а затем и у Паустовского этот сюжет закрепляется в тексте Казакова как модель, способ знакомства с культурным наследием Севера.

Наряду с совпадениями хорошо видны и отличия в текстах двух авторов. Приведенная выше автохарактеристика Казакова – «мысли и ощущения Пришвина – мои мысли и ощущения» – верна лишь отчасти. Жанр очерка предполагает обращение к фактам и реалиям, использование не вымышленных, а действительных топонимов, антропонимов и пр., и здесь разночтения естественны: Казаков повторяет сюжет Пришвина, но движется внутри Карелии по иным маршрутам. Другая часть разночтений определяется особенностями поэтики текста в ее авторском и историческом аспектах. Отметим несколько наиболее значимых.

1) *Характер повествования*. При всех очевидных сходствах героинь, описанных в очерках,

разница авторских подходов видна уже в объеме описаний. Рассказ Пришвина о героине – подробный и обстоятельный. В него включена история всей жизни Степаниды на разных этапах: рождение, замужество, смерть мужа, старость. Его структура – эпическое последовательное повествование:

«Родилась Степанида Максимовна вблизи Выг-озерского погоста, на поже. Мать ее при этом случае косила в сторонке от своих, бросила косу, ухватилась за сосновый сук и родила. Она завернула ребенка в юбку и принесла домой.

Из детства Максимовна помнит, как “по тихой красотишке” она ездила в праздник в лес за ягодами, как сопровождала мать на рыбную ловлю и выкачивала плицей набежавшую в худую лодку воду, помнит, как укачивала ребенка, когда мать уезжала на сенокос и т. д.»¹¹.

Биография легендарной Татьяны Перттунен у Казакова, наоборот, сжимается в компактную портретную зарисовку, описание сфокусировано на настоящем времени, ориентировано не на протяженность, как в эпосе, а на миг, как в лирике:

«Она совсем не говорит по-русски, на меня не смотрит и ко мне не обращается, да и с Ортъе говорит мало, больше раздумывает о чем-то. Живет она одна – сама косит, гребет сено, ловит рыбу, ездит на острова за ягодой и грибами – словом, делает всю необходимую тяжелую мужицкую работу, без которой тут не проживешь. Но ведь восемьдесят лет! К тому времени, когда установилась советская власть в Карелии, ей было уж лет сорок – целую жизнь прожила»¹².

Об истории Марии Михеевой не сказано совсем ничего. Здесь нет объясняющего комментария, фокус внимания перенесен на романтическую необычность, таинственность героинь. В этом смысле описания женщин у двух писателей разнонаправлены: объясняющее, открывающее героиню в первом случае и романтизирующее во втором.

2) *Местный колорит и фактура языка*. Этнографически-языковой элемент заметен в текстах обоих авторов. Автор очерков Выговского края насыщает их этнографическими деталями местности, сочетающей финно-угорские и русские традиции:

«– Это тоже острова У нас их так много, что и не толкуем. Всего на озере их – сколько дней в году и еще три. Дальше еще кучнее пойдут. Острова да салмы, острова да салмы.

“Салмы” – значит проливы, слово карельское, как и все географические названия, сохранившие память о старых хозяевах этого озера»¹³.

Слово «салмы», кстати, появится и у Казакова, но в другом произведении – рассказе «Адам и Ева»¹⁴. Не исключено, что оно попало в его лек-

сикон из пришвинских очерков раньше, чем писатель услышал его вживую в Карелии.

В «Калевале» принцип местного колорита представлен очень ярко, в том числе за счет внимания к иноязычию коренного населения:

«<...> дорога шла то в гору, то под гору, час проходил за часом, народ в автобусе менялся, говорили кругом уже по-фински, пахли все лесом, годами не снимаемой закоженелой одеждой, мокрыми платками и фуражками, на полу поскрипывали уже пестери и корзины с морошкой, черникой...»¹⁵.

«И у Михеевой не говорят по-русски, и мне досадно, так хочется поговорить, расспросить, остается одно, пока они радуются, перебивают друг друга – смотреть»¹⁶ и т. д.

Мотив закрытости, таинственности можно назвать доминирующим в изображении героев в «Калевале» Казакова. В фокусе внимания – финский (говорить местные жители могли, скорее всего, на карельском) язык, «кореляки» и «дети лопарей». Автор не ставит своей задачей разграничить этносы (финны, карелы, саамы), сосредоточиваясь на общем впечатлении от финно-угорских древностей Карелии. В этом тоже ощутимо следование, возможно, бессознательное, за Пришвиным, объединившим в своем очерке о Лапландии лопарскую и финскую культуру:

«Ученым приходилось опровергать общее мнение о том, что тело лопарей покрыто космами, жесткими волосами, что они одноглазые, что они с своими оленями переносятся с места на место, как облака.

С полной уверенностью и до сих пор не могут сказать, какое это племя. Вероятно, финское»¹⁷.

3) *Описание исполнения.* В главе «Вопленица» Пришвин приводит текст плача Степаниды Максимовны. Предваряет его коротко данное впечатление об исполнении:

«Кое-как мы уломали Максимовну. Она села на лавочку и, уставившись в какую-то далекую точку, стала причитывать... И мне стало неловко... У старушки катились по щекам слезы, она обнажала свое горе искренне, просто и красиво.

Я оглянулся на старика, – он плакал. Улыбаясь сквозь слезы стыдливо и виновато, он мне потихоньку сказал:

– Не могу я этого ихнего вопу слышать. Как услышу, так и сам завоплю. Дома, как завопят бабы, я гоню их вон чем попало... Не могу...

Все женщины в избе плакали»¹⁸.

Инструмент создания впечатления здесь – не описание манеры исполнения, а эмоциональная реакция слушателей.

У Казакова иначе. Сцена исполнения становится сюжетной и эмоциональной кульминацией всего очерка:

«Раздаются первые звуки ее невыразительного голоса, выговариваются торопливо первые слова, неустой-

чиво выпевается еще неуловимая на слух мелодия. Да! Она и не поет еще, а говорит речитативом, скоро несется, как ручей в лесу с его разнообразным, высоким и низким бульканьем.

Но лицо ее уже преобразилось – глаза сведены в одну точку, пальцы двигаются, скрючиваются и распускаются, голова вздрагивает и откидывается, глаза поднимаются на сосны, на даль озера, но тотчас опускаются. Иногда она повысит голос, нахмурит брови, вскрикнет грозное и поднимает руку, угрожая, но тут же и сникнет, забормочет, раскачиваясь, что-то жалобное.

Каикиппа ноуси кууломаа

метсяста метсян еелвааа...

Вот что приблизительно слышу я на свой русский слух»¹⁹.

Сам исполняемый текст дан в очерке несколькими короткими цитатами. Руна приводится в тексте только в транслитерации, без перевода. Это подлинная руна «Калевалы» (сюжет о сотворении кантеле). Фокус внимания не на содержании (оно только намечено), а на впечатлении от музыки речи. Это особенность авторского восприятия: Казаков начинал как музыкант, и его проза широко отражает музыкальность окружающего мира. Этнографический подход в создании образа места уступает место импрессионизму, обращению к ощущениям: звуки, запахи, эмоциональный фон происходящего. Так же как во многих рассказах автора, на первый план выходит «особый ритм, основанный на многократном повторе событий, слов, отдельных реплик, синтаксических единиц» [3: 155].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Суммируя наши наблюдения, отметим следующее. Очерк Ю. Казакова «Калевала» обнаруживает целый ряд отсылок к северным травелогам М. Пришвина и конкретно к карельским их эпизодам. Выраженное геопозитическое начало северной прозы Пришвина [11: 303] вдохновляет автора следующего поколения на новые путешествия и тексты. Своего рода символом, кодом Карелии для Казакова, как и для Пришвина, становится не только природа, но и аутентичная жизнь и народная поэзия, которая этой жизнью порождается. Вслед за Пришвиным Казаков вводит в повествование эпизод встречи с исполнительницами и фрагменты фольклорного текста. С учетом ряда других упоминавшихся выше литературных произведений (Ф. Глинка, К. Паустовский) можно, на наш взгляд, рассматривать в качестве топоса в литературной репрезентации Карелии не только природные образы, но и образы фольклорных исполнителей, в частности женщины-сказительниц (плакальщиц и т. п.).

Следуя за любимым писателем, Казаков при этом не повторяет, а варьирует темы При-

швина, продолжая его поиски и как бы поверяя их личными впечатлениями. Кроме того, если событийно «Вопленица» и «Калевала» близки, то характер повествования в них различен. Обстоятельное, последовательное, насыщенное этнографическими деталями повествование Пришвина о личности и творчестве вопленицы Степаниды Максимовны у Казакова трансформируется в компактную зарисовку встречи с загадочным миром носителей иной культуры. Рассказ о событиях в последнем случае уступает место передаче впечатления и созданию лирической напряженности. Стилистически «Ка-

левала» гораздо ближе к получившей развитие в середине XX века лирической прозе, чем к фактографически более насыщенному стилю книг Пришвина о Севере.

Проведенный анализ показывает существование интертекстуальных связей между произведениями, написанными о Карелии Пришвиным и Казаковым. Масштабность таких связей в корпусе произведений о Карелии может быть определена в дальнейших исследованиях. Это позволит доказательно подтвердить или опровергнуть гипотезу о существовании карельского литературно-художественного «сверхтекста».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Глинка Ф. Н. Карелия: Описательное стихотворение в четырех частях. Петрозаводск: Карелия, 1980. 118 с.
- ² Пришвин М. В краю непуганых птиц // Пришвин М. М. За волшебным колобком: В краю непуганых птиц. За волшебным колобком. Осударева дорога. Глаза земли. Отцы и дети. Из дневниковых записей. Петрозаводск: Карелия, 1987. С. 41–58.
- ³ Паустовский К. Г. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 3. М.: Худож. лит., 1982. С. 281.
- ⁴ Казаков Ю. Письмо к Тамаре Жирмунской от 26 сентября 1958 г. // Казаков Ю. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3. Вечерний звон. М.: Русский Мирь, 2011. С. 378.
- ⁵ См. антологию «Карелия в художественной литературе» (сост.: В. Г. Базанов, С. С. Шлеймович. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1940).
- ⁶ Пришвин М. За волшебным колобком // Пришвин М. М. За волшебным колобком: В краю непуганых птиц. За волшебным колобком. Осударева дорога. Глаза земли. Отцы и дети. Из дневниковых записей. Петрозаводск: Карелия, 1987. С. 213.
- ⁷ Казаков Ю. Калевала // Казаков Ю. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 2. Соловецкие мечтания. М.: Русский Мирь, 2009. С. 134.
- ⁸ Пришвин М. В краю непуганых птиц... С. 13.
- ⁹ Пришвин М. За волшебным колобком... С. 148.
- ¹⁰ Пришвин М. В краю непуганых птиц... С. 31.
- ¹¹ Пришвин М. В краю непуганых птиц... С. 48.
- ¹² Казаков Ю. Калевала... С. 136–137.
- ¹³ Пришвин М. В краю непуганых птиц... С. 32.
- ¹⁴ Казаков Ю. Адам и Ева // Казаков Ю. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. Странник. М.: Русский Мирь, 2008. С. 273.
- ¹⁵ Казаков Ю. Калевала... С. 134.
- ¹⁶ Казаков Ю. Калевала... С. 140.
- ¹⁷ Пришвин М. В краю непуганых птиц... С. 213.
- ¹⁸ Пришвин М. В краю непуганых птиц... С. 46.
- ¹⁹ Казаков Ю. Калевала... С. 142.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антипина А. С. Архангельск в «Северном дневнике» Ю. Казакова: идеология и мифопоэтика // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 10 (163). С. 190–194.
2. Базанов В. Г. Карелия в русской литературе и фольклористике XIX века: Очерки. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1955. 308 с.
3. Боровская А. А., Егорова О. Г., Спесивцева Л. В. Неклассические принципы сюжетосложения в лирических рассказах Ю. Казакова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1 (856). С. 150–158. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_1_856_150
4. Кузьмичев И. Жизнь Юрия Казакова: документальное повествование. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга, журнал «Звезда», 2012. 536 с.
5. Маркова Е. И. Карельский текст как предмет изучения // Н. П. Анциферов. Филология прошлого и будущего. По материалам междунар. науч. конф. «Первые московские Анциферовские чтения». Москва, 25–27 сентября 2012 г. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 385–391.
6. Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. пед. ун-та, 2003. 196 с.

7. Патроева Н. В. Образы Финляндии и Карелии в русской романтической лирике: формирование поэтической традиции и синтаксиса тропеических контекстов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 37–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.349
8. Пахомова М. Ф. Карелия в творчестве советских писателей. Петрозаводск, 1974. 272 с.
9. Пахомова М. Ф. Пришвин и Карелия. Петрозаводск, 1960. 72 с.
10. Разумова И. «Под вечным шумом Кивача...» (Образ Карелии в литературных и устных текстах) // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 101–122.
11. Трубицина Н. А. Геопоэтические образы в творчестве Михаила Пришвина (на примере Русской Лапландии) // Творческое наследие Михаила Пришвина в системе современного гуманитарного знания: Материалы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. 20–21 апреля 2018 г. Елец: Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2018. С. 301–305.
12. Шилова Н. Л. Остров Киж и русская литература. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2018. 143 с. Электронное издание. 1 электрон. опт. диск.
13. Шилова Н. Л. По маршруту Паустовского: о карельских мотивах в прозе К. Г. Паустовского и Ю. П. Казакова // Творческое наследие Константина Паустовского в XXI веке: Сб. науч. тр. Вып. 1. М.: Макс Пресс, 2023. С. 273–285.
14. Шилова Н. Л. Север как Запад: литературный образ Карелии и практики позднесоветской венаходимости // Имагология и компаративистика. Томск, 2022. № 18. С. 346–364. DOI: 10.17223/24099554/18/17
15. Шилова Н. Л. Юрий Казаков и Карелия (по материалам писем к Ортьё Степанову 1961–1968 годов) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 3 (164). С. 115–120.

Поступила в редакцию 07.02.2024; принята к публикации 08.07.2024

Original article

Natalia L. Shilova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ORCID 0000-0001-8818-8535; shilova@petrsu.ru

MIKHAIL PRISHVIN'S NORTHERN TRAVELOGUES AS PRETEXTS FOR YURY KAZAKOV'S ESSAY "KALEVALA"

Abstract. The article is the first to examine essays by Mikhail Prishvin and Yury Kazakov about Karelia from the point of view of literary continuity. The system of textual echoes suggests the chapter "Mourner" from Prishvin's book *In the Land of Unfrightened Birds: Sketches of the Vygovsky Region* (1907) and the chapter "Sunny Nights" from his book *Following the Magic Kolobok* (1908) as pretexts for Kazakov's essay "Kalevala" (1962). A comparative analysis showed important similarities in the texts written by both authors. The unifying images and motifs include not only the North as the location, but also the episodes of meeting female storytellers, a journey to them by water, and the usage of folklore texts. At the same time, the texts of the two authors are very different stylistically. Prishvin's sketches are a widely developed narrative rich in ethnographic details, while Kazakov's "Kalevala" is a compact and expressive sketch. The story of events and people in Kazakov's text gives way to conveying impressions and creating lyrical tension. The conducted analysis concretizes our understanding of the ways to develop the image of Karelia in the twentieth-century Russian prose and the variability of this image created by different authors in different historical periods. It also enables to identify the images of female storytellers as a topos in the literary representation of Karelia.

Keywords: Karelia, northern text, travel sketch, topos, folklore, female storyteller

Acknowledgements. The author expresses her gratitude to E. V. Karakin, Senior Teacher at the Department of Baltic and Finnish Philology of Petrozavodsk State University, and M. V. Kundozerova, Cand. Sc. (Philology), Research Fellow at the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, for their help with attributing the cited rune texts.

For citation: Shilova, N. L. Mikhail Prishvin's northern travelogues as pretexts for Yury Kazakov's essay "Kalevala". *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(6):71–77. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1078

REFERENCES

1. Antipina, A. S. Arkhangelsk in the "Northern Diary" of I. Kazakov: ideology and mythopoetics. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2015;10(163):190–194. (In Russ.)
2. Bazanov, V. G. Karelia in Russian literature and folklore studies of the XIX century: Essays. Petrozavodsk, 1955. 308 p. (In Russ.)

3. Borovskaya, A. A., Egorova, O. G., Spesivtseva, L. V. Non-classical principles of plot composition in the lyric short stories by Y. Kazakov. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2022;1(856):150–158. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_1_856_150 (In Russ.)
4. Kuz'michev, I. The life of Yury Kazakov: documentary narration. St. Petersburg, 2012. 536 p. (In Russ.)
5. Markova, E. I. Karelian text as a subject of study. *N. P. Antsiferov. Philology of the past and the future. Proceedings of the international research conference "The First Moscow Antsiferov Readings". Moscow, 25–27 September 2012*. Moscow, 2012. P. 385–391. (In Russ.)
6. Mednis, N. E. Supertexts in Russian literature. Novosibirsk, 2003. 196 p. (In Russ.)
7. Patroeva, N. V. Images of Finland and Karelia in Russian romantic lyric poetry: formation of poetic tradition and syntax of trope contexts. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019;5(182):37–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.349 (In Russ.)
8. Pakhomova, M. F. Karelia in the works of Soviet writers. Petrozavodsk, 1974. 272 p. (In Russ.)
9. Pakhomova, M. F. Prishvin and Karelia. Petrozavodsk, 1960. 72 p. (In Russ.)
10. Razumova, I. "Under the eternal noise of Kivach..." (The image of Karelia in literary and oral texts). *Geo-panorama of Russian culture: Province and its local texts*. Moscow, 2004. P. 101–122. (In Russ.)
11. Trubitsina, N. A. Geopoetic images in the works of Mikhail Prishvin (using the example of Russian Lapland). *Creative legacy of Mikhail Prishvin in the system of modern humanitarian knowledge: Proceedings of the all-Russian research conference (with international participation). 20–21 April 2018*. Yelets, 2018. P. 301–305. (In Russ.)
12. Shilova, N. L. Kizhi Island and Russian literature [CD-ROM]. Petrozavodsk, 2018. 143 p. (In Russ.)
13. Shilova, N. L. Retracing Paustovsky's route: Karelian motifs in the prose of K. G. Paustovsky and Yu. P. Kazakov. *Creative legacy of Konstantin Paustovsky in the XXI century: Collection of articles*. Issue 1. Moscow, 2023. P. 273–285. (In Russ.)
14. Shilova, N. L. North as West: the literary image of Karelia and the late Soviet outsidership practice. *Imagology and Comparative Studies*. Tomsk, 2022. № 18. P. 346–364. DOI: 10.17223/24099554/18/17 (In Russ.)
15. Shilova, N. L. Yury Kazakov and Karelia (according to letters to Ortjo Stepanov during 1961–1968). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2017;3(164):115–120. (In Russ.)

Received: 7 February 2024; accepted: 8 July 2024

СТЕФАНИЯ ГЕОРГИЕВНА АМИРИДИ

кандидат филологических наук, преподаватель русского языка и литературы факультета языков, литературы и культуры Причерноморских стран
Фракийский университет им. Демокрита
(Комотини, Греция)
ORCID 0000-0002-1350-6807; stefibless@hotmail.com

МЕЖДУ ДВУХ МИРОВ: ОБРАЗ ГРЕКА В РАССКАЗЕ «HELLADOS» НОДАРА ДУМБАДЗЕ

А н н о т а ц и я . Анализ образа грека в рассказе «Hellados» Нодара Думбадзе раскрывает сложное взаимодействие между национальной идентичностью и современными этнокультурными и историческими реалиями. Целью нашего исследования является выявление национальных культурных компонентов и мотивов, их символической значимости в тексте. Известна долгая историческая связь греков с различными регионами Черноморского побережья. Поселения, основанные греческими колонистами, на протяжении веков пересекались с различными культурами, включая римлян, византийцев, турок-османов, русских, абхазов и др. В статье дан анализ проблем «чужого» и «пересечения миров», конфликта между этнической идентичностью, греческим самосознанием персонажа и грузинским социумом советской эпохи. Образ грека, представленный в рассказе Н. Думбадзе, используется автором для поднятия важных вопросов, связанных с проблемами общечеловеческих ценностей, межэтнических отношений, национальной идентичности, правом выбора и местом человека в современном мире.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Нодар Думбадзе, рассказ «Hellados», образ грека, греки Сухуми, этнокультурная идентичность, оппозиция «свой – чужой», грузинская «оттепель»

Д л я ц и т и р о в а н и я : Амириди С. Г. Между двух миров: образ грека в рассказе «Hellados» Нодара Думбадзе // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 6. С. 78–87. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1079

ВВЕДЕНИЕ

В рассказе Нодара Думбадзе «Hellados» писателем представлен процесс формирования образа «чужого» в контексте определенных исторических событий. Через судьбы, диалоги и душевные переживания главных героев автор освещает особенно болезненный период истории не только сухумских греков, но и представителей грузинской интеллигенции, подвергшихся репрессиям конца 1930-х годов. Вопрос греческой идентичности, ярко представленной в образе мальчика-грека Янгули в начале произведения, становится неотъемлемой частью более широкого контекста этнокультурных взаимодействий и политических динамик того времени. В решающий момент, когда герой сталкивается с выбором между двумя родинами, каждая из которых по-своему привлекает его, он делает выбор в пользу своего места рождения. Для Янгули настоящая родина – это Венецианское шоссе, Сухуми, друзья детства и Черное море¹. Выбор Янгули на самом деле воплощает в себе принцип симбиоза и син-

теза разнообразных культурных аспектов, проливая свет на то, как индивидуальные решения внутри исторических и социокультурных контекстов способствуют формированию национальной идентичности и взаимопониманию между этническими группами.

ОБРАЗ «ДРУГОГО» В ЛИТЕРАТУРЕ И КУЛЬТУРЕ

Исследование образа «Другого» в литературе принадлежит к области имагологии, тесно связанной с компаративистикой и возникшей в рамках этой дисциплины в середине XX века. Имагология, Imagology (от лат. imago – изображение, образ), дисциплина о создании, функционировании и интерпретации образов «Другого», «Чужого», изучающая также этнотипы (ethnotypes) как речевые конструкции, базирующиеся на повествовательных тропях (narrative tropes) и риторических формулах (rhetorical formulae)². Большинство российских исследователей сходятся во мнении, что имагология представляет собой междисциплинарное направление

в гуманитарных науках, цель которого заключается в анализе образов «Другого», изучении чужой страны, народа и культуры [4: 148, 149], [6]. Исследование образов, включая образ «Другого», занимает важное место и в других научных дисциплинах, особенно в исторической поэтике и компаративистике [7: 144]. Вопросы анализа особенностей национального характера на основе культурно-специфической деятельности также были подвергнуты критическому осмыслению, в результате которого «культурные различия стали изучаться с точки зрения отношений и восприятий, а не сущностей» [1: 88]. В греческом сравнительном литературоведении [14: 461–462] термин «имагология» представлен в трудах греческих ученых эквивалентом «εἰκονολογία» [13: 461–462], [16]; предлагаются в переводе на греческий язык и такие варианты, как «συγκριτική στερεοτυπολογία τῶν ἐθνικῶν εἰκόνων στὴ λογοτεχνία» (сравнительная стереотипизация национальных образов в литературе) [15: 15]. Национальный стереотип является «упрощенным, схематизированным, эмоционально окрашенным и чрезвычайно устойчивым образом какой-либо этнической группы, распространяемый на всех ее представителей» [5: 174]. По мнению Й. Леерсена [11: 14–19], роль распространения стереотипов в настоящее время перестает принадлежать исключительно художественной литературе, на смену которой приходит другая информационная среда – телевидение, комиксы, музеи и т. д. В связи с этим, согласно Й. Леерсену, удачным будет анализ, совмещающий интертекстуальные, контекстуальные и текстуальные элементы [11].

Связь между понятиями «Другой» и «Чужой» может быть выявлена путем анализа их репрезентаций в различных контекстах. В литературе и других формах художественного творчества, таких как кино, телевидение, изобразительное искусство, образ «Другого» нередко представляется в качестве воплощения «Чужого» для главного персонажа или общества в целом. Авторы часто используют персонажей или образы, отличающиеся от основной культурной или социальной группы, в целях создания контраста и подчеркивания различий в повествовании. Путем анализа исторического, политического и социального контекста можно определить конкретные черты или характеристики, приписываемые «Другому», и то, как они соотносятся с его статусом «Чужого». Анализ этих репрезентаций, а также классификация и интерпретация выявленных характеристик позволяют объяснить, как «Чужой» воспринимается и представляется

в сравнении с собой. Часто «Чужой» описывается через противопоставление себе, что подчеркивает различия между ними. Такой анализ помогает выявить существующие стереотипы и предубеждения относительно «Чужого» в данном контексте и их влияние на восприятие образа «Чужого» в обществе.

В исследовании был использован следующий подход: а) анализ репрезентаций в рамках интертекстуальности: исторический, политический и социальный контекст; б) сравнение литературного образа «Чужого» (hetero-image) с образом себя (self-image или auto-image); в) классификация и интерпретация характеристик и черт, приписываемых «Чужому».

ПИСАТЕЛЬ НОДАР ДУМБАДЗЕ И ЕГО ЭПОХА

Имя Нодара Думбадзе (14.07.1928–04.09.1984) хорошо известно не только в Грузии, но и далеко за ее пределами. Ошеломительный успех сопутствовал писателю в начале творческой карьеры и пришелся на 60-е годы прошлого столетия (период «оттепели» в советском обществе и литературе), и до сих пор Думбадзе остается одним из самых любимых и читаемых современных писателей Грузии. Его книги были изданы не только в советские времена, они продолжают издаваться и по сей день на всей территории постсоветского пространства, а также за рубежом. На данный момент география распространения книг Нодара Думбадзе охватывает почти все континенты и многие страны мира (около 70). Его произведения переведены на русский, английский, итальянский, испанский, греческий, украинский, белорусский, узбекский, молдавский, абхазский, азербайджанский, арабские, турецкий, бенгальский, вьетнамский, норвежский, польский, японский и другие языки. Известны также успешные экранизации, театральные постановки и радиопостановки по мотивам его произведений³, старые и новые, которые не потеряли свою актуальность до сих пор и пользуются большим успехом у зрителей всех возрастов, неся тепло и свет души грузинского писателя. Известно, что сам писатель присутствовал на многих постановках и ему нравилось, как оживают на подмостках его герои. В 2016 году в Грузии основан Международный фестиваль Нодара Думбадзе, который проводится раз в два года. Основателями фестиваля являются Озургетский театр, мэрия города Озургети и Министерство культуры и спорта Грузии.

Значимость Нодара Думбадзе в литературе неоспорима, его творчество положило начало не только новому художественному миру,

но и новому этапу в грузинской литературе, проявившемуся «в обобщении, в умении подняться от национального до общечеловеческого, в глубинном оптимизме и гуманистической устремленности, воплощенных в эмоциональной, лирической форме» [3: 8]. Огромные сдвиги в общественной жизни в конце 1950-х годов вызвали коренные обновления в искусстве и литературе. В грузинской литературе они были отражены «цискариевцами», поколением литераторов «оттепели», объединенных вокруг возрожденного в 1957 году молодежного журнала «Цискари»⁴. Начало творческого пути писателя и его литературный дебют неразрывно связаны с «Цискари», ставшим рупором знаменитых писателей-шестидесятников – Нодара Думбадзе и Чабуа Амиреджиби⁵.

Литературу второй половины XX века уже невозможно представить без творчества Н. Думбадзе, и это касается не только грузинской литературы, ибо в его творчестве плотно слились национальный и интернациональный потоки. Герои рассказов Нодара Думбадзе – люди разных национальностей: русские, украинцы, армяне, греки, цыгане. Романы и рассказы писателя пронизаны душевным теплом, полны добра и любви, а также глубокой веры в человеческое достоинство. Творчество Н. Думбадзе автобиографично и основано на описании времени жизни и событий своего поколения.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ РАССКАЗА «HELLADOS»

Многовековая история пребывания греков в районе Причерноморья (начиная с VIII века до н. э.) связана с формированием множества городов-государств (полисов), которые «никогда не теряли связей с населением Средиземноморья, довольствуясь ролью северной периферии античного мира в целом» [2: 5]. Вопрос, связанный с процессами миграции, влияния культур и формирования региональных общностей и в целом проблемой греческой колонизации Абхазии, «является предметом обсуждения исследователей многих поколений» [10: 1215]. Неоспорим значительный вклад греческого населения в торговлю, мореплавание и искусство, способствовавший расцвету региона как культурного и экономического центра.

Рассказ «Hellados»⁶, как и все произведения Н. Думбадзе, глубоко автобиографичен. Однако он отражает не только факты личной биографии (как и главный герой рассказа Янгули, автор рос без матери, перенес тяжелейший стресс в раннем возрасте из-за вынужденного отлуче-

ния, не только в данном рассказе фигурирует имя Анико – имя матери автора и т. д.), но и исторические факты (продолжительное знакомство автора с греческой общиной в Грузии и печальная история ее репрессий) [12: 469, 505].

В основе повествования – интригующий сюжет, наполненный драматизмом и юмором одновременно, разворачивающийся в контексте современной жизни. Главный герой, олицетворяющий собой типичного грека (с вытатуированными на левой части груди буквами Hellados), оказывается поставленным перед мучительным выбором между двумя мирами: наследием своих предков и современной реальностью. Ключевые события рассказа вращаются вокруг внутреннего конфликта героя, его поиска своей идентичности и места в современном обществе. Через серию встреч, диалогов и размышлений автор ведет читателя к пониманию вопроса национальной греческой (и не только) идентичности и места ее в современном мире. Рассказ «Hellados» основывается на реальных событиях жизни и истории греческой общины города Сухуми, кульминационным моментом которой является массовый отъезд греческого населения на историческую родину. Контекст и фон произведения составляют более широкие временные (первая половина XX века), этносоциокультурные (греческая община Сухуми, ее традиции, нормы, система ценностей, моральные установки и т. д.) и политические (государственная политика, касающаяся вопроса национальной идентичности, и ее последствия в социальной сфере) факторы, повлиявшие на интерпретацию образа грека.

Известно, что сам писатель каждый год проводил лето в своем доме в Гульрипши⁷ недалеко от Сухуми и лично был знаком с историей греческого народа в Абхазии. Ему не понаслышке были известны последствия мрачных политических событий в Грузии конца 1930-х годов⁸: родители Нодара, грузинские коммунисты, также были арестованы и репрессированы [9: 165–166], как и большинство греков, подвергшихся репрессиям и депортации по национальному признаку⁹. Боль расставания с близкими людьми, которую вынужден был испытать сам автор, чувство безысходности, потерянности и страданий из-за «чужих» решений чувствует также и главный герой произведения – мальчик-грек Янгули Александридис. Родившийся и выросший в Сухуми, он волею судеб обязан повиниться окончательному решению отца – переезду на постоянное место жительства на историческую родину, в Грецию. Поднявшись на палубу корабля «Посейдон», Янгули в последнюю минуту не на-

ходит в себе сил расстаться со всем, с чем он вырос, – с родным городом Сухуми и товарищами.

Целью нашего исследования является анализ образа грека в рассказе «Hellados», выявление культурных и национальных мотивов, их роли в нарративе. Актуальность исследования заключается в возможности пролить свет на многозначные символы, важные темы и мотивы, присутствующие в произведении и обогащающие его смысловую структуру.

ОБРАЗ ГРЕКА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЕ РАССКАЗА «HELLADOS»

В анализируемом тексте образ грека («Чужой») представлен, с одной стороны, как образ носителя другой культуры, иного культурного кода и социального статуса, с другой стороны, как образ (auto-image), который одновременно ассоциируется с культурой страны рождения и проживания.

Иноязычная (греческая) лексика играет важную роль в создании речевого образа героя, отражает его менталитет, эмоциональное состояние и культурный контекст в целом. Само название рассказа – «Hellados»¹⁰ является достаточно интригующим, особенно для тех, кто не знаком и не имеет прямого отношения к греческому языку и греческой культуре. Название рассказа отсылает к конкретному этносу, выдвигая на первый план также вопрос «чужеродности» через имя и фамилию главного персонажа – Янгули¹¹ Александриди, сына Христо Александриди. Используются и греческие собственные имена, являющиеся маркерами-определителями «другой» реальности, «другого» культурного фона: осла Янгули зовут Аполлон, корабль, на котором греки возвращаются на свою историческую родину, – «Посейдон», девушка, которую любит Янгули, – Мида¹². Таким образом, в самом начале автором выделены моменты, связанные с греческой культурой и национальными чертами, которые будут присутствовать до конца рассказа.

Время повествования строго ограничено и охватывает период первой половины XX века, в основном конец 30-х годов, которые считаются решающими в вопросе политического предопределения отношения власти к народам, не являющимся представителями «титულიйской нации»¹³. В повествовании отчетливо проявляются временные и пространственные параметры, знакомящие читателя с временем событий («Наше знакомство началось осенью тридцать восьмого» (Hellados: 410)), возрастом главного героя («четырнадцатилетний диктатор безраздельно властвовал над населением Венецианского

шоссе» (Hellados: 410)), а также местом его постоянного проживания в г. Сухуми («Янгули с отцом жили на Венецианском шоссе, у реки Чалбаш» (Hellados: 409)) и «местом обитания» Янгули и его команды («Тринадцатая школа, куда определила меня тетя, стояла за железным полотном, и потому мои встречи с Янгули у переезда стали неминуемы» (Hellados: 411)).

Повторяющимися мотивами являются словесные прения (с использованием греческого и грузинского языков), а также столкновения и драки между группой грека Янгули (и его другом Петей, также греком по национальности) и грузинском Джемалом (и его другом и двоюродным братом Кокой), которые достигают своей кульминации в решающем для последующих отношений обоим поединке. В этом поединке символическим является и выбор автором (который сначала повествует от имени Джемала, а далее от третьего лица) конкретного речевого профиля героев¹⁴.

Драка и словесные перепалки отражают конфликт и соперничество между главным героем и Янгули, противостояние двух миров, двух различных культурных и социальных кодов. Разделительная линия между «Я» и «Чужой» поставлена с самого начала. Обладающий развитым инстинктом выживания, Янгули не позволяет поставить под сомнение свое первенство:

«Я главарь, вожак в квартале, главарем и останусь... В квартале должен быть один вожак.»

«Да ты же знаешь его! Накостыляет он нам!» (Hellados: 416).

«Я, Янгули Александридис, избранный вами атаман...» (Hellados: 419).

«Это было немисливо – чтобы кто-нибудь в квартале осмелился поднять руку на Янгули» (Hellados: 423).

«Я не решался подходить к головорезам Янгули» (Hellados: 412).

«Чужой» Янгули, однако, в реальности ассоциирует себя полностью с местом, где он родился и вырос, за которое готов бороться до конца:

«Вместо того, чтобы воспользоваться нашим гостеприимством и великодушием, сей бледнолицый вздумал присвоить нашу благословенную землю, наше море, наши реки, золото, серебро, пастбища...» (Hellados: 419).

Даже после очередной драки, потерпев поражение, Янгули настаивает на своем: «Я скажу ребятам, что ты – парень что надо! Но первенства тебе я не уступлю» (Hellados: 421).

Национальная идентичность выражается через образ Янгули в диалоге и противостоянии с Джемалом: Янгули использует бранную лексику греческого языка, а Джемал – грузинского. В следующем примере подчеркнута немало важная деталь, дополняющая греческий образ:

для греческого населения Сухуми русский язык в большинстве своем являлся родным, поэтому Кока советует Джемалу выругать Янгули по-грузински, так как он все равно не поймет:

«...Янгули ждал, была моя очередь. – Ну давай, иначе проиграешь! – толкнул меня Кока. ...Скажи – шени деда ватире! Это ж не обидно! – Да как это сказать по-русски? – А ты скажи по-грузински. Он не поймет!..

– Янгули, шени деда ватире! – сказал я по-грузински. ... – И мана су ине простикаса инека, Джемал» (Hellados: 422).

Через диалоги Джемала и Янгули автор (в данном отрывке повествующий от имени Джемала) приходит к сравнению и восприятию образа грека Янгули («Чужого»), его речи через собственную идентичность, через свой речевой образ, образ себя (self-image). Поток незнакомых греческих слов воспринимается не как бранная лексика, а как музыка:

«Я понял, что Янгули тоже задел мою мать, но слова его прозвучали так мелодично, так приятно, словно пел он “Аве Марию”. И я снова повторил: шени деда ватире, Янгули! – И мана су ине простикаса инека, Джемал» (Hellados: 422).

Диалоги приветствия на греческом и грузинском продолжаются вплоть до самой развязки:

«Так продолжалось полгода. Потом страсти понемногу улеглись. Янгули и я свели бранный репертуар к одной-единственной фразе, которой, словно приветствием, обменивались при каждой встрече. – Шени деда ватире, Янгули! – И мана су ине простикаса инека, Джемал» (Hellados: 422).

В кульминационном моменте произведения, описывающем отъезд греков на историческую родину, в порту города Сухуми слышна греческая речь вперемешку с армянской, грузинской и русской. Последние слова, которые выкрикивает Янгули с отплывающего корабля Джемалу, это слова любви к матери, они обращены к матери Джемала и глубоко символичны: «– Джемал, эго агапо и мана су!», «– Джемал, я люблю твою мать!» (Hellados: 426). Писатель устами главного героя передает эмоции, переполняющие Джемала: «Он кричал это по-гречески, и мне казалось, что он поет» (Hellados: 426). Помимо главного героя¹⁵, говорящего на греческом, присутствует и второстепенный герой, грек Петя («...Петя-наш сосед и правая рука Янгули» (Hellados: 415)), говорящий также на греческом языке: «Янгули по-гречески сказал Пете несколько слов», «Петя поблагодарил Янгули по-гречески» (Hellados: 417).

В рассказе четко обозначаются культурные дивергенции: Янгули, проявляя преемственность к греческой культуре, поддерживает коммуникацию с Петей на греческом языке, тем самым

демонстрируя свою идентичность с греческой традицией. Кока, в свою очередь, выражает солидарность с главным героем и консультирует его на грузинском языке. Известно, что стереотип, в том числе национальный, «тесно связан с языковым фактором и, подобно национальной идентичности, имеет дискурсивную природу» [8: 142]. В рассказе Нодара Думбадзе семиотика речи выступает в роли значимого инструмента формирования уникального облика грека, создавая насыщенный пейзаж культурных взаимодействий.

В сюжете произведения представлены два этнических персонажа – Янгули и Джемал, взаимоотношения которых не складываются. Их характеры также отличаются: Янгули силен и бесстрашен; Джемал спокоен и избегает конфликтов: «...не нужно мне ничего! Ты – по своей, я – по своей дороге!» (Hellados: 421). Джемал не располагает широким кругом общения, в основном это двоюродный брат Кока; Янгули же является авторитетным лидером, заметной фигурой среди сверстников. Он управляет ими, используя свою силу, бесстрашие и ловкость. Многие из мальчишек боятся и уважают его, так как он обладает способностью быстро и справедливо решать конфликты. Янгули играет важную роль в рассказе, создавая драматические ситуации и напряженные моменты, связанные с его деятельностью в районе Венецианского шоссе. Изначально представленный негативно, образ Янгули по мере развития взаимоотношений с Джемалом становится положительным в глазах Джемала и читателей после важного переломного момента, касающегося вопроса матери.

Образ матери (или упоминание о ней) присутствует почти во всех произведениях Нодара Думбадзе. Обоим героям, как и автору, с детства пришлось пережить тяжелые душевные травмы и познать горечь сиротства. Сама тема особенно болезненна для писателя, мать которого была репрессирована, предположительно так же, как и мать его героя Джемала. Решение Янгули поменять свое бранное речевое поведение связано с уважением, благоговением по отношению к образу матери в целом, которой был лишен с младенчества, а также к образу матери Джемала. Писатель не указывает открыто на причину отсутствия матери в жизни Джемала. Об этом глубоко личном моменте собственной биографии Нодар Думбадзе сообщает устами Джемала: «Тетя моя Нина, привезла меня осиротевшего...» (Hellados: 410).

Описание судьбы матери дается в обтекаемой форме, понимание произошедших событий отдается на суд читателя:

«Вчера он (Янгули) спросил меня про твою мать. Где мол, она... Ну, я и ответил, что ее... что она... в общем, ответил, что ее уже нет... Потому-то он и не выругал тебя...» (Hellados: 423).

Вопрос отношения Янгули к матери Джемала стал поворотным для двух героев, положив конец всем столкновениям:

«С тех пор Янгули вдесятеро вырос в моих глазах. Вражды между нами как не бывало, но друзьями мы так и не стали. При встрече мы приветствовали друг друга поднятой рукой и дружелюбной улыбкой, и только. Если он, вместо отца, приносил нам молоко или мацони, мы заговаривали» (Hellados: 423).

Знакомство с Янгули в рассказе начинается с указания на национальную идентичность: «Янгули был сыном сухумского грека Христо Александриди» (Hellados: 409), перекликающуюся также с описанием внешности, элементов одежды, семейного и социального статуса:

«Тонкий, как шепка, широкоплечий, с прямым красивым носом, черными как уголь глазами и длинными, до колен, руками», «вызывающе улыбался», «зимой и летом Янгули носил распахнутую на груди черную сатиновую рубашку», «матери своей Янгули не помнил – она скончалась рано». «Все богатство Александриди состояло из крошечного огорода, коровы и серого ослика. Зарабатывали на жизнь, торгуя зеленью, молоком и мацони». «Янгули нигде не учился. Помогал отцу в хозяйстве и изредка развозил на ослике мацони по соседям. Все остальное время он коротал на улице» (Hellados: 409, 410, 411).

Образ грека как представителя другой культуры в рассказе дается глазами грузинских персонажей упрощенно, они воспринимают его как «чужого» и приписывают ему негативные характеристики: «паршивый грек», «хулиган», «осел», «греческий зеленщик», «погонщик ослов», «гнилой огурец», «головастик», «кретин», «бездельник», «обезьяна». «– Кто это? – спросил я. – Грек он, Янгули... Чтоб ноги твоей не было рядом с ним! Хулиган... Днюет и ночует на улице» (Hellados: 411).

Описание образа жизни, модели поведения, походки и других физических движений формируют образ Янгули:

«подкарауливал возвращавшихся из школы мальчиков, обыскивал их карманы... на другой день те же предметы по скидке продавал тем же ребятам, играл с ними на вырученные деньги, обобрав незадачливых партнеров, возвращался домой с набитыми карманами. Так продолжалось изо дня в день». «Янгули навондил ужас на всех сверстников в своем квартале. Дрался он как-то по-особому. Ему ничего не стоило отдубасить сразу двух-трех парней, не дав им даже шевельнуть рукой. Был он быстр и ловок, как кошка, и крепок, как камень. Янгули обязательно набрасывался на кого-нибудь из своего окружения – то нахлобучивал на глаза шапку,

то пинал ногой». «...его удары трещали на всю округу», «...подступиться к Янгули было не так-то легко: гибкое, потное его тело каждый раз выскальзывало из моих рук» (Hellados: 410, 411).

ГРЕЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ МОТИВЫ

В рассказе «Hellados» автор использует мотивы и символы для конструирования образа грека (язык и стиль речи, поступки, поведение, внутренний мир и внутренние размышления), которые служат выражением греческой идентичности и несут глубокий смысл. Это исторические и культурные корни (аспекты греческой истории, включающей многовековое присутствие греков на побережье Черного моря, и т. д.), аспекты культуры (отражающиеся в мировоззрении, ценностях, в речи и антропонимах), воспитание в русле греческих традиций, связанных с образом исторической родины, оказывающей влияние на мышление и поступки. В рассказе Н. Думбадзе достаточно элементов, связанных с Грецией, обогащающих смысловую глубину произведения и влияющих на образ грека [11: 15].

Греческая идентичность в рассказе представлена следующими тематическими классификаторами: а) мифологические отсылки: использование антропонимов, зоонимов и т. д., связанных с мифологией, и важное значение, которое они имеют для конструирования образа грека в тексте, б) исторические референции: исторический фон – история присутствия греков на Черноморском побережье, последние события современной истории – вынужденный массовый отъезд греков на историческую родину, в) символы и аллегории с национальным значением: татуировка Hellados, сцена прощания в порту, Мида как символ настоящей (грузинской) и далекой исторической (греческой) родины, г) лексика и стилистика: выражения, фразы и обороты речи, связанные с греческим языком и культурой.

Автор делает акцент на особенно важный с его точки зрения символический аспект, связанный с греческой идентичностью. Он представлен татуировкой Hellados на левой стороне груди Янгули, под сердцем:

«Янгули скинул черную сатиновую рубаху. Я вздрогнул, увидев его сильную, широкую грудь. К тому же меня почему-то смутило вытатуированное над левым его соском синими латинскими буквами слово Hellados». «Янгули... стал натягивать рубаху. И я еще раз прочел на его груди голубое слово Hellados». «...я вновь прочел на его широкой груди магическое слово Hellados» (Hellados: 417, 420).

Татуировка упоминается в тексте четыре раза: изначально, при первой драке Янгули, по завершении ее и в конце, когда благодаря ей Джемал опознает тело своего друга. «Я узнал покойника.

Узнал, когда на широкой его груди, над левым соском увидел голубое магическое слово Hellados» (Hellados: 426).

Кризис национальной идентичности проявляется в раздумьях и метаниях главного героя, особенно обострившихся после решения об отъезде, принятого греческой общиной. Кризис национальной идентичности Янгули, находящегося между двух миров, сказывается и на его последующем выборе.

МЕЖДУ ДВУМЯ МИРАМИ: ПЕРЕСЕЧЕНИЕ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

В образе Янгули переплетаются характерные национальные ценности и этические принципы, аспекты его идентичности усиливаются и контрастируют с идентичностью других героев. Однако по мере развития сюжета, взаимодействия с другими персонажами и окружающим миром Янгули начинает понимать, что его изначальные установки и убеждения относительно принадлежности исключительно к греческому миру противоречат его чувствам и сердцу. Автор показывает, как элементы других культур пересекаются с образом грека и как это влияет на сюжет и общее восприятие. Описание следующей сцены помогает понять внутренний нарастающий конфликт, связанный с идентичностью Янгули и его местом в мире. Джемал не узнает Янгули, у которого все лицо в синяках: «...было за что» (Hellados: 424). Весь трагизм ситуации для Янгули заключается в ее неизбежности: он не может противиться окончательному решению отца:

«...нам не одолеть его!.. ни нам, ни всему Венецианскому шоссе...». «Через три дня в Сухуми придет пароход из Греции. Здешние греки возвращаются в Элладу. Мой отец тоже...». «...я не хочу ехать с ними... Папа говорит – там мол, наша родина, родная земля... Что нас, мол, зовет кровь предков и мы обязаны внять этому зову...» (Hellados: 423, 426).

В тяжелых метаниях между двумя мирами – реальным, в городе Сухуми, и далеким и неизвестным, в Греции, в процессе поиска своей идентичности Янгули четко для себя решает, что не хочет уезжать вместе со своим народом, не хочет покинуть родной город и страну:

«...Я вырос на Венецианском шоссе, на улице... Моя родина, моя Эллада – это Сухуми, шоссе, Чалбаш, это – Кока, Петя, Курлика, Фема, Черное море, мост... это Мида... и ты тоже» (Hellados: 426).

Несмотря на то что Янгули относится с большим уважением к своим корням, внутренний конфликт между греческой традицией и современностью неизбежен. Диалог с культурным наследием, присутствующий в жизни греков г. Сухуми, есть и в жизни самого Янгули: аспекты греческой идентичности подчеркнуты

везде, однако один ее аспект он ставит под сомнение – понятие истинной родины.

«А это что? – я распахнул рубаху на груди Янгули и громко прочел: Hellados.

Это-наколка, Джемал. А родина – она глубже, в самом сердце. – Янгули положил руку себе на грудь...» (Hellados: 424).

Одна из последних сцен прощания в порту вызывает бурю эмоций и выглядит душераздирающей:

«Вечером весь Сухуми вышел в порт. Было много цветов, играл оркестр, люди пели, плясали. Было много “спасибо”, “до свидания”, “прощай”, но больше всего было слез. Жители Сухуми прощались с греками – со своей кровью и плотью, с частицей своей души. Греки уже поднялись на корабль – на белоснежный “Посейдон”, и оттуда что-то кричали, размахивая руками, по-гречески, по-русски, по-грузински, по-армянски» (Hellados: 425).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рассказе Н. Думбадзе «Hellados» образ грека («Чужой») воплощает в себе двойственность культурных и социальных атрибутов: он одновременно представляет иной культурный код и социальный статус, но также является важным автопортретом, отражающим связь с культурой своей страны. Автор использует этот образ для анализа важных тем и концепций, раскрывая их через противоречия между греческой идентичностью и другими культурными аспектами.

Анализ этнокультурных аспектов помогает автору более глубоко исследовать и выразить свои взгляды на мир. Один из главных фокусов данного произведения – это понятия родины и дружбы через призму культурных противоречий, вызовов и символов. Н. Думбадзе показывает, как эти два понятия становятся структурообразующими компонентами личности и в конечном итоге сливаются в единое целое, отражая глубокое чувство принадлежности и взаимосвязи между культурой и личными отношениями персонажей. Такие важные понятия, как родина и дружба, в конце произведения соединяются и получают свое воплощение через символические образы. Эти образы передаются в последнем обращении Янгули к Джемалу, пропитанном любовью: а) к образу родины-матери Грузии (мать Джемала), б) к образу девушки Миды, который имеет свои корни в греческой мифологии: Мида (сокращение от Медея), жена одного из аргонавтов Ясона и дочь царя Колхиды, становится символом неразрывной связи Грузии и Греции, древних культур и духа дружбы. Образы и символы являются неотъемлемой частью рассказа. Через образ грека Янгули Н. Думбадзе приводит читателей к выявлению и обсуждению универсальных аспектов человеческой природы, имеющих резонанс за рамками конкретного произведения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Думбадзе Н. Hellados // Думбадзе Н. В. Собрание сочинений: В двух томах / Пер. с грузинского Зураба Ахвледiani и др. Т. 2. Тбилиси: Мерани, 1986. С. 424. Далее цитируется по этому изданию с указанием в скобках названия и страницы.
- ² Αμπατζοπούλου Φρ., Ο Άλλος εν διωγμώ. Η εικόνα του Εβραίου στη λογοτεχνία. Ζητήματα ιστορίας και μυθοπλασίας. Αθήνα: Θεμέλιο, 1998. Σ. 239–247.
- ³ Большим успехом в последнее время пользуются постановки режиссера, хореографа и исполнителя Георгия Иобадзе как в России (Тольятти, Нижневартовск, Тобольск) – спектакль «“Наше всё...” Нодар Думбадзе» (<https://www.nations.theater/spektakli/nashe-vse-nodar-dumbadze>), так и за рубежом (Лондон) – спектакль «Я, бабушка, Илико и Илларион» (<https://www.kommersant.uk/articles/teplye-ob-yatiya-gruzii-v-londone-pokazhut-spektakl-po-motivam-knigi-nodara-dumbadze>); первый телевизионный спектакль («Я. Бабушка. Илико и Илларион» 1962 года, реж. Т. Абуладзе); спектакль «Собака» (<http://www.evpori.ru/spektakl-sobaka-po-motivam-proizvedeniya-gruzinskogo-pisatelya-nodara-dumbadze.html>) и др. Известны также постановки Пермского мистического театра «У моста» со спектаклем «Зурикела»; Государственно-драматического театра Гянджы (Азербайджан) со своей версией рассказа «Хелладос»; Акмолинского областного русского драматического театра – постановка «Хелладос» режиссера Ираклия Гогия (премьера 30 марта 2023 года) и др.
- ⁴ Журнал «Цискари» (груз. ცისკარი – Заря) был основан в 1852 году и выходил на грузинском языке с перерывами. В журнале публиковались произведения выдающихся грузинских писателей XIX века, а также переводы многих русских и европейских писателей, таких как Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Жуковский, Тургенев, Байрон, Гюго, Диккенс. Печатались также исторические и публицистические статьи. National Parliamentary Library of Georgia <https://dspace.nplg.gov.ge/handle/1234/2?offset=240>. В 1957 году в Тбилиси начинает издаваться ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал, орган ЦК ЛКСМ и Союза писателей Грузинской ССР «Цискари», тираж которого составлял около 27 тыс. экземпляров. В 2010 году была предпринята попытка издания журнала с прежним названием как продолжение легендарного грузинского литературного журнала в надежде, что его возрождение станет таким же судьбоносным, как и 60 лет назад. С марта 2015 года журнал начинает также выходить и на абхазском языке с переводами произведений грузинских авторов. Еще одна цель, которую преследует журнал, это знакомство грузинского читателя с абхазской литературой. В связи с этим в журнале дан перевод с русского языка на грузинский абхазских авторов.
- ⁵ Чабуа И. Амирэджиби (1909–1937), в монашестве Давид, наряду с Нодаром Думбадзе один из выдающихся представителей и классик грузинской литературы XX века. Автор знаменитого романа «Дата Туташхиа» (1973–1975). Его литературные произведения затрагивали важные социальные и политические вопросы и оказали большое влияние на литературную среду своего времени.
- ⁶ Часто встречается во многих электронных источниках или театральных постановках версия перевода рассказа «Hellados» как «Хелладос» (<https://ticketon.kz/event/khellados>) или «Возвращение» (<https://teatr.audio/dumbadze-nodar-vozvraschenie>). Рассказ известен греческому читателю под названием «Ο “HELLADOS” ένα ελληνάκι του Καυκάσου» в переводе с грузинского Θάμαρ Μέσση, издательство «Πολιτιστική εταιρεία Πανόραμα», 1992. Грузинский язык является языком оригинала произведения. В нашем анализе мы использовали перевод произведения на русский язык, осуществленный З. Ахвледiani в 1986 году.
- ⁷ Гульрипши (გულრიფში) – поселок городского типа в Абхазии, находящийся на берегу Сухумской бухты Черного моря в 12 километрах юго-восточнее города Сухум. Известно, что для Нодара Думбадзе дом в Гульрипши являлся отдушиной (солнце и море были его любимыми стихиями), где он писал и проводил время с друзьями.
- ⁸ Речь идет о механизме советских репрессий и жертвах массового террора периода 1936–1938 годов. Согласно исследованиям, жертвами Большого террора 1930-х годов явились «известные лица» Грузии – писатели, артисты, ученые, среди которых были и родители самого писателя (<https://www.memo.ru/media/uploads/2017/03/02/geabilitacia.pdf>).
- ⁹ Относительно вопроса репрессий греческого народа периода 1937–1938 годов хочется особо выделить труд современного греческого историка Власиса Агдзидиса (Βλάχης Αγτζίδης «Παρευξείνιος Διασπορά. Οι ελληνικές εγκатаστάσεις στις βορειοανατολικές περιοχές του Εύξεινου Πόντου», εκδ. οίκος Αδελφών. Κυριακίδη, 2001). К сожалению, история репрессий греков Причерноморья не закончилась в 1938 году. 1949 год также был охарактеризован историками как трагический год депортации греков Абхазии (Кешаниди Х. Выселение греков СССР в 1949 году. Афины, 2015 – http://apsnyteka.org/file/Keshanidi_Vyselenie_grekov_SSSR_v_1949_godu_2015.pdf). По данному вопросу см. также: Иоанниди Н. Н. Греки в Абхазии: Очерки истории греческого населения Абхазской АССР. Сухуми: Алашара, 1990. С. 4–5 и, особенно, 35–59.
- ¹⁰ От Hellas – название Греции в античные времена, является транслитерацией с древнегреческого языка Ελλάς. Упоминается со времен Фукидида. На данный момент официальное название Греции в ЕС и международных источниках. См. также: Γ. Μπαμπινιώτης Λεξικό της Νέας Ελληνικής Γλώσσας. Σ. 588. Δεύτερη έκδοση, Κέντρο Λεξικολογίας, Αθήνα, 2002; Μείζον Ελληνικό Λεξικό. Αρμονία, 1997. Σ. 1350. О более обширном понятии см. эл. словарь «Collins» (https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/hellas#google_vignette).
- ¹¹ От Γιάγκος (Янгос), Γιαγούλης (Янгулис) – уменьшительно-ласкательное от греческого имени Γιάννης (Яннис) от Ιωάννης (Иоаннис).

- ¹² Мида – сокр. от греч. Μίδεια (в рус. яз. Медея). Согласно греческой мифологии, дочь царя Колхиды Эата и океаниды Идии, внучка бога Гелиоса и волшебница. Легендарная супруга аргонавта Ясона, прибывшего в Колхиду в поисках золотого руна.
- ¹³ См.: Большая российская энциклопедия (2004–2017) (<https://old.bigenc.ru/law/text/4193479>).
- ¹⁴ Надо отметить, что в русском переводе Зураба Ахвледиани (1986) намеренно приводится транслитерация грузинских и греческих выражений и фраз, усиливающих образы героев.
- ¹⁵ В рассказе в роли главного героя выступают попеременно грек Янгули и Джемал, с которым автор себя ассоциирует. Таким образом, повествование часто ведется от имени Джемала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахарева М. Д. Современная имагология: значение и перспективы развития // Концепт: философия, религия, культура. 2022. Т. 6, № 2. С. 86–101 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-2-22-86-101> (дата обращения 10.08.2023).
2. Березин А. А. Источниковедческий обзор памятников античной эпохи Северного Причерноморья // Вопросы подводной археологии. 2010. С. 5–23 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mpac-book.ru/files/text2010.pdf> (дата обращения 10.08.2023).
3. Гвердцители Г. Солнечное сердце. Вступительная статья // Думбадзе Н. В. Собрание сочинений: В двух томах / Пер. с грузинского Зураба Ахвледиани и др. Тбилиси: Мерани, 1986. Т. 1. С. 5–26.
4. Дима А. Образ иностранца в различных национальных литературах // Дима А. Принципы сравнительного литературоведения. М., 1977. С. 148–153.
5. Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию: Учеб. пособие. М.: Ключ-С, 1999. 224 с.
6. Поляков О. Ю., Полякова О. А. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров: Радуга-Пресс, 2013. 162 с.
7. Садохин А. П., Грушевицкая Т. Г. Этнология: Учебник для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия: Высш. шк., 2000. 304 с.
8. Филюшкина С. В. Национальный стереотип в массовом сознании и литературе (опыт исследовательского подхода) // Логос. 2005. № 4 (49). С. 141–155.
9. Хвадгвани И. Жертвы политических репрессий в Грузии: отношение общества и процесс реабилитации // Реабилитация и память. Отношение к жертвам советских политических репрессий в странах бывшего СССР: Материалы междунар. конф. «Долгое эхо диктатуры. Жертвы политических репрессий в странах бывшего СССР – реабилитация и память», Москва 10–12 сентября 2014 г. в рамках проекта «Судьба жертв политических репрессий – право на реабилитацию и память». М.: «Мемориал» – «Звенья», 2016. С. 152–192.
10. Gabelia A. N. Dioskurias, Ancient Greek colonies in the Black Sea / Ed. by D. V. Grammenos, E. K. Petropoulos // Publications of the Archaeological Institute of Northern Greece. № 4. Thessaloniki, 2003. Vol. II. P. 1215–1217.
11. Leerssen J. Imagology: On using ethnicity to make sense of the world // Iberical, Revue d'études ibériques et ibéro-américaines. 2016. № 10. P. 13–31.
12. Αγτζίδης Β. Παρευξείνιος Διασπορά. Οι ελληνικές εγκαταστάσεις στις βορειοανατολικές περιοχές του Εύξεινου Πόντου. Εκδ. οίκος Αδελφών Κυριακίδη, 2001. 788 σ.
13. Αμπατζοπούλου Φρ. Ο Άλλος εν διωγμώ. Η εικόνα του Εβραίου στη λογοτεχνία. Ζητήματα ιστορίας και μυθοπλασίας. Αθήνα: Θεμέλιο, 1998. 510 σ.
14. Κούγκουλος Θ. Β. Οι Πομάκοι της Θράκης στο σύγχρονο ελληνικό μυθιστόρημα: Εικονολογική προσέγγιση // Οι Πομάκοι της Θράκης πολυεπιστημονικές και διεπιστημονικές προσεγγίσεις. Θεσσαλονίκη: Κ. & Μ. Σταμούλης/Ιωάννης Αρχ. Χαρπαντιδής, 2020. Σ. 461–482.
15. Οικονόμου-Αγοραστού Ι. Εισαγωγή στη Συγκριτική Στερεοτυπολογία των εθνικών χαρακτηριστικών στη λογοτεχνία. Θεσσαλονίκη: University Studio Press, 1992. 120 σ.
16. Τριανταφυλλίδου Τ. Αναπαραστάσεις των Ελλήνων στα έργα Ρώσων λογοτεχνών. Θεσσαλονίκη: Εκδοτικός οίκος Αντ. Σταμούλη, 2008.
17. Ζάρας Α. Αναζητήσεις όψεων ελληνικότητας στη νουβέλα του του Nodar Dumbadze «Ο Hellados, ένα ελληνάκι του Καυκάσου» // Πρακτικά Διεθνούς Συνεδρίου Λογοτεχνία και διαπολιτισμικές διαδρομές. Κομοτηνή, 2015. Σ. 1–17.

Поступила в редакцию 16.09.2023; принята к публикации 17.06.2024

Original article

Stefania G. Amiridou, Cand. Sc. (Philology), Assistant Professor, Democritus University of Thrace (Komotini, Greece)
 ORCID 0000-0002-1350-6807; stefibless@hotmail.ru

**BETWEEN TWO WORLDS: THE IMAGE OF A GREEK
 IN THE SHORT STORY “HELLADOS” BY NODAR DUMBADZE**

Abstract. The analysis of the image of a Greek in Nodar Dumbadze’s short story “Hellados” reveals a complex relationship between national identity and contemporary ethno-cultural and historical realities. The aim of this study

is to identify national cultural components and motifs within the text and explore their symbolic significance. The long-standing historical connection between Greeks and various regions along the Black Sea coast is well documented. Over the centuries, settlements established by Greek colonists have interacted with a multitude of cultures, including the Romans, Byzantines, Ottoman Turks, Russians, Abkhazians, and others. This article examines the “us/them” dichotomy and the issue of the intersection of worlds, focusing on the conflict between ethnic identity, the character’s Greek self-awareness, and the Georgian society of the Soviet era. The image of the Greek character in Dumbadze’s short story is used to address critical issues concerning universal values, interethnic relations, national identity, individual choice, and a human’s place in the modern world.

Key words: Nodar Dumbadze, short story “Hellados”, image of a Greek, Sukhumi Greeks, ethno-cultural identity, “us/them” dichotomy, Georgian “thaw”

For citation: Amiridou, S. G. Between two worlds: the image of a Greek in the short story “Hellados” by Nodar Dumbadze. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(6):78–87. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1079

REFERENCES

- Bakhareva, M. D. Modern imagology: significance and development prospects. *Concept: Philosophy, Religion, Culture*. 2022;6(2):86–101. Available at: <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-2-22-86-101> (accessed 10.08.2023). (In Russ.)
- Berezin, A. A. Source review of ancient monuments in the Northern Black Sea region. *Issues of Underwater Archeology*. 2010:5–23. Available at: <http://www.mpac-book.ru/files/text2010.pdf> (accessed 10.08.2023). (In Russ.)
- Gverdsiteli, G. Solar heart. Introductory article. *Dumbadze, N. V. Collected works in two volumes*. Tbilisi, 1986. Vol. 1. P. 5–26. (In Russ.)
- Dima, A. The image of a foreigner in various national literatures. *Dima, A. Principles of comparative literary criticism*. Moscow, 1977. P. 148–153. (In Russ.)
- Lebedeva, N. M. Introduction to ethnic and cross-cultural psychology: Textbook. Moscow, 1999. 224 p. (In Russ.)
- Polyakov, O. Yu., Polyakova, O. A. Imagology: theoretical and methodological foundations. Kirov, 2013. 162 p. (In Russ.)
- Sadokhin, A. P., Grushevitskaya, T. G. Ethnology: Textbook for students of higher educational institutions. Moscow, 2000. 304 p. (In Russ.)
- Filyushkina, S. V. National stereotype in mass consciousness and literature (experience of using a research approach). *Logos*. 2005;4(49):141–155. (In Russ.)
- Khvadagiani, I. Victims of political repression in Georgia: public attitude and the process of rehabilitation. *Rehabilitation and memory. Attitude towards victims of Soviet political repression in the countries of the former USSR: Proceedings of the international conference “The Long echo of dictatorship. Victims of political repression in the countries of the former USSR – rehabilitation and memory”, Moscow, 10–12 September 2014 (project “The fate of victims of political repression – the right to rehabilitation and memory”)*. Moscow, 2016. P. 152–192. (In Russ.)
- Gabelia, A. N. Dioskurias, Ancient Greek colonies in the Black Sea. (D. V. Grammenos, E. K. Petropoulos, Eds.). *Publications of the Archaeological Institute of Northern Greece*. No 4. Thessaloniki, 2003. Vol. II. P. 1215–1217.
- Leerssen, J. Imagology: On using ethnicity to make sense of the world. *Iberical, Revue d’études ibériques et ibéro-américaines*. 2016;10:13–31.
- Αγτζίδης, Β. Παρευξείνιος Διασπορά. Οι ελληνικές εγκαταστάσεις στις βορειοανατολικές περιοχές του Εύξεινου Πόντου. Εκδ. οίκος Αδελφών Κυριακίδη, 2001. 788 σ.
- Αμπατζοπούλου, Φρ. Ο Άλλος εν διωγμό. Η εικόνα του Εβραίου στη λογοτεχνία. Ζητήματα ιστορίας και μυθοπλασίας. Αθήνα, 1998. 510 σ.
- Κούγκουλος, Θ. Β. Οι Πομάκοι της Θράκης στο σύγχρονο ελληνικό μυθιστόρημα: Εικονολογική προσέγγιση // Οι Πομάκοι της Θράκης πολυεπιστημονικές και διεπιστημονικές προσεγγίσεις. Θεσσαλονίκη, 2020. Σ. 461–482.
- Οικονόμου-Αγοραστόυ, Ι. Εισαγωγή στη Συγκριτική Στερεοτυπολογία των εθνικών χαρακτηριστικών στη λογοτεχνία. Θεσσαλονίκη, 1992. 120 σ.
- Τριανταφυλλίδου, Τ. Αναπαραστάσεις των Ελλήνων στα έργα Ρώσων λογοτεχνών. Θεσσαλονίκη, 2008.
- Ζάρας, Α. Αναζητήσεις όψεων ελληνικότητας στη νουβέλα του Νодар Думбадзе «Ο Hellados, ένα ελληνάκι του Καυκάσου» // Πρακτικά Διεθνούς Συνεδρίου Λογοτεχνία και διαπολιτισμικές διαδρομές. Κομοτηνή, 2015. Σ. 1–17.

Received: 16 September 2023; accepted: 17 June 2024

ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА СЕДОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики обучения литературе филологического факультета

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет

(Челябинск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-7490-2205; helens82@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИИ В РОМАНЕ ДЖ. БОЙНА «МАЛЬЧИК В ПОЛОСАТОЙ ПИЖАМЕ»

А н н о т а ц и я . Актуальность исследования заключается в обращении к не изученной на сегодняшний день проблеме соотношения вымысла и исторической правды в романе Дж. Бойна «Мальчик в полосатой пижаме». Писатель творчески перерабатывает исторический материал (Вторая мировая война, трагедия Холокоста) с целью пробудить интерес читателей к событиям истории, обсудить сложные вопросы морально-этического плана (дружба, предательство, выбор, семья, духовные ценности и т. д.). Цель статьи – проанализировать соотношение документального и художественного в романе Дж. Бойна «Мальчик в полосатой пижаме». Используя культурно-исторический и герменевтический методы, мы пришли к выводу, что Бойн не стремится к точному воспроизведению исторических событий: он создает притчу, цель которой – обратиться к этической стороне вопроса. Особое место в повествовании отведено восприятию происходящего ребенком: в романе показана наивная, наполненная фантазиями, не перегруженная драматизмом детская точка зрения. Анализируется художественное пространство, в котором важными являются следующие составляющие: вымышленный городок Out-With, в названии которого подчеркивается идея выброшенности героев за пределы жизни; лагерь – символ смерти; забор – разъединения людей. Дружба между мальчиками разных национальностей, составляющая основу сюжета, воспринимается как идея равенства всех людей вне зависимости от этнической принадлежности. Используя лингвистический метод, мы обратились к оригиналу текста романа Бойна и его переводу на русский язык с целью выделить наиболее значимые моменты, которые были утрачены при переводе (например, рассуждение о смысле названия городка Out-With). Таким образом, роман Дж. Бойна – это соединение документального и художественного, что придает произведению притчевое начало.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Дж. Бойн, «Мальчик в полосатой пижаме», Холокост, притча, история, художественный вымысел, художественное пространство

Д л я ц и т и р о в а н и я : Седова Е. С. Художественная интерпретация истории в романе Дж. Бойна «Мальчик в полосатой пижаме» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 6. С. 88–96. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1080

ВВЕДЕНИЕ

Роман Джона Бойна «Мальчик в полосатой пижаме» (*The Boy in the Striped Pyjamas*) – одно из самых известных произведений автора, которое было переведено на более чем 50 языков. В 2008 году вышла экранизация книги Бойна с тем же названием (режиссер и сценарист Марк Херман). Фильм получил множество наград в разных номинациях, среди которых Премия британского независимого кино (British Independent Film Awards, 2008), Премия Лондонского кружка кинокритиков (London Critics Circle Film Awards, 2008), Премия «Молодой ак-

тер» (Young Artist Awards, 2009) и др. Более того, по роману «Мальчик в полосатой пижаме» поставлен спектакль – так называемый «образовательный проект» для детей, в котором главные роли также исполняли дети, в лондонском The Children’s Theatre Partnership. В 2017 году на сцене Northern Ballet Theatre в Лидсе (Великобритания) состоялась премьера балета по данному произведению Дж. Бойна (постановщик и хореограф Даниэль Андраде). 11 и 12 января 2023 года в The Cockpit Theatre в Лондоне зрители увидели премьеру оперы «Мальчик в полосатой пижаме».

Неослабевающий интерес к роману Дж. Бойна обусловлен тем, что автор обращается к трагическим событиям прошлого (Вторая мировая война, Холокост) и обсуждает сложные вопросы морально-этического плана, а интерпретация романских событий разными видами искусства является попыткой донести до зрителя главную идею писателя – не повторить ошибок прошлого.

Роман Дж. Бойна «Мальчик в полосатой пижаме» не перестает быть предметом пристального изучения как отечественного, так и зарубежного литературоведения. Ученые рассматривают следующие аспекты: историческая тема в романе (О. А. Бычкова [3], М. В. Позина [8], И. Ю. Бодрова [2], М. Ачиллес [12]); система образов (Н. Н. Бедина и А. С. Панова [1], О. В. Дрожжина [6], О. Л. Гиль и А. В. Подворная [5], Т. И. Устинова [10]); реализация близнечного мифа в тексте (Н. Н. Бедина и А. С. Панова [1], О. В. Дрожжина [6]); индивидуальный стиль писателя (Л. Д. Якубова и Н. В. Пасекова [11], Д. Л. Бенегас [14]); сравнение книги Дж. Бойна и его киноверсии (М. Ачиллес [12]).

Однако на сегодняшний день неизученной остается проблема соотношения вымысла и исторической правды в романе Дж. Бойна «Мальчик в полосатой пижаме». Наша задача – восполнить данный пробел.

* * *

В своем произведении Дж. Бойн обращается к одной из значимых исторических тем – Холокосту, которую раскрывает сквозь призму детского восприятия: автор повествует о дружбе немецкого и еврейского мальчиков, которые встречаются у забора.

Говоря о замысле своего романа [15], писатель отмечал, что первоначально возникла идея о двух мальчиках, зеркалах друг друга, сидящих по обе стороны забора из колючей проволоки:

«Я знал, что это забор, я знал, что это место, где никто не должен быть, не говоря уже о двух мальчиках. Мне было интересно само путешествие, которое их привело туда, их разговоры, которые они будут вести, и неотвратимый конец, который, как я чувствовал, получит их история. Я хотел, чтобы забор был почти самостоятельным персонажем в книге. Иногда это действует почти как зеркало, потому что чем больше мальчики узнают друг друга <...> они склонны подражать действиям друг друга. Когда один встает, другой встает. Когда один садится, другой садится» (перевод наш. – Е. С.) [18].

Бруно – сын коменданта лагеря, Шмуэль – пленник концентрационного лагеря. Случайно обнаружив мальчика в полосатой пижаме у забора, Бруно сразу готов видеть в нем своего нового друга (старые друзья остались в Берлине).

С точки зрения исторической такая дружба невозможна, поскольку детей, прибывших в Аушвиц, сразу же отправляли на смерть в газовые камеры или они становились жертвами медицинских экспериментов.

Прибегая к вымыслу, делая историю отношений центральной в своем произведении, Дж. Бойн в интервью отмечал, что его роман «намеренно имеет подзаголовок – притча (a fable), произведение, в котором заключена мораль» [17]. Такое уточнение отнюдь не случайно. Автор поясняет, что его роман должен вдохновить молодых людей на собственное изучение Холокоста, «которое в моем случае началось в возрасте 15 лет и продолжалось в последующие десятилетия» [17]. Бойн подчеркивает, что художественная литература может сыграть важную роль в знакомстве юных читателей со сложными темами, но необходимо принимать во внимание тот факт, что «между воображением и реальностью существует законное пространство. Однако, сопереживая моим главным героям... юный читатель может научиться сочувствию и доброте» [17]. Таким образом, автор не стремится к документальной точности и достоверности, он перерабатывает исторический материал (история Холокоста) с целью пробудить интерес читателей (и молодого поколения в частности) к истории, обсудить сложные вопросы морально-этического плана, задуматься над уроками прошлого [16]. Можно сказать, что Бойн осмысляет историческое прошлое с нравственных позиций.

Этой же идеи придерживается Герд Байер, заявляя, что читатель Бойна не должен полагаться на «действительную истинность его текста» [13]. Он считает, что роман Бойна вписывается в жанр художественной литературы о Холокосте (Holocaust fiction). Писатель использует общие знания о Холокосте, чтобы создать притчу, цель которой не воспроизвести историю, а обратиться к морально-этической стороне вопроса. Повествование ведется от лица ребенка: мальчик делится своим опытом со сверстником (дано детское восприятие исторических событий) [13]. Таких примеров в литературе много, наиболее яркий – «Жестяной барабан» Г. Грасса.

Как отмечает Н. Н. Максимкина, в текстах «документальный материал умело модифицируется писателем. Таким образом, происходит художественное домысливание обстоятельного фактора повествования» [7: 3]. Подобным домысливанием является дружба Бруно и Шмуэля. Однако в тексте романа есть маркеры, указывающие на конкретные исторические события, но они подвергаются художественной

переработке. Так, действие романа происходит в 1943–1945 годах сначала в Берлине, Германия (гл. 1, 11, 5, 8, 16), а затем в городке Out-With (Аж-Вись в русском переводе Е. Полецкой), Польша (гл. 2–7, 9–20), где находится лагерь для заключенных. Автор намеренно нарушает хронологию, чтобы показать контраст между прежней и нынешней жизнью, а также сместить фокус восприятия Бруно, погрузившись в его воспоминания о жизни в Берлине.

Начинается произведение с «открытия» главного героя, наблюдающего, как служанка Мария упаковывает его вещи: отец Бруно назначен комендантом, поэтому семья скоро покинет свой дом в Берлине и отправится в городок Аж-Вись. С первых строк сообщается, что новая работа отца – «важная для нашей страны. Важная для Фурора» (69)¹. Однако не все члены семьи принимают продвижение Ральфа по службе. Так, матери Ральфа Натали стыдно, что ее сын фактически становится убийцей. Его нацистская униформа вызывает у нее отвращение. Любопытно, что Ральф надевает новую форму в сочельник, когда традиционно в доме его матери разыгрывались семейные спектакли. В данном контексте костюм символизирует новую социальную роль героя: он становится «марионеткой, которую дергают за веревочки» (123). Бруно наивно полагает, что отца отправляют в Аж-Вись в наказание – он в чем-то провинился. Действительно, отец будет наказан: его сын умрет в газовой камере вместе с евреями, которых комендант каждый день отправлял на смерть.

В главе II также показано развитие идеи марионеточности в сцене приема в доме Ральфа, когда семья встречает Фурора. Данный эпизод мыслится Бойном драматургически: он показывает роль каждого героя в этом спектакле. Так, перед приходом в дом важного гостя отец инструктирует детей, диктует им правила поведения (игры, как понимает читатель), главное из которых – не вести себя как дети (то есть не быть естественными, подстроиться под ситуацию и играть по правилам отца). В данной сцене Ральф является режиссером. Более того, он «репетирует» со своим сыном, учит его правильно произносить имя высокопоставленного гостя:

«– Кто такой Фурор? – спросил Бруно.

– Ты неправильно произносишь, – сказал отец и выговорил слово медленно и правильно, специально для того, чтобы сын повторил за ним.

– Фурор, – повторил Бруно, стараясь в точности подражать отцу, увы, безуспешно.

– Нет, фю... – продолжил урок отец, но вдруг махнул рукой: – А, неважно!

– Но кто он все же такой? – не отставал Бруно.

Отец с недоумением глядел на сына:

– Ты отлично знаешь, кто такой Фурор.

– Нет, не знаю.

– Он руководит страной, идиот. – Гретель, как заведено у сестер, решила выпендриться. (Вот поэтому ей и было присвоено звание “безнадежный случай”.) – Ты что, газет не читаешь?» (156–157).

Автор намеренно избегает документальной точности (в оригинале – написание Furu вместо Fuhrer), изображая показную наивность своего маленького героя (будучи сыном коменданта, Бруно должен был посещать немецкую школу и иметь представление о том, кто такой Фурор). В данной сцене Бойн акцентирует внимание на разнице восприятия взрослого и ребенка: для Ральфа визит Фурора – это продвижение по службе, признание его заслуг, для Бруно – желание понять, почему так важен этот гость, «кто он такой».

Глазами Бруно мы видим Фурора и его спутницу, которые приходят в дом Ральфа. Фурор описан вполне правдоподобно: он ниже коменданта, не такой мускулистый:

«...у него были черные волосы, коротко стриженные, и маленькие усики – настолько маленькие, что Бруно не понимал, зачем он вообще с ними возится. А, может, когда он брился, то просто по рассеянности оставил над верхней губой полоску щетины?» (162).

Описывая важного гостя, Бойн иронизирует, отвлекаясь от главного, не давая подробного описания Фурора, но при этом общими штрихами нарисовав портрет узнаваемой личности, как и его спутницы Евы – это была красивая блондинка с яркими губами. Ева показана милой и внимательной к детям, она разговаривает с ними. Бруно в данной сцене следует правилам отца: он воспитанный ребенок, пытается произвести хорошее впечатление, как и Гретель. Следует отметить, что Ральф продумывает и расстановку героев в этой сцене: взрослые должны сидеть за столом, дети туда не допускаются. Бойн вновь акцентирует внимание на проблеме взаимоотношений взрослых и детей, показывая разницу этих двух миров: мир по правилам (взрослые) и мир детей, подчиняющихся своим родителям. Писателю важно передать впечатления Бруно (Фурор ему не понравился – «противный тип»), а также показать, насколько важным и судьбоносным является этот визит для всей семьи: назначение отца и дальнейший переезд в Аж-Вись.

Сам Ральф видит свою миссию в том, чтобы «исправлять исторические ошибки» (192). Показателен в этом плане разговор коменданта с военными, представленный автором в виде от-

дельных реплик, которые доносятся до Бруно. Перегнувшись через перила, он видит людей в форме, слышит обрывки их фраз про эффективность, цифры, строительство еще одного... (лагеря, как понимает читатель), что позволит им многого добиться. Свою речь комендант предваряет тем самым жестом, который «заставил всю компанию умолкнуть, словно отец дирижировал любительским оркестром» (62). Бруно наблюдает за ними, как за актерами в театре: Ральф играет главную роль, он облачен в новый костюм (символ власти), дает указания солдатам; военные показаны как оловянные солдатики – получив приказ, они прощаются с комендантом типичным для них образом, принятым жестом. Отец, как понимает Бруно, играет важную роль в новом для него пространстве – городке Аж-Вись.

Диалог Бруно и Гретель о городке Аж-Вись
Conversation between Bruno and Gretel about Out-With

Перевод с англ. Е. Полецкой	Оригинал?
<p>– Аж-Вись? – повторил Бруно. – Что это значит? – Ничего особенного, – пожала плечами Гретель. – Просто Аж-Вись. – Нет, это же должно что-то значить? – настаивал Бруно. – В какую высь? И почему «аж»? – Так называется наш новый дом, – отрезала Гретель. – Аж-Вись. Бруно задумался. Он не заметил, чтобы на улице стоял щит с названием дома, и над входом тоже ничего написано не было. Их дом в Берлине никак не назывался, просто «номер четыре». – Но что это значит? – Бруно потихоньку начал злиться. – Аж-Вись? – Может быть, это связано с теми людьми, что жили тут до нас, – рассуждала Гретель. – Они плохо себя показали, и начальство так рассердилось, что аж вышвырнуло их из дома пинком, и они полетели вверх тормашками – высоко-высоко! А на их место назначили человека, который умеет хорошо делать свое дело. – То есть папу. – Ну конечно (38).</p>	<p>‘Out-With?’ asked Bruno. ‘What’s an Out-With?’ ‘It’s not an Out-With, Bruno,’ said Gretel with a sigh. ‘It’s just Out-With.’ ‘Well, what’s Out-With then?’ he repeated. ‘Out with what?’ ‘That’s the name of the house,’ explained Gretel. ‘Out-With.’ Bruno considered this. He hadn’t seen any sign on the outside to say that was what it was called, nor had he seen any writing on the front door. His own house back in Berlin didn’t even have a name; it was just called number four. ‘But what does it mean?’ he asked in exasperation. ‘Out with what?’ ‘Out with the people who lived here before us, I expect,’ said Gretel. ‘It must have to do with the fact that he didn’t do a very good job and someone said out with him and let’s get a man in who can do it right.’ ‘You mean Father.’ ‘Of course,’ said Gretel... (11).</p>

Как показывает сравнение перевода и оригинала, у Бойна Гретель говорит, вздыхая, что передает чувство безысходности и обреченности. Пожимание плечами значило бы обычное «не знаю». Бруно понимает название городка буквально, расчлняя его на out и with. Первое означает «выход», «вне», «наружу», второе – «с», «вместе» и прочее, поэтому Бруно недоумевает и пытается интерпретировать это сочетание: что это за место, где нет никаких обозначений на домах? Почему люди оказались «out with what» – вне чего? Позволим предположить, что за этим сочетанием скрывается смысл «быть вне жизни». Гретель наивно полагает, что люди, жившие здесь до них, оказались вовне, так как «плохо себя показали». Их отец – совершенно другой человек, он правильный, поэтому его отправили сюда. Другая ассоциация, связанная с out with, свидетельствует о том, что семья Ральфа жи-

Это новое место, куда переезжает семья Бруно, контрастирует с Берлином. Здесь каждый чувствует себя глубоко одиноким, скучает по дому и его уюту, кругу общения. Привлекает внимание диалог брата с сестрой, когда Бруно узнает название этого жуткого места, куда они переехали. Бойн использует игру слов, вкладывая в нее определенный смысл. Обратимся к оригиналу и переводу на русский язык, выполненному Е. Полецкой. Отметим, что в переводе можно обнаружить некоторые погрешности, которые мы отразили в таблице. Сравнительный анализ покажет, как по-разному можно трактовать название места Out-With, а также разницу восприятия героями своего пребывания в новом городке, их расхождения об этом.

вет за пределами того места, где обитают, по его словам, «не люди вовсе». Однако вымышленное название городка рождает фонетическую ассоциацию с реальным названием – Аушвиц.

Более того, в саду Бруно видит скамейку, на бронзовой табличке которой написано: «Установлена в честь открытия лагеря... – Бруно запнулся, – ...Аж-Вись, – прочел он, как слышалось. – Июнь, 1940 г.» (139) («Presented on the occasion of the opening of... He hesitated. Out-With Camp», he continued, stumbling over the name as usual. «June nineteen forty» (11)). Отметим, что в оригинале заминка (hesitate, некая нервозность, напряжение, вызывающие паузу) Бруно при чтении происходит именно после слово «открытия», потому что следующая информация, которую он находит, ясно дает понять читателю, что это лагерь. Ребенок движим любопытством (это часть его «экспедиции») за пределы

дома, куда ходить строго запрещено), поэтому он не знает, как правильно прочитать / произнести название этого места, а потому запинаясь (stumble). Информация на табличке – это маркер, намек на исторический факт: Аушвиц был создан 30 мая 1940 года.

Из окна дома коменданта открывается вид на лагерь и заключенных. Бойн показывает, насколько уныл этот пейзаж, как все в мире за оградой безжизненно:

«За оградой травы не было, и вообще никакой зелени на обозримом пространстве не наблюдалось. Кругом простирался грязный песок, и сколько Гретель ни напрягала зрение, она не увидела ничего, кроме низеньких домишек, каких-то длинных строений, похожих на склад, и нескольких зданий с печными трубами в отдалении» (47–48).

Людей, которых наблюдают Бруно и Гретель из окна, трудно было отличить друг от друга: «все они одеты совершенно одинаково: серая полосатая пижама и серая полосатая шапочка на голове» (56). Реакция детей показывает, сколь гнетущее впечатление вызвало у них это место: Гретель почувствовала, «как у нее что-то защемило внутри» (47), Бруно стало холодно и страшно. Отметим, что Бойн акцентирует внимание не столько на форме (читателю ясно, что такая форма действительно была в лагерях), сколько на впечатлении детей от увиденного. Сам автор признавался, что

«провел много исследований в отношении одежды... различных нашивок, указывающих на то, кто этот человек – еврей, гомосексуалист, цыган, и я попытался включить как можно больше из этого в историю» [18].

Максимально дистанцируя своих героев от мира за забором, Бойн рисует широкую панораму происходящего там – описывает жесткость надсмотрщиков лагеря по отношению к узникам-евреям. В сознании Бруно и Гретель возникает много вопросов, но детям очевидно, что это жуткое место:

«Перед домишками отирались горстки людей, они не разговаривали друг с другом, но смотрели себе под ноги, словно играли в какую-то игру и не желали, чтобы их застукали за этим занятием. Попадались люди на костылях, а еще больше с повязками на голове <...> Перед Бруно и Гретель копошились сотни людей, но дети могли охватить взглядом лишь небольшую часть домишек, пространство же за оградой простиралось так далеко, теряясь в туманной дымке, что, возможно, людей там было не сотни, а тысячи» (53–54).

Из окна кабинета коменданта открывается не менее страшная картина. От отца Бруно узнает, что люди в полосатых пижамах «и не люди вовсе» (75). Сестра, убежденная в правоте отца,

говорит брату, что «забор поставили не для того, чтобы мы туда не ходили, а для того, чтобы они не являлись к нам <...> Мы – их противоположность» (241–243). К такой категории относятся слуги в доме Ральфа, чья обязанность – быть незаметными. Например, кухонный работник Павел, к которому лейтенант Котлер обращается неуважительно («эй ты»), называется «тем самым словом», которое употребляли по отношению и к другим евреям, выражая свое пренебрежение.

Итак, в пространстве Out-With есть строгое деление на людей и «не людей», которое антигуманно по своей сути. Лагерь, который виден из окна комендантского дома, как верно отмечают Н. Н. Бедина и А. С. Панова, «символизирует мифологическую страну смерти, куда в дальнейшем Бруно отправляется “в путешествие”, неизбежно закончившееся трагически» [1: 9]. Помещая героев в пространство Out-With, Бойн обращается к самому «сочиненному» (в этом смысле притчевому) в историческом повествовании событию в сюжете – дружбе двух героев, немецкого и еврейского мальчиков, чья встреча происходит у ограды из колючей проволоки, разделяющей «людей» и «не людей», что вновь подчеркивает идею разъединенности. Однако для Бойна этот символ не является препятствием на пути к товарищеским отношениям. Рассмотрим это более подробно.

Как уже было отмечено, дружба двух мальчиков, один из которых заключенный концентрационного лагеря, была невозможна. По мнению Л. Я. Гинзбург, в художественной литературе, в отличие от документальной,

«образ возникает в движении от идеи к выражающему ее единичному, в литературе документальной – от данного единичного и конкретного к обобщающей мысли <...> Вымысел, отправляясь от опыта, создает “вторую действительность”, документальная литература несет читателю двойное познание и раздваивающуюся эмоцию» [4: 11].

Такой «второй действительностью» и является дружба детей на протяжении года.

Писатель показывает духовное сближение мальчиков, которые являются зеркалами друг друга (подробнее об этом см. в статье Н. Н. Бединой и А. С. Пановой [1]). Бруно и Шмуэль родились и умерли в один день, оба пережили переезд в Аж-Вьсь, однако похожие события в их жизни имеют абсолютно противоположное значение: Бруно скучает по своим друзьям и прежнему уюту, Шмуэль страдает, потому что вся его семья обречена на смерть. Для Бруно многое, о чем рассказывает его новый друг, кажется непонятным:

«Закончив рассказывать, Шмуэль совсем расстроился, и Бруно не понимал, в чем дело. Ничего такого уж страшного со Шмуэлем не случилось. Разве Бруно не пришлось пережить то же самое?» (174).

Мальчики много разговаривают, вспоминая своих родственников: Бруно рассказывает о бабушке, Шмуэль – о своей прежней жизни над часовой мастерской, где работал его отец. Испытанием в дружбе героев становится эпизод на кухне в доме коменданта, где Шмуэль оказался в качестве прислуги (глава 15 «Предательство»). Исторически это было нереально, однако вымысел необходим автору для обсуждения морально-этических вопросов. Бруно угощает Шмуэля, разговаривает с ним, что вызывает гнев лейтенанта Котлера. Страх перед лейтенантом вынуждает Бруно солгать, что он впервые видит этого еврейского мальчика, который не может быть его другом. Бруно оказывается предателем: он не смог защитить своего друга.

«Никогда еще ему не было так стыдно, он и предать не мог, что способен на такую жестокость. Как мальчик, который считает себя хорошим человеком, мог настолько струсить, чтобы предать своего друга?» (230–231).

Примирение происходит у ограды: Шмуэль первым протягивает руку, приподнимая проволоку снизу (на самом деле это не представлялось возможным, так как проволока была под электрическим напряжением): «Их ладони сплелись в рукопожатии» (233) – этот жест доказывает силу дружбы, прощение и принятие. Акцентируя внимание на тактильности, Бойн показывает, что прикосновения – это единение. Так, в главе 19 мальчики совершают экспедицию в лагерь, чтобы найти отца Шмуэля. Облачившись в полосатый костюм, Бруно переходит на другую сторону ограды, перестав отличаться от других людей в полосатых пижамах (из свободного он становится заключенным). И. А. Подавылова отмечает:

«...ситуация переодевания становится ключевой в развитии сюжета. Надевая наряд заключенного, Бруно осуществляет ту самую эмпирическую проверку опасного рубежа между нормальным миром и миром, лежащим за пределами нормы... В результате пространство антиреальности затягивает его, он сам “делается” пижамой, тем самым совершая эволюцию наоборот. Уходом маленького экспериментатора в небытие реализуется метафора овеществления человека» [9: 259].

Данная сцена в лагере воплощает идею единения двух мальчиков. Бруно хочет обнять друга, чтобы выразить всю свою привязанность к нему, «Шмуэль тоже порывался обнять Бруно,

чтобы поблагодарить за доброту и за еду, которую он приносил, и за то, что Бруно вызвался помочь найти папу» (274), но объятий не происходит.

Лагерь поражает Бруно: открывшаяся перед ним картина прямо противоположна той, что была создана в его воображении. Он не понимает, почему люди так испуганы, «ему хотелось шепнуть этим людям, что все будет хорошо, что его отец – комендант лагеря, и, если он отдает какой-нибудь приказ, значит, так надо, и бояться тут нечего» (279). Образ отца в его сознании, безусловно, связан с защитником, но читатель между строк понимает истинное значение происходящего, а именно – какие приказы отдает комендант лагеря. Далее люди собираются в большом помещении, в котором, как отмечает Бруно, тепло, и тут они думают переждать дождь. В этой сцене автор гиперболизирует наивность персонажа для того, чтобы усилить драматизм ситуации: «...И тут он сделал нечто, что было совсем не в его характере: взял тоненькую руку Шмуэля и крепко пожал. – Теперь ты мой лучший друг, Шмуэль. Мой верный друг на всю жизнь» (282). Тактильный образ (рукопожатие) показывает связанность мальчиков до конца жизни: дети вместе погибают в газовой камере. Справедливо в этом плане звучат слова Т. И. Устиновой, которая трактует финал в морально-этическом ключе:

«...Так же, как образ дома символически вырастает до масштабов общего Дома для всего человечества, так и образ ребенка, убитого по приказу отца, становится символом гибели будущего, которое человечество создает, по правилам своей жестокой игры, в которой есть люди, которые “не люди вовсе”. И здесь даже не надо меняться костюмами, потому что те, которые в красивых мундирах, и есть нелюди, убивающие людей» [10: 189–190].

В последней главе говорится о позднем раскаянии коменданта: когда вся правда открылась, ноги его подкосились, и «тогда он уселся на землю в той же позе, в какой чуть ли не каждый день в течение года сживал Бруно, разве что не поджал под себя ноги» (285). Жизнь его потеряла смысл («ему было совершенно безразлично, что его ждет»), поэтому он был жесток с солдатами: мстил им за смерть Бруно.

В финале своего романа Дж. Бойн выступит с призывом, чтобы подобное никогда не повторилось. Как констатирует О. А. Бычкова,

«Дж. Бойн напоминает, что за ошибки отцов расплачиваются дети, а искажение подлинных ценностей, смещение нравственных координат влекут за собой страшные последствия для всех без исключения» [3: 23].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, соединяя документальное и вымышленное, автор преследует цель пробудить интерес читателей к истории Второй мировой войны и трагедии Холокоста, задуматься над горькими уроками прошлого, не допустить повторения страшных событий в будущем: «...это случилось очень давно и никогда больше не повторится. Ни в наши дни и не в нашем веке» (285).

В ходе анализа мы выделили специфические приемы изложения документального и вымышленного.

Во-первых, Бойн создает / моделирует «вторую действительность», которая показывает дружбу Бруно и Шмуэля на протяжении года. Это позволяет автору сосредоточить внимание на морально-этических проблемах, подчеркнуть трагедию, которая произошла в семьях по обе стороны забора.

Во-вторых, изображая историю с детской, наивной точки зрения, автор усиливает трагическое звучание романских событий.

В-третьих, в тексте романа представлены исторические маркеры, которые имеют не только историческое значение (датировка романских событий совпадает с историческими датами Второй мировой войны; фигура Фурора и его спутницы Евы; табличка на скамейке с годом основания лагеря; характерный жест людей в форме и т. д.), но и символическое (лагерь как символ смерти; забор, разделяющий людей

и «не людей»; полосатая одежда как «метафора овеществления человека» [9: 259]; городок Out-With, звучащий как Аушвиц, название которого передает идею выброшенности из жизни, и т. д.).

В-четвертых, через идею марионеточности автор транслирует мысль о том, что люди – пешки на поле большой истории. Примером тому служит образ коменданта лагеря Ральфа. С идеей марионеточности связано также переодевание героев, их смена амплуа: Ральф облачается в униформу нацистов, что ставит его на ступень выше в карьерном плане; Бруно переодевается в «полосатую пижаму», становясь жертвой приказа своего отца. Каждый из героев платит свою цену за это переодевание.

В-пятых, обратившись к оригинальному тексту романа «Мальчик в полосатой пижаме» и его переводу на русский язык, мы отмечаем, что название места Out-With по-разному трактуется Бруно и Гретель, что показывает разницу восприятия героями своего пребывания в новом городке, их рассуждения об этом.

Автор не стремится к документальной точности и достоверности, он художественно перерабатывает исторический материал, осмысляет историческое прошлое с нравственных позиций. Книга Дж. Бойна злободневна, о чем свидетельствует умозаключение автора в конце произведения и его надежда, что подобные трагедии больше не повторятся.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бойн Дж. Мальчик в полосатой пижаме: Пер. с англ. М.: Фантом Пресс, 2014. 288 с. Далее цитируется по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.

² Boyne J. The Boy in the Striped Pyjamas. Available at: <https://dl.icdst.org/pdfs/files4/593c5c304785d3cef71eb55aa223a4f7.pdf> (accessed 12.12.2023). Далее цитируется по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бедина Н. Н., Панова А. С. Близнечный миф в современной британской антивоенной литературе // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 4 (173). С. 7–11. DOI: 10.15393/uchz.art.2018.141
- Бодрова И. Ю. Нацизм против детства. Урок по роману Джона Бойна «Мальчик в полосатой пижаме». VI класс // Литература в школе. 2016. № 5. С. 39–42.
- Бычкова О. А. Координаты добра и зла: нацизм глазами ребенка. Роман Джона Бойна «Мальчик в полосатой пижаме» // Литература в школе. 2015. № 2. С. 22–23.
- Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л.: Худ. лит., 1977. 449 с.
- Гиль О. Л., Подворная А. В. Специфика детского мировосприятия в произведениях Д. Бойна «Мальчик в полосатой пижаме» и О. Громовой «Сахарный ребенок» // Познание и деятельность: от прошлого к настоящему: Материалы IV Всерос. междисциплинарной науч. конф., посвящ. 90-летию со дня создания Омского государственного педагогического университета и 300-летию Российской академии наук. Омск, 2022. С. 5–8.
- Дрожжина О. В. Объединение образов ребенка-жертвы и ребенка-палача в романе Джона Бойна «Мальчик в полосатой пижаме» // Глобальный научный потенциал. 2023. № 3 (144). С. 179–182.
- Максимкина Н. Н. Документальность и документализм в художественном изображении С. Г. Фетисовым Великой Отечественной войны // Вестник Чувашского государственного университета. 2007. № 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/dokumentalnost-i-dokumentalizm-v-hudozhestvennom-izobrazhenii-s-g-fetisovym-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения 28.12.2023).

8. Позина М. В. Детские книги на недетские темы. О романах Д. Бойна «Мальчик в полосатой пижаме» и «Мальчик на вершине горы» // Вопросы литературы. 2021. № 4. С. 110–118.
9. Подавылова И. А. Холокост как Апокалипсис // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. Т. 2, № 3. С. 255–261.
10. Устинова Т. И. Мир – глазами ребенка (по книге Д. Бойна «Мальчик в полосатой пижаме») // Литература как форма социальной и индивидуальной рефлексии: Материалы XIX Всерос. науч.-практ. конф. словесников. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2016. С. 184–190.
11. Якубова Л. Д., Пасекова Н. В. Особенности идиостиля Джона Бойна (на материале романа «Мальчик в полосатой пижаме») // Аллея Науки: научно-практический электронный журнал. 2018. № 5 (21). Т. 5. С. 180–185 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://alley-science.ru/domains_data/files/May_Journal/5y_tom_Oblozhka_Titul_May.pdf (дата обращения 31.01.2024)
12. Achilles M. Nazis into victims. Holocaust fiction without perpetrators: John Boyne's *The Boy in the Striped Pajamas* // Frühere Ausgaben. № 2, Februar 2024 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://literaturkritik.de/public/rezension.php?rez_id=30261 (дата обращения 12.03.2024).
13. Bayer G. World War II fiction and the ethics of trauma // Ethics and Trauma in Contemporary British Fiction. DQR Studies in Literature. 2011. Vol. 48. P. 155–174 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://brill.com/display/book/9789401200080/B9789401200080-s009.xml> (дата обращения 12.12.2023).
14. Venegas D. L. Meeting *The Boy in the Striped Pajamas* // Literature in ELT. Paper presented at 8th ELT APIZALS Forum. 9 October 2009, Bariloche, Argentina [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.academia.edu/2489876/Meeting_the_boy_in_the_stripped_pyjamas_Literature_in_ELT (дата обращения 12.12.2023).
15. Boyne J. My writing day. "I began on Wednesday morning and wrote for 60 hours" // The Guardian. 1 April 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/books/2017/apr/01/john-boyne-my-writing-day> (дата обращения 12.12.2023).
16. Flood A. *The Boy in the Striped Pajamas* author defends work from criticism by Auschwitz memorial // The Guardian. 7 January 2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/books/2020/jan/07/john-boyne-defends-work-from-criticism-by-auschwitz-memorial> (дата обращения 12.12.2023).
17. Sherwood H. *The Boy in the Striped Pajamas* 'may fuel dangerous Holocaust fallacies' // The Guardian. 27 January 2022 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2022/jan/27/the-boy-in-the-stripped-pajamas-fuels-dangerous-holocaust-fallacies> (дата обращения 12.12.2023).
18. *The Boy in the Stripped Pajamas* videos // Northern Ballet: official website [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://northernballet.com/the-boy-in-the-stripped-pyjamas/the-boy-in-the-stripped-pyjamas-videos> (дата обращения 12.12.2023).

Поступила в редакцию 15.01.2024; принята к публикации 24.06.2024

Original article

Elena S. Sedova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor,
South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-7490-2205; helens82@mail.ru

ARTISTIC INTERPRETATION OF HISTORY IN JOHN BOYNE'S NOVEL *THE BOY IN THE STRIPED PYJAMAS*

Abstract. The relevance of the article lies in addressing the currently unexplored issue of correlation between fiction and historical truth in John Boyne's novel *The Boy in the Striped Pajamas*. The writer creatively reworks historical material (regarding World War II and the tragedy of the Holocaust) in order to arouse readers' interest in historical events and to discuss complex moral and ethical issues (friendship, betrayal, choice, family, spiritual values, etc.). The aim of the article is to analyze the correlation between documentary and fiction in Boyne's novel *The Boy in the Striped Pajamas*. Using the cultural-historical and the hermeneutic methods, the author comes to the conclusion that Boyne does not seek to give an accurate account of historical events: instead, he creates a fable, the purpose of which is to address the ethical side of the issue. A special place in the narrative is given to the child's perception of what is happening – from a naïve and fantasy-filled child's point of view, not overloaded with drama. The paper analyzes the artistic space of the novel, which consists of such important components (and historical markers at the same time) as the town of Out-With itself, the name of which emphasizes the idea of the characters being thrown out of life, the camp – a symbol of death, and the fence – the separation of people. The friendship between boys of different ethnic origins, which forms the basis of the plot of *The Boy in the Striped Pajamas*, is perceived as the idea of equality of all people regardless of ethnicity. Using the linguistic method, the author of the article studies the original Boyne's novel and its Russian translation in order to highlight the most significant moments lost in translation (e. g., the speculations about the meaning of the name of the town Out-With). Thus, John Boyne's novel is a combination of documentary and fiction, which gives it a parable-like tone.

Keywords: John Boyne, *The Boy in the Striped Pajamas*, Holocaust, fable, history, fiction, artistic space

For citation: Sedova, E. S. Artistic interpretation of history in John Boyne's novel *The Boy in the Striped Pyjamas*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(6):88–96. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1080

REFERENCES

1. Bedina, N. N., Panova, A. S. A myth about twins in contemporary British anti-war literature. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2018;4(173):7–11. DOI: 10.15393/uchz.art.2018.141 (In Russ.)
2. Bodrova, I. Yu. Nazism against childhood. Lesson on John Boyne's novel *The Boy in the Striped Pyjamas* for the sixth grade. *Literature at School*. 2016;5:39–42. (In Russ.)
3. Bychkova, O. A. Coordinates of good and evil: Nazism through the eyes of a child. John Boyne's novel *The Boy in the Striped Pyjamas*. *Literature at School*. 2015;2:22–23. (In Russ.)
4. Ginzburg, L. Ya. About psychological prose. Leningrad, 1977. 449 p. (In Russ.)
5. Gil, O. L., Podvornaya, A. V. The specifics of children's worldview in the books *The Boy in Striped Pyjamas* by John Boyne and *Sugar Child* by Olga Gromova. *Cognition and activity: from past to present: Proceedings of the IV all-Russian interdisciplinary scientific conference dedicated to the 90th anniversary of the creation of Omsk State Pedagogical University and the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences*. Omsk, 2022. P. 5–8. (In Russ.)
6. Drozhzhina, O. V. Combining the child victim and the child executioner in John Boyne's novel *The Boy in the Striped Pyjamas*. *Global Scientific Potential*. 2023;3(144):179–182. (In Russ.)
7. Maksimkina, N. N. Documentarity and documentarism in the artistic depiction of the Great Patriotic War by S. G. Fetisov. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2007;3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/dokumentalnost-i-dokumentalizm-v-hudozhestvennom-izobrazhenii-s-g-fetisovym-velikoy-otechestvennoy-voyny> (accessed 28.12.2023). (In Russ.)
8. Pozina, M. V. Children's books on grown-up themes. On J. Boyne's novels *The Boy in the Striped Pyjamas* and *The Boy at the Top of the Mountain*. *Literature at School*. 2021;4:110–118. (In Russ.)
9. Podavylova, I. A. The Holocaust as the Apocalypse. *Pushkin Leningrad State University Journal*. 2013;2(3):255–261. (In Russ.)
10. Ustinova, T. I. The world through the eyes of a child (based on the book by J. Boyne *The Boy in Striped Pyjamas*). *Literature as a form of social and individual reflection: Proceedings of the XIX all-Russian research and practice conference of philologists*. Ekaterinburg, 2016. P. 184–190. (In Russ.)
11. Yakubova, L. D., Pasekova, N. V. Peculiarities of John Boyne's individual style (based on the novel *The Boy in the Striped Pyjamas*). *Alley of Science: Scientific and Practical Electronic Journal*. 2018;5(21-5):180–185. Available at: https://alley-science.ru/domains_data/files/May_Journal/5y_tom_Oblozhka_Titul_May.pdf (accessed 31.01.2024). (In Russ.)
12. Achilles, M. Nazis into victims. Holocaust fiction without perpetrators: John Boyne's *The Boy in the Striped Pajamas*. *Frühere Ausgaben*. No 2, Februar 2024. Available at: https://literaturkritik.de/public/rezension.php?rez_id=30261 (accessed 12.03.2024).
13. Bayer, G. World War II fiction and the ethics of trauma. *Ethics and trauma in contemporary British fiction. DQR Studies in Literature*. 2011;48:155–174. Available at: <https://brill.com/display/book/9789401200080/B9789401200080-s009.xml> (accessed 12.12.2023).
14. Benegas, D. L. Meeting *The Boy in the Striped Pyjamas*. *Literature in ELT. Paper presented at 8th ELT APIZALS Forum*. 9 October 2009, Bariloche, Argentina. Available at: https://www.academia.edu/2489876/Meeting_the_boy_in_the_stripped_pyjamas_Literature_in_ELT (accessed 12.12.2023).
15. Boyne, J. My writing day. "I began on Wednesday morning and wrote for 60 hours". *The Guardian*. 1 April 2017. Available at: <https://www.theguardian.com/books/2017/apr/01/john-boyne-my-writing-day> (accessed 12.12.2023).
16. Flood, A. *The Boy in the Striped Pyjamas* author defends work from criticism by Auschwitz memorial. *The Guardian*. 7 January 2020. Available at: <https://www.theguardian.com/books/2020/jan/07/john-boyne-defends-work-from-criticism-by-auschwitz-memorial> (accessed 12.12.2023).
17. Sherwood, H. *The Boy in the Striped Pyjamas* 'may fuel dangerous Holocaust fallacies'. *The Guardian*. 27 January 2022. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2022/jan/27/the-boy-in-the-stripped-pyjamas-fuels-dangerous-holocaust-fallacies> (accessed 12.12.2023).
18. *The Boy in the Stripped Pyjamas* videos. Northern Ballet: official website. Available at: <https://northernballet.com/the-boy-in-the-stripped-pyjamas/the-boy-in-the-stripped-pyjamas-videos> (accessed 12.12.2023).

Received: 15 January 2024; accepted: 24 June 2024

АЛЛА ВЛАДИМИРОВНА НИКИТИНА

кандидат филологических наук, доцент Отдела фольклора
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
centsouffle@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ФОЛЬКЛОРНОЙ СКАЗКИ В СКАЗКЕ ЛУБОЧНОЙ НА ПРИМЕРЕ БАБЫ-ЯГИ

А н н о т а ц и я . Рассмотрен один из аспектов взаимоотношений фольклорной и лубочной традиций – переработка народной сказки в лубочных сказочных сборниках. Внимание сфокусировано на изменении функциональных характеристик образа Бабы-Яги. Новизна работы обусловлена широким контекстом исследования: анализ функционирования Яги в лубочном тексте проведен в сопоставлении с ее традиционным функционированием в волшебной народной сказке. Для анализа был взят фрагмент сказки лубочного сборника начала XIX века. Существенное усиление в сказке героической составляющей привело к корреляции функционирования Яги с функционированием главного героя и инициировало появление неспецифических для нее характеристик, включая коррекцию целеполагания. Помимо отмеченных изменений в специфике функционирования данного типа Яги, традиционного для рассматриваемого сюжета, зафиксировано проявление функциональных черт других ее типов. Это дает перспективу на переосмысление характера и качества проведенной неизвестным автором лубочной сказки переработки фольклорного материала, поскольку основные типы (формы) Бабы-Яги будут обозначены В. Я. Проппом спустя столетие.

К л ю ч е в ы е с л о в а : сказка фольклорная, сказка лубочная, Баба-Яга, литературная обработка, функциональные характеристики

Д л я ц и т и р о в а н и я : Никитина А. В. Трансформация образа фольклорной сказки в сказке лубочной на примере Бабы-Яги // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 6. С. 97–105. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1081

ВВЕДЕНИЕ

Занимаясь функциональными характеристиками Бабы-Яги, мы рассматривали тексты разных по времени и типу сказочных сборников, в том числе лубочных изданий. Материалы последних привлекали с оглядкой, принимая во внимание специфику и «вторичность» лубочной сказки относительно фольклорной. Игнорировать их было бы неправильно, поскольку это предшественники собраний А. Н. Афанасьева, И. А. Худякова и др. и отражают процессы, происходившие в сказочном эпосе и вокруг него в последнюю треть XVIII – первую треть XIX века. Наконец, у нас была надежда обнаружить нечто отличное от стереотипной подачи образа Яги.

Отношение к сказочным лубочным сборникам в первую половину XIX века (причем в разных слоях общества) было непростым¹; неприязнь к лубочной сказке в значительной мере объяснялась тем, что в ней видели «испорченную» народную. Суть претензий – переделка «настоящей» сказки, которая, как отметил В. Г. Белинский,

«[хороша в том виде] как создала ее народная фантазия; переделанная же и приукрашенная, она не имеет решительно никакого смысла»².

В самом деле, нужды в переделке вроде бы нет: интерес к народной сказке в это время жив, ее устное бытование вполне еще может считаться массовым. Но при этом явно востребована и лубочная сказка, на тот момент она куда больше отвечала запросам широкой публики, которая из внимающей и зрящей (картинка как форма лубочной сказки по-прежнему актуальна) быстро становится читающей. К тому же распространенность и доступность «народных книжек», благодаря переизданиям и целиком, и по частям, в сочетании с ростом числа новых вариантов (редакций) сюжетов, подхлестывает и без того активный эволюционный процесс – до появления литературной сказки остается совсем немного времени.

Занятое лубочной сказкой промежуточное положение между сказкой народной и формирующейся литературной отчасти объясняет их сложные отношения – очевидно взаимовлияние форм

устной (фольклорной), лубочной (переработанной и книжной) и литературной (художественной и авторской).

Бытование лубочной сказки в печатном виде указывает, что это не воспроизведение фиксации устного повествования, но его художественная обработка, то есть письменный и по сути авторский текст, который должен соответствовать правилам письменной (литературной) речи; авторство же обнаруживается в характере и качестве переработки источника.

Мы воспользовались изданиями Н. В. Новикова [7], [8] и начали с собраний последней трети XVIII века (времени активного развития лубочной сказки), а затем, имея в виду своего рода преемственность³, обратились к сборникам первой трети XIX века. Результаты получились следующие.

* * *

Самые ранние сказочные тексты с Ягой нашлись не в записях, но в известных изданиях конца XVIII века⁴: в «Лекарстве от задумчивости» (1786) – две сказки; в «Сказках» П. Тимофеева (1787) – три; в «Старой погудке» (1794–1795) – восемь сказок; всего – тринадцать.

Девять из них – сюжетные контаминации, но это комбинации логически обусловленные, встречающиеся и в народных сказках (контаминационные цепочки, искусственные в особенности, – признак обработки [2: 22], [6]). Во всех тринадцати сказках Яга функционирует в эпизоде: в пяти она помощница, в восьми – антагонистка (в четырех из этих восьми ее агрессия направлена против героев богатырского типа, а в двух представлена Яга-воительница). Важно подчеркнуть, что функционирование Яги здесь можно считать традиционным, существенных отклонений в ее характеристиках нет.

Полученные результаты соответствуют представлениям того времени о Бабе-Яге: антагонистка превалирует, актуализирована воительница: на двух известных лубочных картинках⁵ Яга «едет драться с крокодилом»; и именно тип воительницы оказывается базовым при толковании образа Яги в первых отечественных справочно-информативных изданиях – в «Описании древнего славянского баснословия» М. И. Попова (1768) и «Славянской и российской мифологии» А. С. Кайсарова (1807) [4: 68]⁶.

На разработку типа Яги-воительницы не мог не оказать влияния процесс активного освоения заимствованных восточных и западноевропейских сказок и повестей. Переработанные переводные авантюрно-рыцарские повести, такие как «Еруслан Лазаревич» и «Бова-королевич»,

были столь популярны, что воспринимались не как «захожие», но как «свои», народные [1: 62–63]. Примечательно, что их творческая переработка происходила, как указывает Н. В. Новиков, «под воздействием русской сказки» и была настолько интенсивной, «что уже в начале XVII века они вполне приобрели форму *волшебного-героического сказок...* (здесь и далее курсив мой. – А. Н.)» [8: 7]⁷.

Не менее примечательно также то, что фиксируется проникновение элементов такой сказки в эпос былинный, например:

«Да прыдумала идти твоя да молода жона
За того же за Олешеньку за Поповича,
А того же *Бобь да королевица!*...»⁸;

пример поздний, но сути отмеченного это не меняет. Инклюзией сказочного элемента в героический эпос является и введение Яги-воительницы в качестве противника богатыря, причем:

– и как замены Змеи, персонажа мифического (мотив змеборчества):

«На ту пору, на то время
Налетела курва Яга баба,
Ладит Добрынюшку нага пожрать...»⁹;

– и как богатырки (трактовка уникальная, поскольку Яга подается как противник по мужскому типу, и богатырь не может ее одолеть, пока не понимает, что биться с ней надо не как с мужчиной, но «как с бабой»):

«Поехал Добрыня во чисто поле
А биться-рубиться с богатырем,
С богатырем биться с Ягой-бабой...»¹⁰.

Отмеченное явление (тоже заимствование, но иного рода – межжанровое) было взаимобразным: элементы сказки проникали в былины, былинные (и не только) элементы заимствовались сказкой и лубочной, и народной. В связи с этим привлекает внимание мнение В. В. Сиповского:

«...к рассказам о чудесных подвигах разных витязей, повествованиям о борьбе их с чудовищами и смертельными опасностями русский читатель подготовлен был не только своей древней повествовательной литературой, издавна уже популярной у нас, но и своим сказочным и былинным эпосом»¹¹.

Замечание важное еще и потому, что сложившаяся волшебного-героическая сказка оказалась удивительным соединением сказочных, былинных, литературных элементов, смешением письменной и устной речи.

Материал с Ягой из записей и публикаций начала XIX века дал только раздел «Сказки лубочных и полубубочных изданий»¹² – всего два тек-

ста, оба из сборника «Сказки моего дедушки» (1820)¹³: «Сказка о славном и чудном богатыре Сампсоне Лукьяновиче и царевне Судиславе» и «Утица златокрылая, или сказка о Петре-царевиче и супруге его Царь-девице».

Сказки сборника, их всего пять¹⁴, Н. В. Новиков определяет как произведения «*волшебного-фантастического характера*», «зафиксированные и соответствующим образом литературно обработанные» [7: 25]; при этом, даже если судить только по названиям, четыре из пяти сказок, включая указанные с Ягой, – на героические сюжеты. То есть введение Яги здесь уместно, ожидаемо ее функционирование как антагонистки и даже воительницы. Антагонистку, однако, дает только «Утица златокрылая...», и не воинствующую, а интриганку, разлучницу обрученных; в «Сказке о богатыре Сампсоне...» представлена Яга-помощница, но она серьезно отличается от функционального канона данного типа.

Именно об этой сказке и о Яге в ней пойдет речь, так как это примечательный образец обработки, вернее, переработки «на новый лад» в духе лубочной традиции конца XVIII века. Проанализировать весь текст не позволят рамки статьи, мы разберем лишь фрагмент с Бабой-Ягой (см. Приложение).

«Сказка о богатыре Сампсоне...» очевидно «волшебного-героическая», Н. В. Новиков указывает ее как сюжетную контаминацию: 303 'Два брата' + 465 'Красавица жена' + 532 'Незнайка' [7: 349]¹⁵, что предполагает главного героя богатырского типа, совершение им подвигов и поиски невесты / жены. Но для народной сказки комбинация этих сюжетов обычной не является; два из указанных сюжетов (303 и 532) дают собственный героический тип главного героя, и эти типы существенно разнятся. 303-й здесь, судя по всему, указан ошибочно, так как начальная часть сказки четко соотносится с –650 В* 'Еруслан Лазаревич'¹⁶; элементы именно этого сюжета составляют предысторию контакта героя с Ягой и обуславливают характер их отношений в дальнейшем.

По всему тексту подтверждений богатырскому типу героя – множество:

– начало названия сказки – «о славном и чудном богатыре Сампсоне...»;

– имя Сампсон¹⁷ – отсылка к былинному Самсону Колыбановичу, который указывается как эталон богатырской силы, например, Добрыня пеняет матушке:

«– Спородила ты меня мать несчастливого,
А силою меня не сильного...»,

а родна матушка ему отвечает:

«– Я бы рада спородить дитя милое
А силою в Самсона Колыванова...»¹⁸;

– предыстория контакта героя с Ягой: Сампсон – боярский сын «чудесного» рождения (единственное, позднее, вымоленное «детище»); его богатырская сила проявляется рано, но он ее не соразмеряет – калечит сверстников в играх; по царскому требованию и с благословения родителей он отправляется «в чистое поле, людей посмотреть и себя показать» (= «силы своей изведать»). Он добывает себе богатырского коня (Рабикана) из конюшни арабского царя Селима, государя «сильного и храброго», и едет в Арабское царство, убив по пути стража «оного государства» – двенадцатиглавое морское Чудище. Селим предлагает Сампсону службу (рыцарь находит себе сюзерена) и желает, чтобы тот добыл ему царевну из царства, что «за тридевять земель» – «многие богатыри и витязи не могли... [лишь Сампсону по силам]». Герой присягает Селиму на верность и отправляется ту службу исполнять:

«Тогда взговорит Селиму Сампсон: “Слушай, царь Селим, сослужу я тебе службу верой правдою и даю в том честное слово богатырское и присягу молодецкую”. После слов сих он встает с места... <...> и в путь далекий отправляется, за тридевять земель, в тридесятое царство Семигальское государство к царю Еремею Пахомовичу...»¹⁹

Кроме того, сказка изобилует былинными элементами; по мнению Н. В. Новикова, само повествование «ведется ритмизированной прозой, близкой к былинному стиху», что, на самом деле, не так, хотя есть вставки былинных формул, но их немного и роли, организующей ритм повествования, они не несут, здесь они часть переработки. Это художественный текст, созданный по законам письменной речи, он представляет собой сложное смешение элементов (от лексики, устойчивых выражений и формул до описаний и мотивации героев), соотносящихся и с волшебного-героической, авантюрной сказкой («квест»), и с былинным эпосом, маркирующих повествование как усиленное героическое.

Яга-помощница в сюжетах типа «квест» традиционна; ее помощь и словом (наставление, направление) и делом (чудесные объекты, колдовство и др.) – содействие герою в решении задач и достижении цели. В рассматриваемом тексте, с учетом специфики подачи главного героя (усл. тип странствующего рыцаря, который решает задачи, совершая подвиги) и привлекаемого былинного компонента, «квест» находится в зависи-

мости от героической составляющей, – истинная «волшебство-героическая» сказка.

В героических сюжетах Яга также может быть помощницей, но такое функционирование встречается намного реже, а помощь определяется как вынужденная (уступка обстоятельствам и силе). Функциональная норма Яги в героической сказке – агрессивный антагонист и даже воительница, что работает на утверждение ее противника как истинного героя, богатыря, не имеющего себе равных, сильнее.

Возможно, что Яга-антагонистка (и воительница) была бы в данном тексте уместнее, больше отвечая запросам времени создания сказки и самой идее богатырства главного героя – противник обязан соответствовать; но она здесь помощница, вынужденная, в несвойственной ей роли исполняющего взятое на себя обязательство, и аналогов такого функционирования Яги в народных сказках нет.

В рассматриваемом фрагменте можно наблюдать едва ли не пошаговое изменение функционирования Яги и, что важно отметить, очевидна корреляция трансформации с функционированием главного героя.

- Яга здесь персонаж эпизодический, что характерно для нее в принципе; и поскольку эпизод с ней представляется поворотным в сюжете типа «квест», приход героя к Яге и ее роль помощницы ожидаемы.

- Место обитания Яги традиционное – лес; как и ее жилище – избушка на курьих ножках, чья беспокойная сущность подчеркнута («стоит-поворачивается»). Формулу, которую герой использует для ее поворота, можно считать классической. Н. В. Новиков указывает: «Обращение Сампсона Лукьяновича к избушке на курьих ножках и весь диалог с Бабой-ягой выдержан в народной традиции...» [7: 349]; но диалог, о котором идет речь, здесь будет позже, и это не тот общеизвестный обмен репликами в типовой сцене появления героя в избушке Яги.

- Статичное положение (лежание, сидение) является характерным для Яги в сказках типа «квест»; и в рассматриваемом фрагменте в начальный момент контакта она предстает сидящей, но статичность вмиг сменяется нападением. Ни «Фу-фу-фу!..», ни «куда путь держишь?..» – отсутствие традиционной формулы встречи можно считать первым сбоем в подаче образа. Реакция Яги на незваного гостя крайне агрессивная, есть даже экивок на ее людоедство – «бросилась на него и хотела его когтями разорвать и живого сожрать». Примечательно, что эта фраза в тексте сказки уже есть, она – полный дубль реакции

на героя морского Чудища о двенадцати головах²⁰ в предшествующем змеборческом эпизоде. Косвенно это указывает на статус Яги (во всяком случае начальный) как антагониста и еще одного препятствия, которое предстоит преодолеть герою в череде подвигов, утверждающих его как героя истинного (напомним, что одно из значений 'яга' – зло, уничтожение которого для настоящего героя обязательно).

- По фрагменту двучастное именование *Бабаяга* дается в такой последовательности частей почти неизменно. Поскольку текст письменный, написание второй части имени со строчной может указывать на меньшую значимость – Яга здесь прежде всего баба. Это объясняет ее несостоятельность в противостоянии с героем²¹, несмотря на попытку агрессии (напомним, что еще одно значение лексемы 'яга' – сила²²).

- Вразумление Яги происходит не словом по модели «Ты бы сначала накормила, напоила, а потом бы и спрашивала...», но жестким ответным действием: герой доказывает, что сильнее. Он распластывает ее на столе и избивает «дубинкой в тридцать пуд» («начал оною дубинкою Бабую-ягу поколачивать и поучивать») – способ, далекий от принятого в богатырстве выяснения в поединке, кто сильнее («меряться силой»), но «поколачивание» и «поучивание» противника дубинкой (= палицей) явно взято из былин²³.

Подобные сцены вразумления Яги, пусть единично, но можно обнаружить, например, в «Старой погудке» (№ 10 «Сказка о Ивашке-медведем ушке», СУС 650 + 301 А, В), в более ранней лубочной сказке, чем рассматриваемая; и позже, уже во второй половине XIX века, например, в сборнике А. Н. Афанасьева (№ 310 «Илья Муромец и Змей» – сказка богатырская, СУС 650 А)²⁴.

- Агрессивной антагонисткой героя Яга представлена лишь поначалу, она здесь не воительница и богатырю не противник. Далее она проявляет себя как помощница, но прежде всего колдунья, так как она знает и может: знает, кто к ней приехал и зачем; знает, что нужно для похищения царевны, изготавливает «сонное зелье» и печет «усыпляющие лепешки»²⁵ для стражей; знает, где «хранится» царевна; знает, что быть погоне (и на этот случай у нее есть чудесные предметы, превращающиеся в непреодолимые преграды).

- Наиболее значимый сбой²⁶ в традиционном функционировании Яги: чтобы прекратить экзекуцию, она предлагает герою сослужить для него (вместо него) службу, которую он взялся сослужить царю Селиму, – добыть царевну. Предложение героем не только принимается, но и за-

крепляется имитацией формулы принятия обета служения – невыполнение обязательства карается смертью (заимствованный и адаптированный элемент рыцарской повести):

«Сампсон перестал ее бить-колотить и развязал ей руки и ноги, и пустил на волю, и говорил ей такие слова: “Слушай, Баба-яга, *сослужи ты мне службу и доставь мне царевну Дарью Еремеевну, а если ты мне не доставишь, то я тебя убью*, и ты нигде от меня не укроешься, ни в воде, ни в огне, ни под землею, я везде тебя найду”...» (см. фрагмент сказки в Приложении).

Очевидно, что помощь Яги здесь вынужденная (в силу обстоятельств), и это не помощь, но служба ситуативному сюзерену: она сама отправляется добывать герою царевну, – действие, Яге несвойственное (хотя похищения – ее амплуа). Подобный сюжетный поворот с участием Яги – большая редкость (в СУС 303 ‘Два брата’ и 519 ‘Безногий и слепой богатыри’ Яга под страхом смерти помогает героям, но ее помощь не является обетом и не связана с тем, что, в свою очередь, для них является исполнением обета сюзерену). Все это не просто дань увлечению переводными героическими повестями, но очевидное свидетельство усложнения функционирования персонажей – один из приемов лубочной переработки.

• В повествовании улавливается обозначение Ягой героя как своего сюзерена, например, ее призывание Сампсона себе на выручку в момент крайней опасности:

«Государь ты *мой*, Сампсон Лукьянович, солдаты и воины царя семигальского Еремей *меня* настигают и смертью угрожают, и хотят *у меня* свою царевну Дарию Еремеевну отнять, а *меня* злой смерти предать...» (см. фрагмент в Приложении).

Этот призыв вполне может трактоваться как предусмотренный обязательствами сюзерена в отношении вассала²⁷ (Сампсон явно призывается спасти ее, Ягу: *государь мой... меня настигают, мне угрожают смертью, у меня хотят отнять... добытую Дарью*). Ничего подобного народная сказка не знает. Стоит также отметить используемый здесь прием «переворачивания».

Во-первых, не Яга в погоне, а погоня за ней (роль объекта погони для Яги – нонсенс, еще один очевидный сбой); причем Яга здесь застигнута в момент своего «служения», но догоняет ее целое войско, она же – не воительница, и арсенал ее собственных возможностей исчерпан. Очевидно, что помочь Яге может не столько более сильный, сколько наиболее заинтересованный в результате исполнения ею обещанного.

Во-вторых, Яга призывает Сампсона «громким тонким» голосом, и это еще один сбой, так

как традиционным для Яги, особенно в волшебной-героической сказке, является голос зычный (к тому же, ‘ягать’ – *кричать*). «Тонкий» голос может свидетельствовать об отсутствии сил – действительно крайний момент и помощь нужна срочно; тем более что высокий тонкий голос (пронзительный, «головной») в обрядовом фольклоре считается «пробивающим» пространство (а герой здесь далеко, «за тридевять земель», ждет Ягу в ее избушке). Сампсон слышит призыв и спешит Яге на помощь. Его выезд – замечательный пример литературной обработки былинного материала:

«Сампсон... взял свою дубинку в правую руку, а в левую крепкий щит, и садится на коня своего Рабикана, и ударяет его по крутым бедрам, конь осержается²⁸, от земли подымается выше лесу стоячего, ниже облака ходячего, малые речки хвостом устилает, большие переплывает, и настиг²⁹ он рать-силу великую...»

– былинная формула, вправленная в литературно оформленный контекст³⁰.

• Перевернутость ситуации достигает максимума в попытках Яги задержать погоню: она бросает превращающиеся в непреодолимые преграды щетку (густой лес) и платок (широкая, глубокая река) и терпит неудачу. В народной сказке чудесные предметы (обычно их три, здесь же только два) традиционно принадлежат Яге, но используются против нее сбегающими героями (в СУС есть сюжет 313 Н* ‘бегство от ведьмы с бросанием чудесных предметов’, а не наоборот). Использование их самой Ягой, чтобы спастись от погони, – факт «вольного обращения» автора-лубочника с материалом народной сказки и явное свидетельство трансформации образа.

• Наконец, еще один нетрадиционный момент – по завершении дела герой отпускает Ягу «восвояси», что для народной сказки совершенно нетипично, такая концовка единично встречается в сказках лубочных. Например, так заканчивается «Сказка про Ивашку Медвежье ушко» из «Старой погудки» (СУС 301 А, В), но Яга там воительница и ее отношения с героем иные; она отпускается «на все четыре стороны» после того, как признает свое поражение, «возвращает» к жизни братьев героя и дает зарок никогда более против него не ходить.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренный фрагмент дает представление о характере переработки народной сказки авторами лубочных сборников конца XVIII – начала XIX века: «поновление» затрагивало все – от сюжета, композиции и функциональных характе-

ристик персонажей до языка и стиля повествования. Сборник «Сказки моего дедушки» (1820) был оценен исследователями как один из лучших своего времени; такой оценкой он, скорее всего, обязан приближенности содержания к народной традиции, с которой его автор был знаком, равно как и с материалами предшествующих лубочных изданий сказок. Если добавить к этому его осведомленность по части героического эпоса и знание предпочтений читающей публики (введенные элементы освоенных заимствований и созвучные им былинные), очевидно, что переработка была не просто творческой, но эклектичной. Что касается непосредственно подачи образа Бабы-Яги, то здесь традиционное функционирование Яги-помощницы (советы и чудесные дары) переводится в модус личного замещения героя – не «я помогу тебе сделать», а «я сделаю вместо тебя» – роль для Яги несвой-

ственная и в народной сказке не встречающаяся. Трансформация функционирования Яги напрямую связана с усиленной героической составляющей повествования: очевидна корреляция с героикой главного персонажа; и это уже не основная в «квесте» функция Яги по выявлению и утверждению его как истинного героя, а признание его как более сильного и потому главного – обыгрываются ключевая для образа Яги «работа» с разного рода силой и заимствованный мотив служения сюзеру.

Кроме того, здесь, в сказке лубочной, фиксируется смешение (в разных ракурсах и долях) функциональных черт трех базовых типов Яги, столетием позже обозначенных В. Я. Проппом, – помощницы, похитительницы и воительницы; отработаны агрессивная (прямое и «перевернутое» проявление) и колдовская (наиболее близкая Яге форма силы) характеристики.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«Сказка о славном и чудном богатыре Сампсоне Лукьяновиче и царевне Судиславе» (фрагмент)³¹.

И ехал Сампсон путем-дорогою ровно тридцать дней, и приехал в густой и дремучий лес, и увидел, что в оном лесу стоит избушка на курьих ножках и повертывается. Тогда он сказал: “Избушка, стань к густому лесу задом, а ко мне, доброму молодцу, передом”. Только Сампсон вымолвил слова сии, то избушка в ту минуту перевернулась на своих ножках и стала к лесу задом, а к Сампсону передом. Сампсон в оную избушку входит и видит в оной сидящую Бабу-ягу.

Только лишь она увидела Сампсона Лукьяновича, то бросилась на него и хотела его когтями разорвать и живо-го сожрать, но он, схвативши ее за руки крепко, сказал: “Ох ты, Баба-яга, не гораздо шути, этот кусок тебе жирен, неравно им подавишься”. И схвативши ее за руки и за ноги, привязал к столу дубовому, и взявши свою дубинку в тридцать пуд, начал оную дубинкою Бабу-ягу поколачивать и поучивать. Тогда взмолилась ему Баба-яга: “Государь ты мой, Сампсон Лукьянович, умилось сердце ты надо мною, я тебе службу сослужу и украду у царя Еремея Пахомовича дочь славную и прекрасную царевну Дарию Еремеевну”. Тогда Сампсон перестал ее бить-колотить и развязал ей руки и ноги, и пустил на волю, и говорил ей такие слова: “Слушай, Баба-яга, сослужи ты мне службу и достань мне царевну Дарию Еремеевну, а если ты мне не достанешь, то я тебя убью, и ты нигде от меня не укроешься, ни в воде, ни в огне, ни под землею, я везде тебя найду”. Когда он кончил сии слова, то Баба-яга начала толочь усыпляющего зелия и тесто месить и лепешки печь, и когда она теста с усыпляющим зельем намесила и лепешек напекла, то сказала Сампсону: “Государь ты мой, Сампсон Лукьянович, теперь я отправляюсь в путь, доставать царевну Дарию Еремеевну, а ты дожидайся меня здесь”. И садится она в ступу и отправляется в путь, за тридевять земель, в тридесятое царство Семигальское государство к царю Еремею Пахомовичу, доставать дочь его, славную и прекрасную царевну Дарию Еремеевну.

И ехала Баба-яга к Семигальскому царству ровно девять месяцев; приехавши к тому месту, где хранилась царевна, Баба-яга начала львам и змиям кидать лепешки с усыпляющим зелием, львы и змии лепешки поели и от зелия крепким сном поуснули; тогда Баба-яга вошла в палаты царевны Дарии и, схвативши ее в охапку, посадила с собою в ступу и поехала к Сампсону.

Царь Еремей Пахомович, пришедши навестить любезнейшую дочь свою Дарию Еремеевну, не обрел ее в палатах белокаменных и в садах зеленых, исполнился ярости и гнева и приказал в трубу трубить и в тимпаны бить, и собралось к нему войско храброго полмиллиона, а простых солдат, что и сметы нет. И послал он их в погоню за Бабою-ягою и за царевной Дариною. Баба-яга, видя, что за нею погоню чинят и хотят ее злой смерти предать, кинула на землю щетку, отчего вырос дремучий лес, и ни пройти, ни проехать тем лесом невозможно. Тогда все солдаты и воины царя Еремея начали оный лес вырубать и, вырубивши лес, опять погнались за Бабою-ягою.

Баба-яга, видя, что за нею погоню чинят и хотят ее злой смерти предать, кинула на землю платок, отчего сделалась широкая река и холодная вода. Тогда все солдаты и воины царя Еремея начали оную реку переплывать и, переплывши, опять погнались за Бабою-ягою, и начали Ягу наступать. Тогда Баба-яга, видя свою беду неминуемую, взмолилась Сампсону и воскликнула громким тонким голосом: “Государь ты мой, Сампсон Лукьянович, солдаты и воины царя семигальского Еремея меня наступают и смерти угрожают, хотят у меня свою царевну Дарию Еремеевну отнять, а меня злой смерти предать”. Сампсон, услышав такие слова, взял свою дубинку в правую руку, а в левую крепкий щит, и садится на коня своего Рабикана, и ударяет его по крутым бедрам, конь осердится, от земли подымается выше лесу стоячего, ниже облака ходячего, малые речки хвостом устиляет, большие переплывает, и настиг он рать-силу великую царя семигальского Еремея в то время, когда уже они Ба-

бу-ягу нагнали и хотели злой смерти предать. И кинулся на них Сампсон Лукьянович, и рек таково слово: “Не ясен сокол напускает на воробьев и синиц и мелких пташечек, напускает то Сампсон богатырь на рать-силу великую царя семигальского Еремея, сколько силы побьет, вдвое того конем потопчет”. И начал он дубинкою своей махать и солдат и воинов поколачивать; где раз махнет – там улица, а в другой махнет – с переулочками. И побил он войска храброго полмиллиона, а простых солдат, что и сметы нет.

По окончании дела ратного и побоища кровавого, Сампсон богатырь Бабу-ягу отпустил восвояси, а царевну Дарию Еремеевну с собою взял и поехал с нею к Арабскому царству к царю Селиму...».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Об отношении к лубочной сказке, а также о печатном и письменном (рукописном) ее бытовании см.: [3: 28], [6: 205–206], [7: 27, 28]. При всей уничижительности оценок («низкопробная литература», «базарно-рыночная литература», «литературный хлам» и т. п.) не оспаривается, что это литература.
- ² Цитата сжата и перефразирована, но смысл не изменен, приводится по: [7: 27–28].
- ³ Как указывает Н. В. Новиков, лубочная сказка начала XIX века «почти всецело живет за счет материалов, опубликованных в веке XVIII-м» [7: 22].
- ⁴ Это второй раздел новиковского издания [8: 60–262]; предьявление неровное – сказок с Ягой нет в семи из десяти авторских собраний, см.: «Письмовник» Н. Курганова, «Бабушкины сказки» и «Сава, ночная птица» С. Друковцева, «Русские сказки» В. Левшина, «Похождения некоторого россиянина», «Забавный рассказчик» Е. Хомякова и «Журнал приятного... чтения». Правда, нет и уверенности в их полном отсутствии, поскольку материалы для публикации Н. В. Новиковым отбирались. Несокращенные названия трех оправдавших ожидания сборников: «Лекарство от задумчивости и бессонницы, или настоящие русские сказки»; «Сказки русские, содержащие в себе 10 различных сказок. Собраны и изданы П. Тимофеевым»; «Старая погудка на новый лад, или полное собрание древних простонародных сказок».
- ⁵ См.: Русские народные картинки. Собрал и описал Д. А. Ровинский. Т. 1. СПб.: Издание Р. Голике, 1900. С. 273–274. Время гравировки – первая четверть XVIII века; привлекает внимание замечание Б. М. Соколова о времени появления сюжета с воинствующей Ягой: «Первым... мы считаем вариант из собрания Я. Штелина (оттиск 1760-х гг., Ров. № 37), в котором “детский” рисунок выдает *свежепридуманность сюжета*... (курсив мой. – А. Н.)» [9: 52].
- ⁶ См.: Попов М. Описание древнего славянского баснословия. СПб., 1768. С. 47. Стоит отметить попадание такой трактовки образа Яги в рукописные сборники, см.: сборник Ф. И. Кудрешова (дат. 1850) – РО ГПБ. О.IV.65.–2 [8: 376].
- ⁷ Ярким примером адаптации сюжета ‘Еруслан Лазаревич’ является «Сказка об Артобазе Хиразовиче – сильном могучем богатыре» в «Старой Погудке» (изд. 2003) [11: 18–64]; можно не сомневаться, что автору «Сказки о Сампсоне...» этот лубочный вариант был с знаком. В сказке есть вставленный позже двухэпизодный фрагмент (усл. СУС 301 В ‘Три царства’), в котором представлена Яга-антагонистка и воительница, сражающаяся с героем [11: 28, 58–59].
- ⁸ Былина «Добрыня Никитич и Змей» (№ 4), зап. от М. П. Локтева А. Д. Григорьевым в 1901 г. в с. Немнога; есть помета, что Алеша Попович идентифицируется здесь с Бовой-королевичем, персонажем сказочным. Приводится по: Былины: В 25 т. Т. 6: Былины Кулоя / Изд. подгот. Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов. СПб.: Наука; М.: Классика, 2011. С. 104. (Свод русского фольклора.)
- ⁹ Былина «Добрыня и Алеша» (№ 228), зап. от П. Воинова А. Ф. Гильфердингом в 1871 г. в д. Рыжково на Свином озере (у Кенозера). Приводится по: Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1873. Стб. 1093.
- ¹⁰ Былина «Добрыня и Алеша» (№ 290), зап. от А. Гусева А. Ф. Гильфердингом в 1871 г. в д. Заболотье на Кенозере. Приводится по: Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Стб. 1253.
- ¹¹ Сиповский В. В. «Очерки из истории русского романа». 1910. Т. 1. Вып. 1. С. 71; цитата приводится по Э. В. Померанцевой [5: 38].
- ¹² Речь о первом разделе новиковского издания по XIX веку [7: 55–116], в который выборочно вошли тексты сборников «Собрание сказок» (1820) и «Сказки моего дедушки» (1820); материалы раздела определяются как библиографическая редкость [7: 346–351]. Сборники анонимны, что можно расценить как приближенность к народным сказкам.
- ¹³ Полное название – «Сказки моего дедушки. Новейшее российское сочинение» – довольно точно, на наш взгляд, раскрывает суть лубочного сборника: здесь и апелляция к авторитетному носителю народной традиции – человеку старому, *сказывающему сказки, и новейшее сочинение*, то есть произведение современное и художественное (и... напечатанное); и все подчеркнуто *свое* – и дедушка «мой», и сочинение «российское».
- ¹⁴ Выпуск «пятком» для того времени обычен; названия и порядок предьявления сказок, см.: [7: 25].
- ¹⁵ Номера сюжетов сказок даются по Сравнительному указателю сюжетов восточнославянской сказки [10].
- ¹⁶ Говоря об этой сказке, Н. В. Новиков указывает: «... в содержании ее значительно рельефней выступают чисто сказочные мотивы, правда, зачастую взятые из различных сказок (например, из “Бовы-королевича”) и искусственно соединенные в одно целое» [7: 349]; «рельфней» – в сравнении со сказкой «О славном и сильном витязе Еруслане», предшествующей в новиковском издании рассматриваемой. Подчеркнем, что по СУС сюжеты с № 650 и до № 699, соответственно и «Еруслан», объединены в группу «Чудесная сила или знание (умение)» [10: 168].

- ¹⁷ Во фрагменте герой указывается чаще по имени, реже – по имени-отчеству; но по тексту сказки в целом именование героя и других персонажей идет по имени-отчеству, и это не сказочный, а, скорее, былинный элемент.
- ¹⁸ Былина «Добрыня и Алеша» (№ 228, ст. 77–88), зап. от П. Воинова А. Ф. Гильфердингом в 1871 г. на Кенозере. См.: Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Стб. 1090–1097.
- ¹⁹ Цитата из рассматриваемого сказочного текста, завершающая эпизод, предшествующий контакту героя с Ягой.
- ²⁰ Затрагиваются генетическая связь и традиционная взаимозаменяемость Яги и многоглавой Змеи (Чудища; двенадцатиглавая Змея = Яга, например, в СУС 300 А, В и в 303).
- ²¹ Богатырю приходится биться с Ягой, «как с бабой», см. упоминавшуюся былинку «Добрыня и Алеша» (№ 228, зап. от П. Воинова, Кенозеро); стоит учитывать, что сказочное имя = функции персонажа, в отношении Яги это более чем справедливо.
- ²² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 4 (Т – ящур) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987. С. 544, 545–546 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.slovozd.ru/etym-vasmer/-pdf/vasmer-etymologic-dict4.pdf (дата обращения 19.05.2019).
- ²³ Скорее всего, это так, но имеются отдельные сказочные варианты и с героической (СУС 301 и 303), и с иной основой (327 С), когда герой сражается с Ягой ее же «оружием» – пестом.
- ²⁴ См. в: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Подгот. текста и примеч. В. Я. Проппа. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957. Т. 3. С. 9–13. В тексте не три, а две Яги (нарушение сказочной тричности), они также подчиняются силе героя, и помощь, соответственно, вынужденная. Текст демонстрирует «вторичность» – идет смешение сказочных и былинных элементов, вполне ощутима литературная обработка.
- ²⁵ Творение сонного зелья – вполне традиционный для Яги элемент в других сказках, например, в том же сюжете «Незнайка», который указывается частью контаминации рассматриваемого текста; или же в «Царь-девице», когда Яга с помощью «сонной булавочки» мешает встрече потенциальных жениха и невесты (см. «Золотую утицу...»).
- ²⁶ Как указывает Н. В. Новиков, «в дальнейшем Баба-яга выполняет несвойственную ей роль: вместо наставления и совета герою, что нужно сделать, для того, чтобы достичь желаемого, она сама похищает для него Дарью Еремеевну и спасается от погони, бросая на дорогу сначала щетку (вырастает лес), потом платок (делается река)» [7: 349–350].
- ²⁷ Исполнять службу Яга едет в своей ступе «ровно девять месяцев», что видится странным, поскольку передвижение Яги в ступе является обычно мерилом быстроты, например: в 300 А, В богатырские кони далеко не всегда могут с ней в том сравниться.
- ²⁸ Пример «переворачивания» ситуации: срочный богатырский выезд с былинной формулой «конь осержается...» как отражение более раннего эпизода добывания героем богатырского коня из запертой, заваленной конюшни – «Сампсон осержается...» и т. д.
- ²⁹ Очевидна путаница в направлении погонь: Сампсон не может «настигать» рать-силу, которая догоняет Ягу, возвращающуюся с добычей домой, ведь он едет им навстречу.
- ³⁰ См. также: «И кинулся на них Сампсон Лукьянович и рек таково слово: “Не ясен сокол напускает на воробьев и синиц и мелких пташечек, напускает то Сампсон богатырь на рать силу великую... сколько силы побьет, вдвое того потопчет”...» – можно было бы предположить неточное воспроизведение характерной былинной формулы описания, но здесь прямая речь, причем персонаж говорит о себе самом; следовательно, это имитация.
- ³¹ Фрагмент с Ягой [7: 96–98], текст сказки полностью [7: 93–102]; в комментариях на с. 349 указывается: «...текст взят из сборника “Сказки моего дедушки” (с. 3–34, отд. пагинация)».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Елеонская Е. Н. Сказка, заговор и колдовство в России: Сб. трудов / Вступ. ст. и сост. Л. Н. Виноградовой; Подгот. текста и коммент. Л. Н. Виноградовой, Н. А. Пшеницыной. М.: Индрик, 1994. 272 с.
2. Корепова К. Е. Старая погудка на новый лад...: Лубочная сказка как жанр // Живая старина. 1997. № 4. С. 21–23.
3. Корепова К. Е. Русская лубочная сказка. Н. Новгород: КиТиздат, 1999. 244 с.
4. Мифы древних славян / Сост. А. И. Баженова, В. И. Вардугин. Саратов: Надежда, 1993. 320 с.
5. Померанцева Э. В. Судьбы русской сказки. М.: Наука, 1965. 220 с.
6. Рожкова Ф. И. Русский лубок и развитие повествовательного начала в народной сказке // Народная культура Сибири: Материалы VIII научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск: Изд-во Омского гос. пед. ун-та, 1999. С. 205–207.
7. Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века / Сост., вступ. ст. и коммент. Н. В. Новикова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 396 с.
8. Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI–XVIII века) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н. В. Новикова. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. 288 с.
9. Соколов Б. М. «Баба Яга деревяна нога едет с каркарладилом драгитися»: Слово в лубке как символ «письменной культуры» // Живая старина. 1995. № 3. С. 52–54.
10. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. 440 с.
11. Старая погудка на новый лад. Русская сказка в изданиях конца XVIII века / Сост., вступ. ст. К. Е. Кореповой. СПб.: Трoпа Троянова, 2003. 400 с.

Поступила в редакцию 31.05.2024; принята к публикации 08.07.2024

Original article

Alla V. Nikitina, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor,
Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian
Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
centsouffle@gmail.com

A FOLK TALE IMAGE TRANSFORMATION IN POPULAR PRINTED (*LUBOK*) TALES: THE CASE OF BABA YAGA

Abstract. The paper addresses one aspect of relations between folklore and popular print (*lubok*) traditions related to the transformation of folk tales in popular printed (*lubok*) compilations of tales. Primary attention is focused on the resulting changes of the functional features of the Baba Yaga character. The novelty of the used research approach is in the broadness of the contexts for the comparison of Baba Yaga's functions in *lubok* texts and folk fairy tales. The paper analyzes a fragment of a tale included in a *lubok* compilation dated to the early XIX century. Significant strengthening of the heroic aspects in the narrative resulted in the correlation between Yaga's functions and the functions of the main character (the hero). This resulted in Yaga acquiring features non-specific for this character, including the correction of goal-setting. In addition to the abovementioned changes in the specificity of the functioning of this type of Baba Yaga, typical for the analyzed plot, the manifestations of functional features of other types were identified. These observations provide a perspective for further reconsideration of the essence and quality of transformation of folklore plots performed by an anonymous author of the *lubok* tale, as the main types (forms) of Baba Yaga were identified by V. Ya. Propp only a century later.

Keywords: folk tale, popular printed tale, *lubok* tale, Baba Yaga, literary transformation, functional characteristics
For citation: Nikitina, A. V. A folk tale image transformation in popular printed (*lubok*) tales: the case of Baba Yaga. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(6):97–105. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1081

REFERENCES

1. Eleonskaya, E. N. Tales, spells, and wizardry in Russia: Collection of papers. (L. N. Vinogradova, N. A. Pshenitsina, Eds.). Moscow, 1994. 272 p. (In Russ.)
2. Korepova, K. E. Old tunes in new styles: *Lubok* tale as a genre. *Zhyvaya starina*. 1997;4:21–23. (In Russ.)
3. Korepova, K. E. Russian *lubok* tales. Nizhniy Novgorod, 1999. 244 p. (In Russ.)
4. Myths of ancient Slavs. (A. I. Bazhenova, V. I. Vardugin, Comps.). Saratov, 1993. 320 p. (In Russ.)
5. Pomerantseva, E. V. Fates of Russian folk tales. Moscow, 1965. 220 p. (In Russ.)
6. Rozhkova, F. I. Russian *lubok* and the development of narrative in Russian folk tales. *Folk culture of Siberia. Proceedings of the VIII research and practice workshop of Siberian Regional Interuniversity Center for Folklore Studies*. Omsk, 1999. P. 205–207. (In Russ.)
7. Russian folk tales as recoded and published in the first half of the XIX century. (N. V. Novikov, Ed.). Moscow; Leningrad, 1961. 396 p. (In Russ.)
8. Russian folk tales in early records and publications (XVI–XVIII centuries). (N. V. Novikov, Ed.). Leningrad, 1971. 288 p. (In Russ.)
9. Sokolov, B. M. “Baba-Yaga the Wooden Leg is riding to fight a crocodile”: Captions in *lubok* pictures as manifestations of “written culture”. *Zhyvaya starina*. 1995;3:52–54. (In Russ.)
10. Comparative index of plots. Eastern Slavic Tales. (L. G. Barag, I. P. Berezovsky, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov, Comps.). Leningrad, 1979. 440 p. (In Russ.)
11. Old tunes in new styles. Russian folk tales published in the late XVIII century. (K. E. Korepova, Ed.). St. Petersburg, 2003. 400 p. (In Russ.)

Received: 31 May 2024; accepted: 8 July 2024

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ПЕТРОВ

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклористики и литературоведения (с фонограммархивом) Института языка, литературы и истории Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-5095-4254; hermitage2005@yandex.ru

НЕОНИЛА АРТЕМОВНА КРИНИЧНАЯ: НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ

А н н о т а ц и я . Рассмотрены материалы выступлений Неонила Артемовны Криничной на конференции «Рябининские чтения» с 1991 по 2011 год. Охарактеризованы основные научные интересы исследовательницы, представлена ее методология. Кроме традиционных проблем мифологии, образно-мотивного строя, истории жанров, внимание Н. А. Криничной привлекала и проблема индивидуальности носителя фольклорной традиции. Представлены основные тезисы из статей, подготовленных и опубликованных ею на основе докладов. Проблематика работ дана в динамике: продемонстрирован путь от характеристики былинного певца Т. Г. Рябинина через выявление истоков его мастерства к обобщающим выводам о факторах, формирующих фигуру сказителя как такового. Существенное внимание исследовательница уделяла проблеме влияния личности сказителя на создаваемый им фольклорный текст. Этот процесс носит двунаправленный характер: с одной стороны, обстоятельства жизни исполнителя сказываются на выборе и трактовке традиционных образов и сюжетов; с другой – личность певца, его персональные творческие интенции ограничены рамками образно-сюжетных стереотипов, предписаний, регламентаций, этикетных формул народной культуры.
К л ю ч е в ы е с л о в а : Криничная Неонила Артемовна, конференция, Рябининские чтения, биография, Рябинин, сказитель, былина, Киж

Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена в Карельском научном центре РАН в рамках работы по госзаданию. Считаю своим приятным долгом выразить признательность музею-заповеднику «Киж» и Ольге Николаевне Сергеевой за содействие в работе с материалами научного архива.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Петров А. М. Неонила Артемовна Криничная: несколько штрихов к научной биографии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 6. С. 106–111. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1082

22 ноября 2023 года известному фольклористу Неониле Артемовне Криничной (1938–2019) исполнилось бы 85 лет. В профессиональном сообществе она давно не нуждается в представлении: круг ее интересов хорошо известен коллегам [13], [14], [16], [17], [18], [19]. Но подобные даты – всегда повод вспомнить ученого, еще раз отметить значимые вехи на его пути. Особенно важно сделать это именно сейчас, в год 300-летия Российской академии наук, в стенах которой прошла вся научная жизнь Неонила Артемовны.

Предлагаемые размышления появились на свет достаточно случайно. В преддверии очередных «Рябининских чтений» (2023) я подготовил небольшой доклад о Неониле Артемовне

для специальной мемориальной секции. Доклад носил название «Неонила Артемовна Криничная: несколько штрихов к научной биографии». Текст не предназначался для публикации в каком-либо научном журнале или сборнике, он был рассчитан лишь на однократное устное представление на заседании. Однако, как мне кажется, заинтересованных слушателей у этого сообщения может быть значительно больше, чем присутствовало в аудитории в тот день. Переработанный текст доклада и лег в основу настоящей статьи. Возможно, она будет в чем-то полезна и интересна специалистам по истории фольклористики, коллегам, ученикам, родным Неонила Артемовны. Кроме того, своей собственной «историей» за-

служивают уже и сами «Рябининские чтения»: научный архив музея-заповедника «Кижь» хранит немало ценнейших сведений об этой конференции, в чем мне довелось убедиться лично. История «Рябининских чтений» еще не написана, но, скорее всего, это лишь вопрос времени.

Какие же штрихи к научной биографии Неонила Артемовны имеются в виду? Речь идет о Н. А. Криничной как постоянном участнике «Рябининских чтений» с 1991 года.

Конференция – особая форма представления научного знания: доклады существуют в устном виде, часто представляют собой «импровизацию на заданную тему», последующие обсуждения сохраняются лишь в памяти участников, многие идеи, обсуждаемые «в кулуарах», исчезают бесследно, но что-то и воплощается в новые проекты, научные коллаборации и т. п. Однако в любом случае публичная дискуссия всегда очень полезна: исследователю жизненно необходимо делиться предварительными наработками, находками, методиками, идеями с коллегами по цеху, получать некую «обратную связь», слышать взвешенную оценку своих достижений в предметной области. Особенно это касается выступлений на таких крупных научных форумах, как «Рябининские чтения». Для фольклористов эта конференция – одна из наиболее представительных в России. По этой причине Неонила Артемовна не могла проигнорировать столь значимую площадку, тем более что «Рябининские чтения» проходят в Петрозаводске.

Неонила Артемовна известна как ученый мифологического направления. Ее работы по мифологии востребованы научным сообществом и широкой публикой, чему свидетельство – недавнее переиздание серии книг по соответствующей тематике [4], [6], [7], [8]. Однако только мифологией ее научные интересы не ограничивались. В научном архиве музея-заповедника «Кижь» хранятся программы всех «Рябининских чтений». Из названий докладов, прочитанных Неонилей Артемовной, очень хорошо видны ее научные интересы и их трансформация.

В 1991 году она выступила с пленарным докладом «Сказитель Т. Г. Рябинин: биография и эпическое наследие»¹. Тогда конференция прошла под названием «Фольклорные традиции и музей» (имеется соответствующий сборник тезисов [20]), но именно она положила начало нынешним «Рябининским чтениям» и считается первой в этом ряду [15]. Доклад открывал конференцию, выступление Н. А. Криничной – это точка, с которой ведется отсчет истории «Рябининских чтений». Позже исследовательница

на основе доклада подготовила и опубликовала статью «Сказитель Трофим Григорьевич Рябинин: жизнь и эпическая поэзия» [9]. Следовательно, помимо фольклорного текста и его этнографического контекста, Неониле Артемовну интересовала проблема личности, индивидуальности носителя фольклора (мастера, знатока, исполнителя – здесь существует множество терминов).

Закономерно, что она обратилась к личности именно Т. Г. Рябинина, поскольку в 1991 году отмечалось 200-летие со дня его рождения. В действительности он родился в 1801 году, и в 1991-м ему исполнилось 190 лет; это стало известно позже [1], [2: 31]. По довольно скудным на то время биографическим сведениям Неонила Артемовна попыталась воссоздать целостный облик сказителя, начиная с портрета, известного по фотографиям, наброскам с натуры, прижизненным словесным описаниям: «...старый певец, седобородый крестьянин Олонецкой губернии с глубоко впавшими глазами, придающими ему почтенный и серьезный вид» [9: 6]. Исследовательница следует каноническому сценарию биографии: указывает время и место рождения Т. Г. Рябинина, отмечает важнейшие повороты в его судьбе. Она обращает внимание на разную, царивший в вопросе о дате рождения сказителя: то 1793 год, то 1791-й, причем обе даты, как выяснилось впоследствии, неверны.

Н. А. Криничная перечисляет «учителей» Т. Г. Рябинина, от которых он усвоил былинный репертуар: Иван Агапитович Завьялов, Илья Елустафьев, Игнатий Иванович Андреев; кратко характеризует состав былинных сюжетов из рябининского репертуара: «Добрыня и змей», «Илья Муромец и Калин-царь», «Илья Муромец и Соловей-разбойник» и др.; описывает встречу сказителя с П. Н. Рыбниковым, с А. Ф. Гильфердингом.

Существенное внимание уделено особенностям исполнительской манеры Т. Г. Рябинина, он назван «творцом новых редакций» [9: 17]. Отмечается, что Т. Г. Рябинин прекрасно владел «традиционными эпическими формулами и приемами, храня в памяти множество излюбленных оборотов и устойчивых словосочетаний» [9: 17]. Неонила Артемовна рассматривает былины как текст в контексте, как неотъемлемую часть народного искусства: они напоминают и театрализованное действие, и традиционный орнамент и т. д. [9: 20].

В 1995 году, на второй конференции, ее доклад также был посвящен Т. Г. Рябинину. Однако подход к проблеме был существенно усложнен.

Доклад назывался «Феномен сказительского искусства: к реконструкции становления Т. Г. Рябинина как певца былин»². Н. А. Криничная задалась вопросом: как формируется мастер сказывания былины? Какие факторы играют в становлении сказителя ключевую роль? Иными словами, что сделало Рябинина Рябининым? Вопрос действительно сложный, поскольку ответ складывается из множества составляющих. Неонила Артемовна пытается определить эти составляющие: это среда природная, общественная и культурная [12: 15].

Первым фактором формирования сказителя стала его родная земля, окружающая природа, способствующая формированию художественного вкуса, чуткости к ритму, эпического настроя и т. д. [12: 17–18].

Второй фактор – крестьянская община [12: 19–20].

Третий – владение ремеслом сетевяза (плетение, починка сетей). По мнению Н. А. Криничной, этот фактор оказал самое прямое влияние на усвоение Т. Г. Рябининым эпического знания:

«...плетение сетей и сказывание былин (своего рода “плетение словес”) не разделялись. Как занятие, особенно благоприятствующее бытованию эпической поэзии, характеризует плетение сетей А. Ф. Гильфердинг» [12: 21].

Ремесло сетевяза (а также прядение) трактуется Неонилой Артемовной с позиций мифологической школы. По ее мнению, плетение сетей и прядение осмыслялись в народных верованиях как знаки-символы судьбы:

«Дублируя действия мифических рукодельниц, прядущих нить человеческой жизни, а затем оформляющих ее посредством плетения, вязания в виде тех или иных символических конфигураций, заонежские сетевязы, если раскрыть мифологическую обусловленность их действий, творили “рыбачье счастье”» [5: 36].

Четвертый фактор – занятие земледелием, которое поддерживает необходимый уровень «приверженности к традиции» и одновременно «порождает всеохватывающее ощущение ритма» [12: 23].

Пятый фактор – общекультурный контекст:

«Не случайно собиратели отмечают, что именно в домах старого типа, украшенных резьбой и росписью, они обычно находили и древние словесные, музыкальные произведения. Такая взаимообусловленность различных видов народного искусства объясняется их общей природой, вытекающей из первоначального синкретизма» [12: 24].

Шестой фактор – сказительская школа. Любое творчество опирается на технику, выработанную в процессе кропотливого ежедневного труда:

«В распоряжении сказителя имеется своего рода объемная азбука (по А. Лорду, это формулы и формульные выражения); ему известен “механизм” соединения составных слагаемых этой азбуки <...> Не случайно и сам Т. Г. Рябинин, и восприимники его эпического знания определяют это усвоение словом “понял”» [12: 26].

В то же время Н. А. Криничная отмечает и влияние фактора личности, индивидуальности сказителя: «Вновь усвоенная былина содержанием своим как бы перекликается с обстоятельствами жизни самого сказителя» [12: 26].

В 1999 году на следующих «Рябининских чтениях» (третьих по счету) ее доклад «Становление сказителя: роль общинного начала»³ также был посвящен личности исполнителя, но уже в более обобщенном ключе – не только Т. Г. Рябинина, но и в целом феномену сказительства, проблеме становления сказителя, его мастерства.

Для рассмотрения этой проблемы Н. А. Криничная использует историко-этнографический подход: «...решение фольклористических проблем нередко оказывается далеко за пределами собственно фольклористики» [10: 145]. В частности, в своем докладе она остановилась «на роли крестьянской общины в становлении певца былин» [10: 145]. По мнению Н. А. Криничной, «община спланивала своих членов в крепкий духовный союз, санкционировала приверженность традициям, в том числе и фольклорным» [10: 148]. Именно поэтому «вместе с распадом традиционной крестьянской общины начинает угасать и эпическая поэзия» [10: 152].

Таким образом, проблема индивидуальности носителя фольклорной традиции рассматривалась Неонилой Артемовной в течение ряда лет по пути восхождения ко все более высокой ступени теоретической абстракции. Эта эволюция могла соответствовать и возрастающей роли «Рябининских чтений» – от региональной конференции к крупному всероссийскому научному форуму. Сначала – биографический очерк, посвященный сказителю Т. Г. Рябинину. Этот очерк, приуроченный к «200-летию» Т. Г. Рябинина, носил во многом научно-популярный характер и в занимательной форме знакомил читателей с биографией и репертуаром былинного певца. Далее Н. А. Криничная задалась вопросом: какие факторы сформировали Т. Г. Рябинина как певца былин? Этот вопрос потребовал существенного погружения в теорию фольклора, в проблему усвоения и передачи сказителем эпического знания. Наконец, финальной стадией исследования стала разработка проблемы сказителя и его формирования вне привязки к конкретной фигуре. Н. А. Криничная использовала истори-

ко-этнографический подход, уделила первостепенное внимание роли крестьянской общины в формировании сказителя. Прочие аспекты не были разработаны столь же подробно – в частности, лишь бегло она упомянула о технике использования формул, о чередовании типических и общих мест и т. д. Однако эта проблема входит уже в область поэтики былин, которой Н. А. Криничная никогда специально не занималась.

В ее работах время от времени появляется вопрос (часто имплицитный): можно ли по фольклорному тексту судить об индивидуальности его создателя, в какой мере конкретная личность влияет на традиционный фольклорный текст? Н. А. Криничная занимает компромиссную позицию: она отмечает, что перипетии судьбы сказителя, его личные обстоятельства и предпочтения во многом влияют на выбор сюжетов, на их трактовку, на образно-мотивный строй и т. д. Например, в статье о М. М. Коргуеве она упоминает интересный факт: сказитель в силу жизненных обстоятельств не смог выучиться грамоте, однако все герои его сказок обязательно учатся в школе и грамотны. Иногда они грамотны сразу с рождения [11: 7]. Однако она считает (и справедливо), что индивидуальность во многом ограничена традицией, свобода творчества доходит лишь до определенного предела:

«...включенность сказителя в традиционную общность служит <...> ограничителем свободы личного творчества, что для народного искусства является не только естественным, но и закономерным» [10: 146].

В трудах Неонила Артемовны о личности сказителя находит отражение ее основной научный метод: интерпретация событийной исторической канвы с позиций мифологического подхода (например, трактовка сетевязка как мага). Такой подход во многом задан, предопределен трендами, характерными для постсоветской фольклористики. Один из таких трендов – возрастание интереса к мифологии. В связи с этим Неонила Артемовна однажды сказала в частной беседе: «Мы всегда, сами того не осознавая, находимся в плену каких-либо установленных рамок (теоретических, методологических, мировоззренческих, исторических); они станут заметны только в будущем, другим поколениям, ретроспективно». Следует заметить, что интерес к мифологии появился у Н. А. Криничной значительно раньше,

под влиянием ее учителя В. Я. Проппа, еще во время исследования народных преданий, которые она возводила к мифологическим истокам. Однако именно в 1990-е годы поворот к мифологии стал «мейнстримом», работы Неонила Артемовны оказались «на волне», совпали с общим вектором развития фольклористики. Возможно, что и предыдущие фундаментальные работы Неонила Артемовны в какой-то степени повлияли на формирование нового вектора, по крайней мере внесли в развитие этой тенденции определенный вклад.

В целом в 1990-е годы, после советского официоза и идеологических «строгостей», исследователям представились широчайшие возможности для свободного изучения разных областей народной культуры: мифологии, духовных стихов, постфольклора, семейных рассказов разного рода, городских легенд и т. д. Возрос интерес к христианским основам народной культуры. Открылось и разнообразие подходов: филологический, историко-этнографический, антропологический, лингвистический и др. Работы Н. А. Криничной в этой парадигме занимают свое место.

Сведений об участии Н. А. Криничной в «Рябининских чтениях-2003 и 2007» нет.

В 2011 году Неонила Артемовна прочитала доклад «Знакомый незнакомец: к семантике одного мифологического сюжета»⁴. Тема доклада полностью соответствовала научным интересам исследовательницы в то время. Уже была опубликована «Русская мифология: Мир образов фольклора», находилась в печати книга «Крестьянин и природная среда в свете мифологии», на подходе были новые разыскания – «Мифология воды и водоемов». Позже статья, в основу которой лег текст доклада, была опубликована в журнале «Русская речь» под названием «Двойник: к семантике мифологического образа» [3]: вероятно, такое название показалось редакции журнала более академичным.

Это были последние «Рябининские чтения», в которых довелось участвовать Неониле Артемовне, поскольку в 2014 году она вынужденно ушла на пенсию из-за болезни, во время работы над очередной научной темой, так и оставшейся незавершенной. Но хотелось бы верить, что рукописи всё же не горят...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Научный архив музея-заповедника «Кижы». Ф. 1. Оп. 3. Д. 1703. Л. 3.

² Научный архив музея-заповедника «Кижы». Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1201. Л. 38.

³ Научный архив музея-заповедника «Кижы». Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 1704. Л. 104–113.

⁴ Научный архив музея-заповедника «Кижы». Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 3906. Л. 63–68.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воробьева С. В. Биография сказителя Т. Г. Рябинина // Рябининские чтения'95 (Материалы международной научной конференции «Рябининские чтения-1995»: Сборник научных докладов). Петрозаводск, 1997. С. 27–36.
2. Воробьева С. В. Родословия русских сказителей Заонежья XVIII–XIX веков (Кижы – Сенная Губа): по материалам архивных документов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 160 с.
3. Криничная Н. А. Двойник: к семантике мифологического образа // Русская речь. 2013. № 5. С. 113–118.
4. Криничная Н. А. Мифология воды и водоемов. Былички, бывальщины, поверья, космогонические и этиологические рассказы Русского Севера. М.: Академический проект, 2023. 439 с.
5. Криничная Н. А. «Он стал чинить сетки, ловушки и другие рыболовные снасти...» (К эпизоду из биографии сказителя Т. Г. Рябинина) // Живая старина. 1995. № 4. С. 34–36.
6. Криничная Н. А. Русская мифология. Властители мироздания. Былички, бывальщины, легенды, поверья о людях, обладающих магическими способностями. М.: Академический проект, 2023. 318 с.
7. Криничная Н. А. Русская мифология. Духи-«хозяева» и традиционный крестьянский быт. Былички, бывальщины, легенды, поверья о духах-«хозяевах». М.: Академический проект, 2019. 353 с.
8. Криничная Н. А. Русская мифология. Человек на перепутье миров. Былички, бывальщины, легенды, поверья о поисках и посещениях заповедных мест и миров. М.: Академический проект, 2023. 300 с.
9. Криничная Н. А. Сказитель Трофим Григорьевич Рябинин: жизнь и эпическая поэзия // Заонежский сборник. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1992. С. 6–24.
10. Криничная Н. А. Становление сказителя: роль общинного начала // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера: Доклады III Международной научной конференции «Рябининские чтения-99». Петрозаводск, 2000. С. 145–152.
11. Криничная Н. А. Сын моря и сказки // Серебряный корабль: Сказки Матвея Коргуева / Лит. пересказ Виктора Пулькина. Петрозаводск: Карелия, 1988. С. 5–20.
12. Криничная Н. А. Феномен сказительского искусства: к реконструкции становления Т. Г. Рябинина как певца былин // Рябининские чтения'95 (Материалы международной научной конференции «Рябининские чтения-1995»: Сборник научных докладов). Петрозаводск, 1997. С. 15–26.
13. Кундозерова М. В. Н. А. Криничная как исследователь карельских рун // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 7. С. 114–118. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.674
14. Лойтер С. М. «Ценю ее таланты и ее добросовестность» (Н. А. Криничная в письмах В. Я. Проппа) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 5. С. 117–119.
15. Мельников И. В., Мельникова Н. М. Хроника // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 7 (184). С. 116–117.
16. Петров А. М. Криничная Неонила Артемовна. Видный исследователь народной культуры // Карельский научный центр РАН: история в лицах / Отв. ред. А. Ф. Титов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2021. С. 190–199.
17. Петров А. М. Исследователь, собиратель, популяризатор фольклора: к 80-летию Неонила Артемовны Криничной // Традиционная культура. 2018. Т. 19, № 4. С. 175–180.
18. Пигин А. В. О Неониле Артемовне Криничной // Словесность и история. 2020. № 2. С. 9–12.
19. Прушинская Н. А. «Позовет страничка...» (о совместной работе с Н. А. Криничной) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 5. С. 120–122.
20. Фольклорные традиции и музей (тезисы докладов Всесоюзной конференции). Петрозаводск, 1991. 38 с.

Поступила в редакцию 15.04.2024; принята к публикации 08.07.2024

Original article

Alexander M. Petrov, Cand. Sc. (Philology), Senior Researcher, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-5095-4254; hermitage2005@yandex.ru

NEONILA ARTYOMOVNA KRINICHNAYA: TOUCHES TO THE SCHOLAR'S BIOGRAPHY

Abstract. The paper examines the reports of Neonila Artyomovna Krinichnaya at the Ryabinin Readings conference from 1991 to 2011. It describes her main scholarly interests and presents her research methodology. In addition to the traditional problems of mythology, the structure of images and motifs, and the history of genres, the attention of N. A. Krinichnaya was also attracted to the problem of individuality of the bearers of folklore traditions. The paper presents and analyzes the main ideas from the articles prepared and published by the scholar. The issues studied by N. A. Krinichnaya are presented in their dynamics: the article traces the path from the characteristics of an epic singer

T. G. Ryabinin through identifying the sources of his skills to general conclusions about the factors that shape the figure of a storyteller as such. N. A. Krinichnaya paid significant attention to the influence of a storyteller's personality on the folklore texts he created. This process is bidirectional: on the one hand, the circumstances of the performer's life affect the choice and interpretation of traditional images and plots, while, on the other hand, their personality and personal creative intentions are limited by the framework of imagery and plot stereotypes, regulations, requirements, and etiquette formulas of folk culture.

Keywords: Krinichnaya Neonila Artyomovna, conference, Ryabinin Readings, biography, Ryabinin, storyteller, bylina, Kizhi

Acknowledgements. The paper was written as part of the state task assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. The author expresses his deep gratitude to the Kizhi Museum and Olga Nikolaevna Sergeeva for her assistance with the materials from the scientific archive.

For citation: Petrov, A. M. Neonila Artyomovna Krinichnaya: touches to the scholar's biography. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(6):106–111. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1082

REFERENCES

1. Vorobyova, S. V. The biography of a storyteller T. G. Ryabinin. *Ryabinin Readings – 95: Proceedings of the international research conference*. Petrozavodsk, 1997. P. 27–36. (In Russ.)
2. Vorobyova, S. V. Genealogies of Russian storytellers of Zaonezhye of the XVIII and the XIX centuries (Kizhi – Sennaya Guba): based on archival documents. Petrozavodsk, 2006. 160 p. (In Russ.)
3. Krinichnaya, N. A. Doppelganger: revisiting the semantics of the mythological character. *Russian Speech*. 2013;5:113–118. (In Russ.)
4. Krinichnaya, N. A. Mythology of water and water objects. Ghost stories, legends, beliefs, cosmogonic and etiological stories of the Russian North. Moscow, 2023. 439 p. (In Russ.)
5. Krinichnaya, N. A. “And he began to repair nets, traps, and other fishing gear...” (One episode from the biography of a storyteller T. G. Ryabinin). *Zhivaya Starina*. 1995;4:34–36. (In Russ.)
6. Krinichnaya, N. A. Russian mythology. Lords of existence. Ghost stories, legends, beliefs about people with magical powers. Moscow, 2023. 318 p. (In Russ.)
7. Krinichnaya, N. A. Russian mythology. “Master” spirits and traditional village lifestyle. Ghost stories, legends, beliefs about “master” spirits. Moscow, 2019. 353 p. (In Russ.)
8. Krinichnaya, N. A. Russian mythology. A human at the crossroads of worlds. Ghost stories, legends, beliefs about searching for and visiting sacred places and worlds. Moscow, 2023. 300 p. (In Russ.)
9. Krinichnaya, N. A. Trofim Grigoryevich Ryabinin, a storyteller: his life and his epic poetry. *Zaonezhye collection of papers*. Petrozavodsk, 1992. P. 6–24. (In Russ.)
10. Krinichnaya, N. A. Becoming a storyteller: the role of traditional community. *Master and folk artistic tradition of the Russian North: Proceedings of the III international research conference Ryabinin Readings – 99*. Petrozavodsk, 2000. P. 145–152. (In Russ.)
11. Krinichnaya, N. A. Son of the sea and the fairy tale. *The silver ship: Fairy tales of Matvey Korguev*. (V. Pulkin, Ed.). Petrozavodsk, 1988. P. 5–20. (In Russ.)
12. Krinichnaya, N. A. The phenomenon of storytelling: reconstructing the evolution of T. G. Ryabinin as a singer of bylinas. *Ryabinin Readings – 95: Proceedings of the international research conference*. Petrozavodsk, 1997. P. 15–26. (In Russ.)
13. Kundozerova, M. V. Neonila Krinichnaya as a researcher of Karelian runes. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(7):114–118. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.674 (In Russ.)
14. Loyter, S. M. “I admire her talents and her scrupulousness” (N. A. Krinichnaya in the letters of V. Ya. Propp). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(5):117–119. (In Russ.)
15. Mel'nikov, I. V., Mel'nikova, N. M. Chronicle. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019;7(184):116–117. (In Russ.)
16. Petrov, A. M. Neonila Artyomovna Krinichnaya. Prominent scholar of folk culture. *Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences: history in faces*. Petrozavodsk, 2021. P. 190–199. (In Russ.)
17. Petrov, A. M. Researcher, folklore collector, popularizer: commemorating the 80th anniversary of Neonila Artyomovna Krinichnaya. *Traditional Culture*. 2018;19(4):175–180. (In Russ.)
18. Pigin, A. V. About Neonila Artyomovna Krinichnaya. *Texts and History*. 2020;2:9–12. (In Russ.)
19. Prushinskaya, N. A. “A page will call...” (working together with N. A. Krinichnaya). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(5):120–122. (In Russ.)
20. Folklore traditions and museums (abstracts of reports at the all-Union conference). Petrozavodsk, 1991. 38 p. (In Russ.)

Received: 15 April 2024; accepted: 8 July 2024

ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ НИКИТИН

доктор филологических наук, профессор
Государственный университет просвещения
(Москва, Российская Федерация)
olnikitin@yandex.ru

Рец. на кн.: Исторический словарь народно-разговорной речи XVI–XVIII веков Рязанского края / Сост. Е. Н. Борисова. – Москва : Флинта, 2023. – 464 с.

Для цитирования: Никитин О. В. Рец. на кн.: Исторический словарь народно-разговорной речи XVI–XVIII веков Рязанского края / Сост. Е. Н. Борисова. – Москва : Флинта, 2023. – 464 с. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 6. С. 112–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1083

Работа над историческими словарями русского языка началась в XIX столетии. Первым таким лексиконом был «Index vocabulorum» Андрея Кайсарова, подготовленный в Геттингене в 1811 году, где обучался русский студент. Эта информация стала известна современным лингвистам во многом благодаря публикации А. Д. Дуличенко и В. Лефельдта (Duličenko A. D., Lehfeldt W. “INDEX VOCABULORUM” (1811) of Andrej Kajsarov: The First Dictionary of the Old Russian Language // Russian Linguistics. 2007. Vol. 31. P. 1–29. <https://doi.org/10.1007/s11185-006-0713-7>). Большую известность приобрели «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, которые стали ориентиром для дальнейшей работы лексикографов в деле изучения и описания языка XI–XIX веков. Под влиянием этого тезауруса уже в XX столетии стали выходить разработанные советскими учеными «Словарь русского языка XI–XVII вв.», «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков», «Словарь русского языка XVIII века», а также региональные исторические словари, вобравшие в свой состав ранее неизвестные рукописные памятники главным образом делового содержания, локальную литературу, авторские хроники, письма и т. д. Таким образом, к рубежу XX–XXI веков подобных лексикографических источников разной направленности было подготовлено немало. Можно с уверенностью утверждать, что сложились *региональные историко-лингвистические школы* (новосибирская, томская, пермская и др.), визитной карточкой которых стали исторические словари. Все они значительно обогатили и обновили сведения о бытовой, духовной, юридической, дипломатической культуре и даже вычленили из общерусского субстрата словарный фонд местного койне. Таков, например, «Региональный исторический словарь второй половины XVI–XVIII вв. (по памятникам письменности Смоленского края)» (Смоленск, 2000), выпущенный под редакцией Е. Н. Борисовой (далее – ИС). В нем

автор подробно говорил о принципах составления таких источников, обработки текстов и включенности отдельных пластов (в частности, антропонимической лексики) в структуру словника.

Новая книга продолжает эту традицию на материале исследования региолекта (отчасти) и в целом документальных материалов и переписки. Это первая попытка создания рязанского историко-лингвистического словаря, охватывающего самый интересный с точки зрения формирования культурно-языковых традиций период XVI–XVIII веков. В отличие от полных словарей, которые включают в большей степени всю лексику, отмеченную в памятниках письменности конкретного региона, рецензируемый словарь, подчеркивается в «Предисловии»,

«является не только диалектным, это именно **региональный** словарь, включающий в себя выявленный в письменных источниках словарный состав **рязанского койне** XVI–XVIII вв. Под рязанским койне мы разумею тот функциональный тип языка, который использовался в качестве основного средства повседневного общения между носителями говоров всех уездов, входивших в прошлом в состав Рязанского края» (с. 5).

Далее автор излагает принципы отбора источников, среди которых отмечены монастырские архивы, различные рукописные книги, грамоты, челобитные, исторические свидетельства и уже опубликованные С. И. Котковым и И. С. Филипповой «Памятники русской письменности XV–XVI вв.: Рязанский край» (М., 1968) и т. д.

Подраздел «Словник» во вводной части ИС рассказывает о принципах отбора и описания лексического материала, основными источниками которого стали памятники деловой письменности (с. 12). Автор обоснованно полагает, что они были недооценены исследователями. Этот пласт бытовой культуры особенно важен при изучении народно-разговорного языка, а «мнение о безграмотности большинства составителей деловых памятников письменности также явно преувеличено» (с. 12).

Рязанский край в языковом отношении начали изучать еще в XIX столетии (В. И. Даль), а затем известный диалектолог и лингвист Е. Ф. Будде собирал и анализировал факты местных говоров. Оба они писали о том, что это область «рязанского наречия» (с. 12–13), которая в древние времена простиралась вплоть до Воронежской, Пензенской и даже Саратовской губерний.

Основу словника ИС составляют выявленные автором в текстах диалектизмы вроде *переверта*, *ложкомоя* и др. Включены также бытовые выражения, которые имеют необычное «рязанское» обрамление. Таково, например, обнаруженное в рязанских памятниках словосочетание *луг в штаниках* – «луг, разрезанный водным источником» (с. 15). Вместе с тем Е. Н. Борисова фиксирует и такие лексемы, которые можно отнести к общерусской традиции, но они отсутствуют в «Словаре русского языка XI–XVII вв.». Подобный случай произошел с *плотвой*. Автор справедливо замечает, что данную лексему сложно отнести к диалектам даже в XVII столетии. Тем не менее указание на возможное «рязанское» происхождение (в данном случае это не утвердительный факт, а просто наличие подходящего контекста) «позволяет считать, что общеупотребительным оно в то время не было» (с. 15).

Большой пласт лексики в ИС составили разговорные слова или так называемое просторечие. Правда, не стоит забывать, что отнести то или иное слово или выражение к просторечному нелегко, так как мы оцениваем речевую ситуацию того времени с позиции знаний XXI века. Об этих трудностях пишет и Е. Н. Борисова (с. 16). Но есть, по ее мнению, маркеры просторечия, которые на протяжении веков остаются практически неизменными. Это словообразовательные суффиксы субъективной оценки *-к-*, *-шик-*, *-чик* и двойные приставки, которые можно обнаружить в таких словах: *взмануться*, *взойтись*, *испрогореть*, *обовдоветь*, *попрошась*, *посбросать* и др. Думается, что проблема изучения просторечия в истории русского языка остается актуальной и сейчас. Автор ИС очень серьезно подходит к выработке принципов разграничения народно-разговорной (просторечной) лексики и общелитературной. Так, она утверждает, что в этом отношении большое значение имеет жанровая соотнесенность источников, «в которых встречается то или иное интересующее нас слово» (с. 17). И далее:

«Отсутствие определенной лексики в произведениях высокого стиля и активное ее использование литературой деловой и произведениями устного народного творчества может служить одним из критериев отнесения анализируемых слов к просторечию или к диалектной лексике» (с. 17).

Важно разработать и проверить не только морфологические, но и семантические критерии для выявления фактов сниженной сти-

листической окраски в разговорной стихии языка. В этом случае, думается нам, большую помощь могли бы оказать иностранные словари и разговорники, которые чаще всего и фиксировали подобные слова и даже целые живые речевые конструкции (вспомним классические издания Б. А. Ларина и позднейшие публикации словарей М. Ридли, И. Г. Спарвенфельда и др.). Что касается XVIII столетия, то в данную эпоху начинают складываться уже нормативные правила разграничения лексики, которые зафиксированы «Словарем Академии Российской». Но вместе с тем стоит согласиться с Е. Н. Борисовой, что

«характерная для САР-1 и САР-2 неопределенность в трактовке как просторечия, так и лексики, квалифицируемой как простонародная, вынуждают нас критически и осторожно подходить к показаниям указанных словарей» (с. 17).

Автор ИС полагает, что

«самым надежным для нас критерием служат данные *реального* (курсив наш. – О. Н.) словоупотребления в исследуемую эпоху, полученные нами в процессе многолетнего изучения словарного состава русского языка по памятникам письменности как Юга, так и Севера Русского государства, а также по памятникам письменности» (с. 17).

В то же время следует заметить, что стилистические пометы такого свойства практически не даются в ИС за исключением «уменьш.», «уменьш.-ласк.», «уменьш.-уничиж.», «уничиж.-пренебр.» (с. 19).

Остальные разделы вводной части кратко объясняют принципы грамматической, стилистической характеристики и семантической структуры слова, а также способы передачи графики. Важно отметить, что рецензируемое издание прослеживает синонимические связи слов. ИС использует, к сожалению, современную графическую систему «с включением лишь буквы Ъ там, где она предствлена в тексте» (с. 19).

Словарная статья построена традиционно для такого лексикографического жанра. Приведем несколько примеров:

АНБАРНЫЙ, *прил.* к анбар. Да въ Переславле жь Рязанскомъ анбары и лавки и харчевни пусты и анбарныя и лавочныя и харчевныя места впусе. Ряз. перепис. кн. 1718 г., 142 (с. 21–22);

ВЫПАХАТЬ. *Вспахать*. Да став тако ркли то гсдне был путъ/ ?... а выпахали его Гридновы люди. Пам. Ряз., 65. 1535 г. (с. 69);

КОМАГА и **КОМЯГА**, *жс.* выдолбленная из бревна лодка. Куплено судно комага на мнстрьской обиходъ дана 60 ал/тын/. Ф. 1201/1, № 3. 1624 г. (с. 145);

ЯБЛОНЬКА. *жс.* Уменьш. к яблоня. В прошлом Гедрь году по твоему Гедрь властелинскому указу взято у меня сироты малых почечных яблонок в мнстрь и в Навоселках разожено по саду по счету что шестьдесят яблонок а давал мне сироте за те яблонки каломнитин тарговаи члвкъ рубль. Ряз. Арх., св. 14–48, № 8. XVII в. (с. 451).

По возможности автор цитирует несколько контекстов и дает семантические ряды слов, как это наблюдается, например, в следующей словарной статье:

РУБЕЖ, м. 1. *Зарубка, нарезка; черта или вырезанная на поверхности дерева круглая впадина как составная часть межевых знаков и бортовых знамен.* Знамя ихъ зводи... на верхъ сводей два рубежа знамя поперегъ дерева своди, а подь исподомъ щепера на сторону, а другая щепера повыше сводей на сторону. Ряз. п. кн. 2, 455. 1568 г. 2. *Линия раздела; граница, межа.* А от ямы и от столба старым рубезом до речкою проселочною, а от дороги старым рубезом на курганы. Ряз. п. кн. 2, 744, 1629. А из лоску на две липы из одного корени, а липы обе развилотые, а от тех лип в поле старым рубезом до лесу, а в лесу рубези нет. Там же, 741 (с. 351).

Несомненным достоинством ИС является использование рукописных источников из фондов РГАДА (боярские и городовые книги, Рязская канцелярия следственного дела, Переяславль-Рязанская провинциальная канцелярия, материалы дел таможи и кружечных сборов, Данковская, Кадомская, Касимовская, Рязская, Шацкая приказные избы и фонд Солотчинского монастыря), Государственного архива Рязанской области (рязанские столбцы XVII века) и научного архива Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника.

ИС станет ценным пособием по изучению лексики XVI–XVIII веков, уточнит и пополнит сведения о многих реалиях того времени. Особенно важным нам представляются фиксация и описание бытовой культуры, которая в указанный период формировала предметное поле номинаций, используя богатый местный потенциал речевых средств (диалектов, ономастикона, обычаев и т. д.). Конечно, строгому историку языка хотелось бы видеть в рецензируемом издании соблюдение всех правил лингвистического источниковедения при воспроизведении и цитировании документов (наличие пореформенных литер, титл, выносных знаков, языковых соответствий и др.). Поскольку словарь носит научный характер и предназначен прежде всего для специалистов, такие детали значимы и могли бы более достоверно восстановить языковую картину XVI–XVIII веков.

Мы обратили внимание также на словарные статьи, в которых упоминаются широко известные явления и предметы, не имеющие в описании специфически рязанской «картинки», такие как *младенец, полотенце, рубашка, руда* (в зна-

чении 'кровь'), *судак, татьба* и мн. др. Определение семантики отдельных лексем затемнено или выявлено недостаточно точно. Например, «*полутелогрейка*» – «род женской одежды; короткая телогрея (?)»; «*полуторник, м. 1. (?)* Ныне навоз вазить в барсуковские поля на полуторникъ за Карпомъ» (с. 291). Ясно, что такой анализ требует поисков разных контекстов, и автор, очевидно, не будучи уверенным до конца в значении слова, не делал окончательного вывода. Все это повод для дальнейшего лингвистического наблюдения.

Хочется надеяться, что работа с региональными источниками будет продолжаться. Необходимо изучить новые факты и публикации рукописных текстов, использовать богатую лексикографическую литературу последних десятилетий, применять лингвосопоставительную практику анализа лексем, выявлять причины возникновения узусных значений слова и более тщательно работать над этнографическим материалом. Но все это по силам выполнить отдельным научным коллективам. В нашем отношении мы имеем дело с уникальным феноменом, когда один ученый создает объемный ИС и своей влюбленностью в живое слово и документы мотивирует современников и последователей продолжать этот интересный опыт. Каждый такой словарь, какими бы «недостатками» он ни обладал, безусловно, является значимым вкладом в изучение формирования русского языка централизованного государства в периоды пограничья – XVI–XVII и XVII–XVIII века, когда влияние локальных явлений еще было заметным на общерусском фоне. Это тем более показательно, что Рязанский край находился на перепутье историко-культурных явлений, торговых путей, традиций и диалектов.

Благодарный читатель найдет много полезного в этой книге даже за пределами языкового контекста (хотя именно он в ней самый колоритный). Как готовили вино, кто такой *огурищик*, какие были меры весов, должности, увлечения и привычки местных жителей, описание юридического быта и многое другое – как будто живыми образами сходят со страниц этого словаря сюжеты давних времен и призывают нас помнить, любить и беречь историю национального языка.

Поступила в редакцию 02.06.2024; принята к публикации 08.07.2024

Review

Oleg V. Nikitin, Dr. Sc. (Philology), Professor, Federal State University of Education (Moscow, Russian Federation)
olnikitin@yandex.ru

The book review: Historical dictionary of the folk colloquial speech of the Ryazan territory in the XVI–XVIII centuries (E. N. Borisova, Comp.). Moscow, 2023. 464 p.

For citation: Nikitin, O. V. The book review: Historical dictionary of the folk colloquial speech of the Ryazan territory in the XVI–XVIII centuries. (E. N. Borisova, Comp.). Moscow, 2023. 464 p. *Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2024;46(6):112–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1083

Received: 2 June 2024; accepted: 8 July 2024

НАТАЛИЯ ПАВЛОВНА ПАВЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры начального образования, общей и социальной педагогики Института педагогики и психологии
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Российская Федерация)
npp55@mail.ru

Рец. на кн.: Голуб И. Б., Розенталь Д. Э. Секреты хорошей речи / И. Б. Голуб, Д. Э. Розенталь. – Москва: Международные отношения, 1993. – 280 с.

Для цитирования: Павлова Н. П. Рец. на кн.: Голуб И. Б., Розенталь Д. Э. Секреты хорошей речи / И. Б. Голуб, Д. Э. Розенталь. – Москва: Международные отношения, 1993. – 280 с. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 6. С. 115–117. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1084

Сегодня, когда интернет пестрит предложениями о подготовке к ЕГЭ / ОГЭ по русскому языку, справочники Д. Э. Розенталя по русскому правописанию даже не нуждаются в дополнительной рекламе. Их покупают, скачивают, читают онлайн. Однако его книги, посвященные вопросам речевой культуры, востребованы не часто. При этом удивительные совпадения происходят в жизни. Во время подготовки к занятиям вспомнила о книге «Секреты хорошей речи» Ирины Борисовны Голуб и Дитмара Эльяшевича Розенталя. Обратила внимание на дату первого издания – 1993 год. Оказалось, что книга вышла 30 лет назад. Вспомнила и некоторые даты из биографии лингвиста: в 2024 исполняется 124 года со дня рождения и 30 лет со дня смерти Д. Э. Розенталя. Именно эти совпадения, состояние речевой культуры современного общества и незатухающий интерес к «живому слову» заставили заново перечитать книгу И. Б. Голуб и Д. Э. Розенталя «Секреты хорошей речи».

Обратимся к истории. Книга «Секреты хорошей речи», написанная в соавторстве с И. Б. Голуб, стала не первой книгой Дитмара Эльяшевича Розенталя по вопросам культуры речи. Ей предшествовали следующие издания: «А как лучше сказать? Книга для внеклассного чтения (VIII–X классы)»¹, «Культура речи»², «Культура речи лектора»³, «Словоупотребление и норма»⁴. Можно добавить к этому перечню и многочисленные справочники по практической стилистике русского языка, словари трудностей, управления и согласования в русском языке, многократно переизданные.

Немало удивляет тот факт, что книга «Секреты хорошей речи» вышла в свет в 90-е годы прошлого века, которые часто характеризуют как «лихие 90-е», сложный и противоречивый период становления Российской Федерации. В это время структура книжного выпуска значительно изменилась: преобладающими жанрами

на рынке стали детективы, научная фантастика, любовные романы. «В эти же годы сократился выпуск научных, учебных, учебно-методических изданий»⁵. В 1993 году, по данным Российской книжной палаты, было выпущено 1720 наименований научно-популярной литературы. При этом книга «Секреты хорошей речи» опубликована в издательстве «Международные отношения», которое с 1957 года специализируется на издании литературы по внешней политике и дипломатии, международному праву, архивных материалов МИД, учебных пособий для вузов соответствующих направлений подготовки. Тем удивительнее тот факт, что книга, в аннотации к которой авторы говорят о ее адресации «любителям российской словесности... всем, кто стремится к повышению речевой культуры» (с. 2), увидела свет тиражом в 40 000 экземпляров, не имея при этом прямого отношения к международным проблемам. Кроме того, И. Б. Голуб и Д. Э. Розенталь прямо говорят о занимательной и доступной форме произведения. Возникает вопрос: почему же книга по сути научно-популярного жанра остается востребованной и сейчас, спустя 30 лет после выхода первого издания?

Безусловно, читателей привлекает прежде всего трепетное отношение авторов к родному языку. Вслед за К. И. Чуковским, исследовавшим такое языковое явление, как «канцелярит»⁶, они настойчиво повторяют, обращаясь к читателям: «Не увлекайтесь избитыми готовыми фразами, избитыми образами... находите свои слова!» (с. 279). И это не просто призыв, это стремление развить языковой вкус, научить грамотно выражать свои мысли, привить привычку пользоваться словарями, искать точное слово. Сегодня это особенно важно и для школьников, которые готовятся к написанию итогового сочинения как допуска к ЕГЭ, целью которого является выявление речевой культуры выпускника, в том числе «владение языковыми средствами –

умение ясно, логично и точно излагать мысли, использовать адекватные языковые средства⁷. При этом в интернете появляется все больше материалов из серии «Как написать итоговое сочинение без ошибок», которые зачастую навязывают шаблонные подходы к предложенному испытанию, что не способствует развитию логического мышления выпускника, формированию умения связного выражения мыслей. Именно поэтому книга «Секреты хорошей речи» может стать хорошим путеводителем для учителя, работающего не только в выпускных классах.

Самый поверхностный взгляд на формулировки содержания книги останавливает внимание и вызывает интерес. Дело в том, что авторы, обозначая новый параграф, используют конструкции, привлекающие внимание читателя. Они напоминают вопросы: «Как правильно употреблять части речи», «В чем секрет местоимения», «Зачем нам орфоэпия» и др. Такая форма подачи материала является простой и привлекательной. Следует напомнить, что книга обращена к широкому кругу читателей, а не только к тем, кто получил филологическое образование. Мало кто из «наивных пользователей языка» задумывается, как правильно произнести слова типа *заодно*, *вообразить*. И. Б. Голуб и Д. Э. Розенталь дают подсказку: «На месте сочетаний букв *aa*, *ao*, *oa*, *oo* в предупредительных слогах произносятся гласные *aa*, например, з[а]сфальтировать, з[aa]дно, п[aa]нглийски, в[aa]бразить» (с. 179).

Может сложиться впечатление, что книга носит только развлекательный характер. Безусловно, это не так. Это очень серьезный труд по фонетике, лексике, морфологии, синтаксису, культуре речи. При написании разделов «Богатство речи», «Чистота речи», «Уместность речи» и других авторы объясняют сложные лингвистические процессы на ярких примерах из художественной литературы, разговорной речи и, конечно, цитируя работы лингвистов. Так, для иллюстрации омонимии используется стихотворение В. Я. Брюсова «Ты белых лебедей кормила...» (с. 46). Богатство русского словообразования демонстрируется на примерах из разговорной речи, при этом происходит нанизывание аффиксов субъективной оценки: «дочурочка, бабуленция, крохотулечка, духотища» (с. 71). Каламбур как литературный прием толкуется через определение, данное В. В. Виноградовым (с. 47).

Поражает богатство литературного материала, используемого в книге. Н. М. Карамзин и Д. И. Фонвизин, А. С. Пушкин и Н. В. Гоголь, Б. Л. Пастернак и И. А. Бродский – это далеко

не полный перечень писателей, поэтов, примеры из произведений которых используют авторы. Таким образом у читателя постепенно формируется умение пристально вглядываться в текст, вчитываться в слово, понимать сложные языковые процессы.

В книге постоянно присутствует обращение к различным словарям. Это и словари синонимов русского языка (с. 50), и толковые словари, и словарь грамматической правильности русской речи (с. 78). При рассмотрении вопроса о трудностях произношения или ударения авторы приводят объемный перечень наиболее употребительных слов, в которых отмечены колебания (с. 184–192). Аналогично дается и выборочный перечень слов и конструкций с грамматическим управлением (например, *задуматься над чем и о чем*) (с. 156–173). Это своеобразная отсылка к словарю-справочнику «Управление в русском языке: Словарь-справочник для работников печати»⁸.

Отдельного внимания заслуживает раздел «Не забывайте о знаках препинания!». На двух страницах книги авторы сумели рассказать об употреблении всех десяти знаков препинания, используемых в русской пунктуации. Впоследствии читатели могут вспомнить правила пунктуации при обращении к знаменитым справочникам Д. Э. Розенталя⁹.

Следует отметить, что каждый новый раздел книги начинается с эпиграфа, который точно отражает основную мысль авторов. Слова Д. И. Писарева: «Неправильность употребления слов ведет за собой ошибки в области смысла и потом в практике жизни», – стали эпиграфом к разделу «Правильность речи» (с. 112). Логичным переходом к разговору о точном употреблении слов в соответствии с их стилистической окраской стало и понятие нормы литературного языка. При этом с эпиграфом перекликается, на наш взгляд, начало раздела: «На всех “ярусах” языка требуется соблюдение нормы» (с. 112).

Дисциплина «Культура речи» была введена в вузовские программы в 80-е годы прошлого века. Название курса изменялось («Русский язык и культура речи», «Культура русской деловой речи», «Русский язык: культура речи и деловое общение» и др.). Одним из первых учебников, который был рекомендован для изучения, стал учебник Б. Н. Головина «Основы культуры речи»¹⁰, но в рекомендательном списке литературы автор указывает книгу Д. Э. Розенталя «Культура речи», изданную в 1959 году¹¹. В последние десятилетия появились новые учебные пособия, ориентированные на формирование

умений публично выступать, вести переговоры, дискуссию, непринужденную беседу и пр. Однако практически во всех пособиях присутствует раздел, посвященный нормам литературного языка. Аналогично и в предлагаемых онлайн-курсах отмечается, что «курс русской речевой культуры – интегративный курс, включающий целый ряд разделов: лексические нормы, нормы русской орфоэпии, грамматические нормы, орфография и пунктуация»¹².

Завершая краткий разговор о книге «Секреты хорошей речи» И. Б. Голуб и Д. Э. Розенталя, не-

обходимо сказать, что она стала одной из первых книг, которая в непринужденной, научно-популярной форме знакомила читателей со сложными проблемами речевой коммуникации в нормативном плане, понимание и осознание которых способствует формированию языковой компетенции, повышает уровень владения языком в практическом плане. Это становится особенно важным сейчас, когда новые поколения школьников, студентов довольно часто воспринимают информацию через короткие, яркие образы. Примеры таких образов и дает книга «Секреты хорошей речи».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Розенталь Д. Э. А как лучше сказать? Книга для внеклассного чтения (VIII–X классы). М.: Просвещение, 1979. 206 с.
- ² Розенталь Д. Э. Культура речи. М.: Изд-во Московского ун-та, 1959. 125 с.
- ³ Розенталь Д. Э. Культура речи лектора. М.: Гос. изд-во культурно-просветительской литературы, 1956. 39 с.
- ⁴ Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словоупотребление и норма [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://russkayarech.ru/ru/archive/2017-1/46-49?ysclid=ln61qgez34286959> (дата обращения 15.01.2024).
- ⁵ Книгоиздательство в России в 1990–2006 гг. // Всеобщая история книги [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://maxbooks.ru/berabum/shomrak112.htm?ysclid=lrc03qk9ei979290933> (дата обращения 10.01.2024).
- ⁶ Чуковский К. И. Живой как жизнь. О русском языке. М.: Молодая гвардия, 1963. 232 с.
- ⁷ Об утверждении федеральной образовательной программы среднего общего образования. Приказ Министерства просвещения РФ от 23.11.2022 № 1014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://shkolatatanovo.gosuslugi.ru/netcat_files/userfiles/2/FGOS2021/FOP_SOO.pdf (дата обращения 12.01.2024).
- ⁸ Розенталь Д. Э. Управление в русском языке: Словарь-справочник для работников печати. М.: Книга, 1981. 205 с.
- ⁹ Розенталь Д. Э. Справочник по пунктуации. М.: АСТ, 1997. 263 с.
- ¹⁰ Головин Б. Н. Основы культуры речи: Учебник для вузов по спец. «Русский язык и литература». М.: Высш. шк., 1980. 333 с.
- ¹¹ Розенталь Д. Э. Культура речи. М.: Изд-во Московского ун-та, 1959. 88 с.
- ¹² Открытое образование – Русский язык и культура речи [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://openedu.ru/course/utmn/UTMN5/?session=fall_2021 (дата обращения 15.01.2024).

Поступила в редакцию 29.01.2024; принята к публикации 24.06.2024

Review

Natalia P. Pavlova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Cherepovets State University (Cherepovets, Russian Federation) npp55@mail.ru

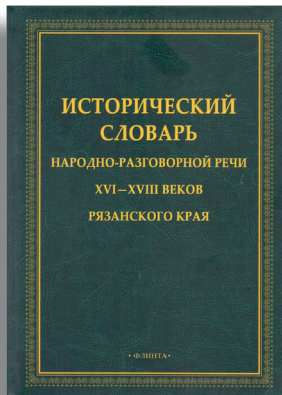
The book review: Golub, I. B., Rosenthal, D. E. Secrets of good speech. Moscow, 1993. 280 p.

For citation: Pavlova, N. P. The book review: Golub, I. B., Rosenthal, D. E. Secrets of good speech. Moscow, 1993. 280 p. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(6):115–117. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1084

Received: 29 January 2024; accepted: 24 June 2024

CONTENTS

<p>Editorial note 7</p> <p>RUSSIAN LANGUAGE. NATIONAL LANGUAGES OF RUSSIA</p> <p><i>Dyachkova I. N.</i> THE POMORS' WEDDING BREAD <i>BAYNIK</i>: CULTURAL AND LINGUISTIC ASPECT 8</p> <p><i>Lebedev A. A.</i> RHETORICAL QUESTION AS A FIGURE OF SPEECH IN THE POETRY OF FEOFAN PRO- KOPOVICH 16</p> <p><i>Sharapova A. K.</i> ZOOTROPES IN THE BOOK <i>THE WONDER- FUL LAND OF VODLA</i> BY A. S. MONAKHOVA ... 23</p> <p><i>Quanming Wu</i> THE FUNCTIONING OF PHRASEOLOGICAL UNITS <i>KOZYOL OTPUSHCHENIYA</i> ("SCAPE- GOAT") AND <i>DRAT' KAK SIDOROVU KOZU</i> ("THRASH LIKE A SIDOROV'S GOAT") 30</p> <p>NATIONAL LANGUAGES OF FOREIGN COUNTRIES</p> <p><i>Bratchikova N. S.</i> LANGUAGE OF SPORTS NEWS (BASED ON THE FINNISH LANGUAGE) 36</p> <p>CLASSICAL, BYZANTINE, AND NEW GREEK PHILOLOGY</p> <p><i>Gavra E. P.</i> INTERTEXTUALITY AND PRECEDENT TEXTS IN RUSSIAN AND GREEK VERSIONS OF <i>THE NANNYTV</i> SERIES 43</p> <p><i>Sorokina T. V.</i> STATUS DISTANCE IN REFUSAL: POLITE REFUSALS IN THE RUSSIAN AND MODERN GREEK LANGUAGES 49</p> <p>RUSSIAN LITERATURE AND NATIONAL LITERATURES OF THE RUSSIAN FEDERATION</p> <p><i>Pigin A. V., Kharebova L. S.</i> ANDREI SINYAVSKY'S COLLECTION OF MANUSCRIPTS AND BOOKS OF CYRILLIC PRINTING STORED AT THE NATIONAL MU- SEUM OF THE REPUBLIC OF KARELIA 55</p>	<p><i>Suvorova I. M., Nilova A. Yu.</i> ANCIENT IMAGES IN THE POEMS PUB- LISHED BY THE JOURNAL <i>NOTES OF THE FATHERLAND</i> (1868–1877) 62</p> <p><i>Shilova N. L.</i> MIKHAIL PRISHVIN'S NORTHERN TRAVE- LOGUES AS PRETEXTS FOR YURY KAZA- KOV'S ESSAY "KALEVALA" 71</p> <p>WORLD LITERATURES</p> <p><i>Amiridou S. G.</i> BETWEEN TWO WORLDS: THE IMAGE OF A GREEK IN THE SHORT STORY "HELLADOS" BY NODAR DUMBADZE 78</p> <p><i>Sedova E. S.</i> ARTISTIC INTERPRETATION OF HISTORY IN JOHN BOYNE'S NOVEL <i>THE BOY IN THE STRIPED PYJAMAS</i> 88</p> <p>FOLKLORISTICS</p> <p><i>Nikitina A. V.</i> A FOLK TALE IMAGE TRANSFORMATION IN POPULAR PRINTED (<i>LUBOK</i>) TALES: THE CASE OF BABA YAGA 97</p> <p><i>Petrov A. M.</i> NEONILA ARTYOMOVNA KRINICHNAYA: TOUCHES TO THE SCHOLAR'S BIOGRAPHY ... 106</p> <p>Reviews</p> <p><i>Nikitin O. V.</i> The book review: Historical dictionary of the folk colloquial speech of the Ryazan territory in the XVI–XVIII centuries 112</p> <p><i>Pavlova N. P.</i> The book review: Golub, I. B., Rosenthal, D. E. Se- crets of good speech 115</p>
--	--

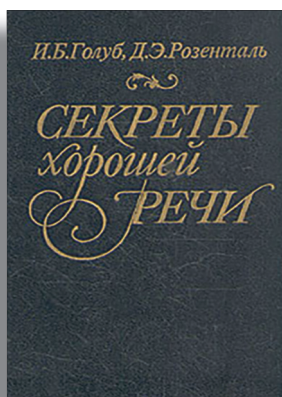
ИСТОРИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ НАРОДНО-РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ XVI–XVIII ВЕКОВ РЯЗАНСКОГО КРАЯ

Словарь представляет собой первый опыт лексикографического описания словарного состава рязанского койне в период XVI–XVIII вв. В словарь вошла как диалектная лексика этого времени, так и общерусская, ставшая диалектной в последующие периоды развития русского языка. В основе словаря – данные памятников рязанской письменности, частная переписка. Основная часть источников – рукописные книги и рукописи, представляющие собой многожанровую деловую и частно-деловую письменность. Используются и опубликованные рязанские памятники деловой письменности.

Словарь рассчитан на филологов, историков, этнографов, всех, кого интересует прошлое страны.

Исторический словарь народно-разговорной речи XVI–XVIII веков Рязанского края / сост. Е. Н. Борисова. – Москва : Флинта, 2023. – 464 с.

Отзыв о словаре читайте в рубрике «Рецензии»

И. Б. Голуб, Д. Э. Розенталь СЕКРЕТЫ ХОРОШЕЙ РЕЧИ

Книга в занимательной и доступной форме рассказывает об особенностях правильной и красивой русской речи в ее устной и письменной форме, раскрывает секреты ораторского искусства, помогает избежать распространенных речевых ошибок. На интересных примерах высокого художественного мастерства русских писателей, поэтов, публицистов показаны разнообразные стилистические приемы усиления выразительности, эмоциональности, действенности речи, негативные примеры предостерегут читателей от типичных ошибок в словоупотреблении, построении фразы. Книга адресована не только любителям российской словесности, но и всем, кто стремится к повышению речевой культуры.

Голуб, Ирина Борисовна. Секреты хорошей речи / И. Б. Голуб, Д. Э. Розенталь. – Москва : Международные отношения, 1993. – 280 с.

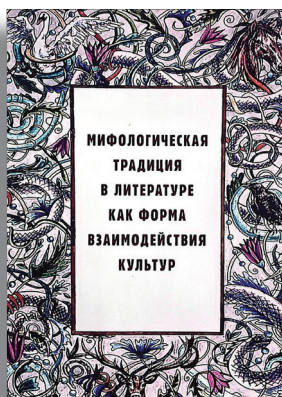
Отзыв о книге читайте в рубрике «Рецензии»

ЛИТЕРАТУРА В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: ПОЭТИКА, КОМПАРАТИВИСТИКА, ИМАГОЛОГИЯ

Сборник статей «Литература в глобальном мире: поэтика, компаративистика, имагология», подготовленный кафедрой романо-германских языков, перевода, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации НГЛУ, отражает результаты одноименной международной научной конференции, проходившей в НГЛУ им. Н. А. Добролюбова в мае 2023 года. Он представляет интерес для всех, кто профессионально занимается или просто интересуется такими науками, как литературоведение, лингвистика и имагология. Сборник отражает новейшие тенденции в изучении явлений современной культуры в России и на Западе, предлагает эффективные методики исследования художественных текстов, определяет круг обязательных для прочтения мастеров современной прозы.

Литература в глобальном мире: поэтика, компаративистика, имагология [Электронный ресурс]: Сборник научных статей / Отв. ред. Е. А. Сакулина. Электронные текстовые данные (1,92 МБ). – Н. Новгород: НГЛУ, 2024. – 214 с.

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ КАК ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР

В пособии рассматриваются пути соприкосновения архаического мышления и современной литературы в контексте кросскультурного взаимодействия. Материал пособия даст возможность обучающимся глубоко проникнуть в принципы взаимодействия мифологического мышления, традиционно свойственного архаическому обществу, и литературы XX века: на практике увидеть принципы бытования мирового литературного процесса в непрерывном потоке, научиться вычленять генетические компоненты современной литературы. В конце каждой главы представлены контрольные вопросы.

Мифологическая традиция в литературе как форма взаимодействия культур : учебное пособие для обучающихся по направлению подготовки магистратуры «Филология» / [сост. Е. А. Сафрон] : М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозав. гос. ун-т. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2024. – 68 с.

